

**ЧЕРТОВА ДЮЖИНА
КОНТРАЗВЕДКИ**

Н. Н. Лузан

**ЧЕРТОВА ДЮЖИНА
КОНТРАЗВЕДКИ**

Москва
Кучково поле
2013

УДК 335.40
ББК 63.3(2)
Л82

Лузан Н. Н.

Л82 Чертова дюжина контрразведки. — М.: Кучково поле, 2014. — 304 с.

ISBN 978-5-9950-0351-9

О работе органов разведки и контрразведки написано немало. В печати нередко мелькают имена уличенных в шпионской деятельности россиян и иностранцев. В этой книге автор, ветеран органов контрразведки, полковник, неоднократный лауреат премий ФСБ России в области литературы, обратился к недавним делам, связанным с разоблачением и пресечением разведывательно-подрывной деятельности спецслужб Грузии и Польши.

Со знанием дела он рассказывает читателям о сложной, длящейся порой годами работе спецслужб по выявлению и обезвреживанию шпионских сетей на территории России и с жалостью и презрением о людях, которые, не сумев преодолеть житейские неурядицы, не нашли ничего лучшего, как поддаться на обещания «сладкой жизни» агентов иностранных разведок и, поступаясь понятиями «честь» и «долг», предать Родину.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

УДК 335.40
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9950-0351-9

© Лузан Н. Н., 2013
© Кучково поле, 2014

Чужой на связь не выйдет

День 23 декабря 1996 года в кабинете директора Федеральной службы безопасности России мало чем отличался от многих предыдущих, разве что фантастические рисунки, нарисованные морозом на оконном стекле, празднично украшенные витрины «Детского мира» напротив, оживленная суета на Лубянской площади и улицах напоминали о приближении Нового года. Но он не замечал этой веселой, завораживающей красоты рождественской Москвы и мысленно находился за сотни километров от нее, в столице одного из дружественных государств СНГ.

Несколько минут назад, в 16.55, оттуда от коллег поступила и легла на его рабочий стол срочная шифровка. В ней сообщалось о попытке неустановленного лица инициативно выйти на контакт с сотрудником разведки США. Неизвестный располагал сверхсекретной информацией о Ракетных войсках стратегического назначения России (РВСН) и предлагал американцам купить ее за баснословную цену — 500 тысяч долларов.

Беглый взгляд на краткий перечень того, что изменник собрал и намеревался передать иностранной спецслужбе, невольно воскресил в памяти директора мрачную тень

зловеще знаменитого шпиона, бывшего полковника ГРУ Олега Пеньковского. В начале шестидесятых годов прошлого века этот амбициозный карьерист, затаивший злобу на более удачливых и талантливых сослуживцев, погрязший в долгах и распутстве, инициативно предложил свои услуги британской, а затем и американской разведке. Два года предатель выдавал иностранным спецслужбам важнейшие государственные секреты — планы строительства и развертывания РВСН. Его измена дорого обошлась стране и нанесла серьезный ущерб ее обороноспособности. Десятки боевых стартовых позиций ракетных комплексов пришлось переносить и строить на новых местах.

Спустя тридцать лет история одного из самых гнусных предательств повторялась с пугающей узнаваемостью. Изменнические планы очередного «инициативника», в случае их реализации, снова могли нанести значительный политический и военный ущерб обороноспособности страны. В непростых условиях становления молодой российской государственности и реальных угроз со стороны международного терроризма и сил сепаратизма Ракетные войска стратегического назначения, как и прежде, продолжали играть ключевую роль в обеспечении независимости и служили надежной гарантией от любых посягательств на ее суверенитет.

В те последние дни уходящего в историю 1996 года пока еще неизвестный контрразведчикам «инициативник» делал серьезную заявку своим будущим хозяевам, предлагая в качестве аванса ни много ни мало как сведения, раскрывающие тактико-технические характеристики нескольких типов ракетных комплексов: стационарного — «Сатана», подвижных — «Скальпель» и «Тополь», нормативы пусков ракет на различных этапах эксплуатации, порядок и сроки приведения частей в высшие степени боевой готовности, обобщенные данные, характеризующие общее состояние

ракетного и специального вооружения, а также ряд других совершенно секретных и секретных материалов.

По компетентному мнению главкома РВСН Игоря Сергеева, важнее данной информации в ракетных войсках на тот период не существовало. Поэтому контрразведчики не имели права допустить выхода «инициативника» на иностранную спецслужбу и его вербовку, но неумолимое время работало против них. И в этой отчаянной гонке им ничего другого не оставалось, как только опередить изменника.

«Найти и обезвредить! Во что бы то ни стало!» — эта мысль не давала покоя директору. Отвернувшись от окна, он быстрым шагом прошел к столу, склонился над шифровкой, и на нее легла короткая и решительная резолюция:

«Тов. Сафронову А. Е., Соболеву В. А. срочно создать группу и согласовать действия».

С того дня в работу по поиску изменника включились десятки опытных оперативников и аналитиков российской контрразведки. Скрупулезный анализ материалов, предлагавшихся «инициативником» на продажу американской разведке, уже на первом этапе позволил исключить из обширного списка воинских частей и учреждений научно-исследовательские институты и полигоны. Ряд специфических данных из перечня, предлагавшегося на продажу американской разведке, указывал на то, что по роду своей службы изменник, вероятно, связан с вопросами боевого управления ракетными войсками. Это позволило контрразведчикам спустя сутки после поступления шифровки от коллег сузить круг его поиска до трех ведомств. По предварительной оценке аналитиков, он мог находиться в Главном оперативном управлении Генерального штаба, или в Главном штабе Ракетных войск стратегического назначения, либо в частях Оренбургской ракетной армии.

Этот первый успех не принес желанного облегчения — контрразведчики по-прежнему еще слишком далеко находи-

лись от конечной цели — круга подозреваемых лиц. Впереди их ждала поистине титаническая работа: требовалось, не оскорбляя подозрением порядочных людей, добросовестно исполнявших свой долг, и одновременно не насторожив «инициативника», проверить в кратчайшие сроки сотни военнослужащих и выйти на того единственного отщепенца, который, предав Родину и товарищей, предлагал свои услуги иностранной спецслужбе.

Прошли еще одни сутки, и ранним утром в кабинете начальника Управления военной контрразведки ФСБ России генерал-полковника Алексея Молякова собрались на срочное совещание руководители ведущего отдела генерал-майор Анатолий Сердюк и его заместитель полковник Владимир Моргун. Обсуждение задачи было коротким. Руководство ФСБ, а равно и время требовали от них быстрых и решительных действий по выявлению изменника.

Опытные профессионалы, за плечами которых была учеба в военных училищах РВСН, а затем многолетняя оперативная работа в различных соединениях и объединениях ракетных войск, Сердюк и Моргун хорошо знали, что следует делать, и вместе с подчиненными незамедлительно включились в поиск «инициативника». При том скудном исходном материале, что находился в распоряжении оперативной группы, они возлагали большие надежды на способности аналитиков. И те не подвели. Анализируя и сопоставляя исходные и новые данные, непрерывным потоком поступающие из различных управлений Федеральной службы безопасности, Генштаба, Главного штаба РВСН, аналитики к исходу дня 25 декабря положили на стол Сердюка исчерпывающий перечень частей, где «инициативник» мог получить сведения, которые предлагал на продажу иностранной спецслужбе.

Таковых набралось около десятка, и в них проходили службу сотни военнослужащих. Теперь группе Сердюка

предстояло оперативно проработать весь круг лиц и «выжать» его до того единственного, кто рвался на встречу с американской разведкой. Времени на это катастрофически не хватало, так как «инициативник» в любой момент мог сбросить информацию и потом залечь на дно. И здесь генералу помогли многолетний опыт работы в контрразведке и то, что нельзя измерить ни на каких весах и что называется профессиональной интуицией. А они подсказали ему, что изменник, вероятнее всего, находится в одном из отделов Управления Оренбургской ракетной армии.

Сердюк снова обратился к перечню секретов «инициативника». Интуиция и память его не подвели. То, что сейчас лежало на столе, полгода назад он, в то время начальник отдела ФСБ той самой Оренбургской ракетной армии, рассматривал при работе с боевыми документами командования. Особо охраняемые секреты: нормативы пусков ракет на различных этапах эксплуатации, сроки и порядок приведения частей в высшую степень боевой готовности, а также данные, характеризующие общее состояние ракетного и специального вооружения, — совпадали с теми, что содержались в перечне секретов «инициативника». Окончательно утвердили генерала в своей догадке данные, характеризующие состояние боевой готовности ракетной дивизии, дислоцирующейся под городом Нижним Тагилом. В них он уж точно не мог ошибиться. В далеком 1972 году выпускник Ростовского ракетного училища лейтенант Сердюк начинал свою службу в этой уральской дивизии РВСН и запомнил как таблицу умножения координаты и ряд других сведений, относящихся к боевым стартовым позициям №№ 21, 12, 11, 5 и 1. Значит, «инициативника» надо было искать среди военнослужащих управления Оренбургской ракетной армии.

Спеша подтвердить свою догадку, генерал потянулся к трубке телефона ВЧ-связи. В Оренбурге был десятый час вечера, и ему ответил дежурный отдела ФСБ старший опер-

уполномоченный по особо важным делам подполковник Виктор Агольцев. Сердюк невольно подумал, что сегодня все складывается удачно, как никогда, и теплая волна симпатии к бывшему подчиненному поднялась в груди.

Подполковник Агольцев — хваткий оперативник и способный агентурист — не первый год вел контрразведывательную работу в штабе ракетной армии, прекрасно владел обстановкой и лично хорошо знал многих офицеров, прапорщиков и служащих. Как истинный военный контрразведчик, он жил интересами армейского коллектива, и потому на вопросы Сердюка сумел дать исчерпывающие ответы: назвал отделы штаба, где велась разработка документов, сведения из которых предлагал американской разведке «инициативник», и очертил круг подозреваемых лиц.

Их оказалось не так уж много, что позволило Сердюку и оперативному штабу окончательно определиться с направлением розыска. Теперь многое решало время, а оно работало против контрразведчиков. Они прекрасно понимали, что «инициативник», имея на руках убийственные для себя улики, постарается поскорее избавиться от них. Эти опасения подтвердились. Ближе к полночи от коллег из дружественной страны поступила очередная шифровка. В ней сообщалось о новой перехваченной ими оперативной информации, которая свидетельствовала о том, что «инициативник» продолжает искать выход на иностранную службу. На этот раз он действовал более настойчиво, но, как и прежде, вел себя предельно осторожно и не оставил для контрразведчиков зацепок. Дальше медлить было нельзя, и 26 декабря 1996 года оперативная группа, в которую вошли опытные контрразведчики и следователи Федеральной службы безопасности во главе с генералом Сердюком, вылетела в столицу соседней страны.

Встретила она их пронизывающим ветром и крепким морозом. Но тот материал, который коллегам удалось

получить к приезду российских контрразведчиков, быстро заставил их забыть о холоде и неудобствах гостиничных номеров. Выстроенная генералом Сердюком модель «инициативника» — офицера Управления Оренбургской ракетной армии — рассыпалась на глазах. Его и других участников оперативной группы ждал сюрприз. Выход на американскую разведку искал не ракетчик, как они предполагали, а некий Валерий Литвинюк, который никогда не был в Оренбурге и тем более не служил в РВСН. Собранная на него и его близких дополнительная информация тоже мало что прояснила. Ни он, ни они до последнего времени не имели контактов с иностранцами, а тем более с представителями спецслужб других государств. Кроме того, личность Литвинюка сама по себе вряд ли могла заинтересовать даже самую захудалую разведку. Судимость в прошлом и отсутствие непосредственного доступа к секретам не оставляли ему шансов отличиться на шпионском поприще.

Несмотря на это, генерал Сердюк не терял уверенности в том, что Литвинюк каким-то образом связан с настоящим хозяином секретов, который до поры до времени предпочитал оставаться в тени. И вскоре тому нашлось подтверждение. Контрразведчики-коллеги перехватили телефонные переговоры Литвинюка с неким Майклом. В ходе разговора он оперировал теми же секретными данными, которые ранее предлагал на продажу американской разведке «инициативник», запрашивал за них те же 500 тысяч долларов и намекал на надежный источник информации в РВСН России.

Все это заставило генерала Сердюка и его коллег предположить, что они имеют дело с группой шпионов, в которой Литвинюку была отведена роль посредника. Следовательно, рано или поздно он должен был вывести их на того, кто таился в тени. Время шло, а второй «компаньон» — загадочный владелец секретов так и не проявился. Литвинюк,

перебивавшийся случайными заработками и подогреваемый жадой сорвать куш в 500 тысяч долларов, забыв об осторожности, снова стал искать встречи с Майклом. Его настойчивость в конце концов увенчалась успехом. В ходе состоявшейся беседы американец проявил интерес к деловому предложению купить ракетные секреты и пообещал солидный гонорар, но желанного аванса Литвинюк так и не получил. Опытный разведчик, опасаясь оказаться жертвой мошенников, действовал с предельной осторожностью. Он настаивал на документальном подтверждении сообщенных устно секретных данных и добивался, чтобы Литвинюк расшифровал перед ним источник информации в ракетных войсках. Тот наотрез отказался, видимо, опасаясь оказаться лишним в предстоящей шпионской сделке, но согласился к следующей встрече представить секретные документы. По взаимной договоренности она должна была состояться через месяц в Киеве, Минске либо в Москве, все зависело от того, как сложатся обстоятельства.

После разговора с Майклом за Литвинюком было установлено плотное наружное наблюдение. Контрразведчики рассчитывали, что на этот раз, когда с Майклом оговорены условия сделки, он точно ринется к партнеру по шпионскому «бизнесу» и выведет их на источник секретной информации. Этим их надеждам не суждено было сбыться. Литвинюк остался в городе и продолжал контактировать с теми, кто не представлял никакого оперативного интереса. Прошло несколько дней, и он снова «засветился» на телефонном разговоре с Майклом. Беседа продолжалась чуть больше минуты и проходила с условностями. Из ее содержания контрразведчики уяснили главное — секретов, за которыми охотилась американская разведка, у Литвинюка нет, и в настоящее время они находятся у его связи в России. Кто этот человек и где проживает, он так и не назвал, а в ответ на сомнения Майкла в их подлинности категорически

заявил, что «его знакомый очень осведомленный человек и работает с самыми секретными документами».

Разговор Литвинюка с Майклом позволил генералу Сердюку и сотрудникам оперативной группы, с одной стороны, перевести дыхание — у них появился запас по времени, с другой стороны, добавил новые заботы. Ситуация с продажей секретов приобретала все более запутанный и угрожающий характер. На их глазах формировалась крайне опасная шпионская группа, которая в любой момент могла нанести серьезный ущерб государственным интересам обеих государств. Этого они не могли допустить и немедленно возвратились Москву. После доклада генералу Молякову результатов совместной с коллегами работы и обсуждения ее итогов им было принято решение: генералу Сердюку с оперативной группой немедленно отправиться в Оренбург.

В отделе ФСБ по Оренбургской ракетной армии сложа руки не сидели. Начальник отдела генерал-майор Виктор Гусаченко, его заместитель полковник Александр Рудов и подполковник Виктор Агольцев вели активный оперативный поиск «инициативника». В этих целях был задействован мощный арсенал средств Федеральной службы безопасности. Технические подразделения днем и ночью контролировали эфир и все каналы связи в расчете на то, что рано или поздно изменник даст о себе знать Литвинюку. Одновременно с этим с соблюдением строжайших мер конспирации продолжалась оперативная проверка военнослужащих Управления ракетной армии, находившихся в командировках, отпусках или без уважительных причин отсутствовавших в части в конце декабря 1996 года.

В те студеные январские дни, когда город Оренбург и его жители встречали и провожали праздники, военные контрразведчики, сотрудники местного Управления ФСБ и оперативно-поисковые группы из «Центра» вели напряженную работу. К исходу дня 17 января 1997 года на

стол генерала Сердюка лег короткий, всего из четырех фамилий, список. Все включенные в него офицеры имели доступ к особо охраняемым государственным секретам, все они, за исключением одного — старшего инструктора инструкторской группы штаба управления Оренбургской ракетной армии майора Игоря Дудника, незадолго до телефонных звонков Майклу, выезжали в отпуск в город, где проживал Литвинюк.

Казалось бы, еще одно усилие — и неуловимый «инициативник» будет установлен. Оперативная группа Сердюка с удвоенной энергией взялась за разработку «четверки». Первым из списка отпал Дудник. В те дни, когда изменник пытался установить контакт с Майклом, он находился в совершенно другом месте, проводил отпуск у родителей жены в городе Кирове Калужской области. Подтверждалось это соседями по дому и отметками дежурного по военкомату в отпускном билете Дудника. Поэтому основные свои усилия контрразведчики сосредоточили на оставшихся офицерах, но и здесь их ждало быстрое разочарование. Все трое характеризовались только с положительной стороны, а самым главным аргументом, говорившим в их пользу, было то, что они имели неопровержимое алиби — никак не были связаны с Литвинюком.

Ситуация снова повисла в воздухе, но запущенная на полные обороты машина контрразведывательного поиска не давала сбоев и неумолимо приближала поиск к конечной цели. Вновь в поле зрения оперативной группы генерала Сердюка попал Дудник. На этот раз он засветился перед негласными помощниками Агольцева. Они обратили внимание на резкие изменения в поведении Дудника после возвращения из отпуска. Он стал вспыльчив и раздражителен, без видимых на то причин вступал в конфликты с товарищами, потерял интерес к службе и заявлял о желании уволиться из армии. Пропать отчуждения между ним и сослуживцами с

каждым днем становилась все больше. Дудник постепенно отдалялся от них и становился чужим в коллективе, продолжавшем жить нелегкими армейскими заботами.

Это был важный признак, заставивший контрразведчиков более пристально присмотреться к личности Дудника и выяснить, что же могло побудить перспективного офицера одного из ведущих отделов штаба стать на путь измены. На первый взгляд он ничем предосудительным не выделялся среди молодых и амбициозных офицеров, пришедших в армию — эту кузницу командирских кадров — на смену ветеранам. На первых порах Дудник с завидным рвением исполнял служебные обязанности и вскоре стал одним из лучших специалистов в своей области.

Ранее, во время учебы в военном училище, а затем службы на различных должностях в ракетной дивизии, дислоцировавшейся на территории Кировской области, командиры отзывались о нем как о специалисте с высоким уровнем технической подготовки и ярко выраженным стремлением к служебному росту. Это здоровое желание сделать военную карьеру заметили старшие начальники, и в тридцать лет молодой, только что получивший звание майор Дудник в октябре 1994 года убыл к новому месту назначения на перспективную должность старшего инструктора в инструкторскую группу штаба управления армии в город Оренбург.

Здесь перед ним открывались обширные возможности для роста по службе. В первые годы он терпеливо переносил все ее тяготы, выпавшие на долю офицеров в тот сложный и трудный для страны и армии период. С течением времени его боевой пыл угас. Отсутствие постоянного и обустроенного жилья, длительные задержки мизерной зарплаты и постоянные командировки в дальние гарнизоны стали тяготить Дудника. С течением времени тяжелая болезнь сына и хроническая нехватка денежных средств вынудили его искать побочный заработок.

С 1995 года Дудник вынужден был разрываться между службой и мелкой коммерцией. Втайне от командиров он из-под полы продавал работницам штаба французскую косметику и различный ширпотреб. Однако вырученных средств явно не хватало, чтобы поддержать семью и внезапно проснувшиеся в нем денежные аппетиты. Он метался в поисках доходного «бизнеса», но ни его способности, ни возможности не позволяли законными путями достичь желанного материального благополучия. В душе Дудника произошел серьезный психологический надлом. Из очередного отпуска на малую родину, которая после распада СССР с каждым годом становилась для него все более чужой, он возвратился в мрачном настроении, стал раздражителен и окончательно потерял интерес к службе. Выделенная командованием для семьи долгожданная квартира не принесла ему большой радости. В перерывах между службой он продолжал заниматься коммерцией, надеясь сорвать большой куш.

Жажда наживы могла стать тем самым побудительным мотивом, который и подтолкнул Дудника на преступный путь. Но для подтверждения шпионской версии требовались не умозаключения, а весомые доказательства. С санкции военного прокурора теперь каждый его шаг находился в поле зрения оперативных источников отдела военной контрразведки по Оренбургской ракетной армии и технических средств контроля. А они отмечали, что в последнее время в нем внезапно проснулся интерес к работе над секретными материалами, к которым он прямого доступа по службе не имел. Его неоднократно замечали в кабинетах оперативного и отдела боевой подготовки штаба во время разработки планов боевого применения частей ракетной армии, а также других документов ограниченного пользования. Это был серьезный признак.

Подозрения о возможном проведении Дудником шпионской деятельности усилились, но предметного под-

тверждения не находили. Они рассыпались перед одним-единственным фактом. В тот декабрьский день 1996 года, когда пока еще не установленный «инициативник» выходил на американскую разведку, Дудник находился за сотни километров от места, где это происходило, — проводил отпуск у родителей жены в городе Кировске Калужской области. Казалось бы, оперативной группе генерала Сердюка и подчиненным генерала Гусаченко предстояло начинать все сначала. И здесь контрразведчики предположили, что сама поездка Дудника и отметки в отпускном билете, сделанные им в военкомате Кировска, вероятно, служили одной-единственной цели: ввести их в заблуждение. В тот же день в адрес руководителя управления ФСБ РФ по Калужской области была отправлена срочная шифрограмма. В ней высказывалась настоятельная просьба: еще раз самым тщательным образом, при строжайшем соблюдении конспирации «проверить и установить факт возможного выезда майора И. Дудника за пределы г. Кировска, в том числе в соседнее государство, в последних числах декабря 1996 года»

Прошли сутки, другие, и «шпионский туман», умело напущенный Дудником, начал рассеиваться. Из Калуги пришел многообещающий ответ. На этот раз коллеги скрупулезно провели проверку и вскрыли весьма любопытный факт: во время проведения отпуска у родителей жены Дудник на несколько дней покидал город. Где он находился в это время калужские контрразведчики не стали выяснять, чтобы не насторожить родственников Дудника и его самого. Это сообщение улучшило настроение сотрудникам оперативной группы Сердюка и убедило в том, что они двигаются в нужном направлении.

Проверка набирала обороты. Через несколько дней еще один факт лег в подтверждение версии о том, что «инициативник» находится где-то рядом. Техническая служба контрразведки перехватила телефонный разговор Литвинюка

с неизвестным в Оренбурге. Собеседники были предельно осторожны и прибегали к условностям, но не смогли ввести в заблуждение контрразведчиков. Они с первых слов поняли, где теперь искать «инициативника». Прошло несколько минут, и их ожидало жестокое разочарование. Проверка по адресу в Оренбурге принесла неожиданный результат. Дудник, которого в оперативном штабе уже посчитали тем самым «проснувшимся шпионом», ни к адресу, ни к телефону отношения не имел. В нем проживала гражданка «З», в прошлом работница штаба армии. В штабе операции воцарилось гнетущее молчание. Генерал Сердюк находился в отчаянии. Разрядил обстановку доклад разведчиков наружного наблюдения. Они сообщили: из адреса вышел Дудник!

Прошло еще полчаса, и к Сердюку поступила подробная запись разговора Литвинюка с Дудником и сводка — доклад наружки. Их анализ не оставлял у контрразведчиков сомнений в том, что шпионы твердо намерены реализовать свои преступные планы в ближайшее время. Дудник словно чувствовал, что время безнадежно уходит, и всячески торопил подельника с подготовкой к проведению сделки с Майклом, а сам принялся осаждать командование просьбами предоставить ему отпуск. Что это будет за отпуск, контрразведчики уже знали. Видимо, Дудник не слишком доверял своему «бизнес-партнеру» и решил сам встретиться с американцем и наконец заполучить вождеденный долларовый куш. Но тут на него как назло одна за другой посыпались командировки в дивизии, а оттуда вырваться на встречу с Майклом было невозможно. Сорвав его планы, контрразведчики выиграли не только время, но и получили хорошую возможность документально закрепить преступную деятельность.

И пока Дудник мотался по командировкам, Литвинюк работал за двоих. Он периодически названивал американцу, но его телефон не отвечал, и только в начале февраля между ними состоялся долгожданный разговор. Майкл, несмотря

на настойчивость Литвинюка, быстро охладил его денежные аппетиты. Покупать кота в мешке, тем более за 500 тысяч долларов, он не собирался и настоял на том, чтобы на предстоящей встрече ему были представлены подлинники секретных документов. После недолгих препирательств Литвинюк вынужден был принять предложение, и они договорились о конспиративной встрече в Москве.

Десятого февраля неподалеку от станции метро «Чистые пруды» она состоялась. На нее прибыл один Литвинюк, сам Дудник в это время находился в очередной командировке. Встреча с Майклом проходила нервно. И не столько собачий холод, сколько страх подгонял начинающего шпиона. Он торопил с проведением сделки, но, несмотря на его заверения в исключительной ценности предлагавшихся на продажу секретных документов, которые были записаны на дискете, американец высказал сомнение в их подлинности и вновь стал настаивать на непосредственной встрече с хозяином секретов. Литвинюк, который вел свою игру и взвинтил цену до миллиона долларов, в конце концов вынужден был согласиться. Так и не получив шпионского аванса, он принял предложение Майкла: сначала секреты, а потом деньги. В заключение разговора они договорились при очередном сеансе связи 14 февраля окончательно определиться с датой и местом следующей встречи.

Но обстоятельства снова сложились против компаньонов по шпионажу и сорвали очередную явку в Москве. Дудник днями пропадал на службе, закрученный командованием в колесо всевозможных проверок, командно-штабных тренировок, и не мог вырваться на встречу с Майклом в Москву. Неудачи преследовали и Литвинюка. Магнитная дискета с секретной информацией, полученная им в 1996 году от Дудника, «вдруг» пришла в негодность. Ехать с пустыми руками на встречу с Майклом он не решился, позвонил Дуднику в Оренбург и сообщил об утрате материалов. Тот,

проклиная в душе непутевого партнера, принялся втайне от сослуживцев собирать секретные материалы. Под различными предлогами он заходил в кабинеты, где велась разработка боевых документов, и, пользуясь доверием сослуживцев, втайне копировал их содержание на магнитный носитель, а затем прятал в сейф. Эти действия не оставались без внимания контрразведчиков, они скрупулезно фиксировали каждый шаг Дудника и при этом пытались удержать его от совершения преступления. Беседы о необходимости сохранности государственной тайны и уголовной ответственности за ее разглашение, которые по инициативе Агольцева командование проводило с военнослужащими, не остановили Дудника.

Заканчивался февраль 1997 года, а заветные 500 тысяч долларов так и оставались для Дудника манящим зеленым миражом. Хранившиеся у него секретные сведения жгли карман, и тогда он принялся давить на Литвинюка, требуя, чтобы тот приехал и забрал для продажи Майклу дискеты с новыми копиями документов Управления Оренбургской ракетной армии. Американец в это время находился в Москве и ждал обещанные русскими компаньонами секретные материалы. Литвинюка отправился в Оренбург.

Шестого марта он встретился с Дудником. Особой радости эта встреча им не принесла. Липкий, точащий душу страх, взаимные подозрения в двойной игре не располагали к откровенности. И для того имелись основания. Литвинюк, полагавший, что он больше всего рискует в предстоящей сделке и взвинтивший перед Майклом цену за секреты до миллиона долларов, не сообщил о новой ставке своему партнеру. Дудник об этом, возможно, догадывался, и потому не торопился с вопросами, а решил задать их в более подходящей обстановке.

До военного городка ракетчиков, располагавшегося на окраине Оренбурга, они добирались окольными путями.

По дороге несколько раз меняли маршрут, пересаживались из одного транспорта в другой, пытаясь обнаружить за собой слежку. Не заметив ничего подозрительного, вышли на остановке перед гарнизонным универмагом и поднялись в комнату офицерского семейного общежития. Накрытый стол и бутылка водки постепенно растопили лед взаимной настороженности и развязали языки, но жена Дудника не захотела слушать их пьяный бред и выставила на улицу.

Загрузившись дополнительной порцией спиртного, они отправились на квартиру, недавно выделенную для семьи Дудника. В очередной раз проверившись перед входом в подъезд, компаньоны поднялись на этаж. В носшибануло запахом краски и обойного клея, под ногами затрещали полы и захрустели куски штукатурки. Из соседней квартиры доносился визг дрели и грохот молотка — это счастливый новосел обустроивал свое семейное гнездышко.

Не обращая внимания на неудобства, Дудник и Литвинюк, подогреваемые спиртным и жаждой наживы, тут же на ящике накрыли походный стол. И не успели они еще разлить водку по стаканам, как затянутая толстым слоем пыли электрическая лампочка уныло подмигнула и безнадежно погасла. В комнате воцарилась кромешная тьма. На лестничной клетке захлопали двери, послышались возмущенные голоса, а затем защелкали переключатели автомата в распределительном электрощите.

Прошла минута, другая, а свет в квартирах так и не появился. Разъяренные жильцы принялись на чем свет стоит костерить электриков, начальника КЭЧ. Больше всего досталось рожему электрику, Дудник с Литвинюком не жалели для него крепких слов, не подозревая, что виновниками временного неудобства явились контрразведчики. Грохот молотков и визг дрелей был не лучшим сопровождением для разговора двух шпионов, и тогда Виктору Агольцеву пришлось вспомнить свою прошлую военную специаль-

ность. Как оказалось, за время службы в контрразведке он свои технические навыки не растерял. Свет в подъезде погас надолго.

Помаившись в темноте, компаньоны не захотели проливать водку мимо стаканов и, по предложению Дудника, отправились в ближайшее кафе с располагающим к пьяным откровениям названием «Уют». Эти их метания доставили немало хлопот контрразведчикам, но техника не подвела, им удалось узнать главное: подельники не отказались от своих преступных планов, более того, намеревались реализовать их в ближайшие дни. В тот вечер основная улика против них — дискета с записанной на нее секретной и совершенно секретной информацией перешла от Дудника к Литвинюку и была искусно спрятана в обложке фотоальбома. Кроме того, контрразведчикам стало известно еще одно немало-важное обстоятельство — Дудник и на этот раз не собирался встречаться с Майклом. Сославшись на жесткий контроль со стороны командиров и отсутствие возможности отлучиться со службы, он доверил эту важную часть в разработанной им комбинации Литвинюку.

Тот охотно согласился, и для того имелись причины. Скрыв от компаньона последнюю цену, названную Майклу, он надеялся получить с него дополнительный навар — 500 тысяч долларов. Однако Дудник тоже вел свою хитрую игру, рассчитывая исключить для себя все возможные риски в затеянной шпионской игре. Он цинично полагал, что в случае провала Литвинюк — «тертый на зоне калач», так просто колоться не станет и тем более не будет накручивать себе срок, втягивая его в шпионскую группу.

Обсудив последние детали плана сделки с Майклом и договорившись о долях прибыли, они в приподнятом настроении покинули кафе «Уют» и возвратились в общежитие. На следующее утро с легким сердцем Дудник отправился на службу. Страх, преследовавший его все последние дни,

уступил место эйфории. До встречи Литвинюка с Майклом оставалось чуть больше суток — встречи, которая должна была положить конец всем сомнениям и принести ему сотни тысяч долларов. И тогда прощай служба, ставшая ненавистным ярмом, пропади пропадом выстуженный ледяными ветрами Оренбург и да здравствует новая жизнь! Жизнь, где он наконец сможет урвать для себя все. Теперь ему оставалось только запастись терпением и ждать результата поездки Литвинюка в Москву.

Тот, отославшись после дружеского ужина и плотно пообедав, отправился на железнодорожный вокзал. За окном мелькал унылый городской пейзаж. Ранняя бурная весна безжалостно расправлялась со снегом, серая жижа чавкала под ногами и бурными ручьями струилась по щербатым улицам. Троллейбус судорожно трясся на колдобинах и медленно тащился от остановки к остановке. Литвинюк не замечал этих неудобств и не обращал внимания на суету пассажиров. Его сердце согревала сулившая баснословную прибыль дискета с секретными материалами. Время от времени он ощупывал альбом, за обложкой которого она хранилась, и тогда на его физиономии появлялась довольная ухмылка. Ему казалось, что он обхитрил всех: Дудника, надув на пятьсот тысяч долларов, Майкла, выставив себя в его глазах главным добытчиком секретов, и, наконец, оставшуюся с носом российскую контрразведку.

А в эти минуты в оперативном штабе операции готовились к проведению ее завершающего этапа. Разведчики наружного наблюдения не спускали глаз как с него, так и с Дудника и о каждом их шаге докладывали генералу Сердюку. Литвинюк, никуда не сворачивая, держал путь к железнодорожному вокзалу, а Дудник по-прежнему находился в кабинете штаба армии. Внешне он не проявлял признаков беспокойства и, как обычно, работал с документами. В оперативном штабе перевели дыхание: шпионы не стали

преподносить неожиданных сюрпризов и действовали по ранее обговоренному плану.

В 16.35 Литвинюк вышел на привокзальную площадь, миновал стоянку такси и направился к железнодорожному перрону. Время неумолимо отсчитывало его последние минуты на свободе. Сердюк не стал больше медлить и доложил генералу Молякову о переходе операции в завершающую стадию. Его приказ был лаконичен: «Не допустить выхода «Чужого» на Майкла! Задержать объектов с поличным и обеспечить безусловную сохранность вещественных доказательств их преступной деятельности».

Первая группа захвата выдвинулась на исходную позицию — к штабу армии, а вторая рассредоточилась на перроне. Литвинюк вошел в здание вокзала и направился к поезду. Голову кружили легкий мартовский морозец и фантастические миражи будущей сладкой жизни. Он шел и не замечал сутолоки приграничного вокзала, где, казалось, одновременно собралась вся разноликая, разноголосая, пестревшая яркими восточными красками Средняя Азия.

Решительно действуя плечом, Литвинюк продрался через толпу и вышел на перрон. Вытянувшаяся перед ним зеленая лента поезда терялась в сгущающихся вечерних сумерках. В воздухе витали аппетитные запахи, доносившиеся из вагона-ресторана. Предвкушая шикарный ужин, он потянулся к поручням, и в этот миг на руках защелкнулись наручники. Не прошло и часа после задержания, как он начал давать показания. Обнаруженная контрразведчиками за обложкой альбома дискета с секретными материалами не оставляла ему шансов выпутаться из шпионской истории. Открещиваясь от нее как черт от ладана, Литвинюк валил все на Дудника.

Теперь, когда на руках контрразведчиков имелись непроверяемые доказательства преступной деятельности, пришло время действовать второй группе захвата. Эту за-

ключительную часть операции она провела безукоризненно. Случайные очевидцы захвата ничего не поняли, а Дудник был обескуражен вплоть до прибытия в Управление ФСБ России по Оренбургской области, куда его доставили под конвоем, не проронил ни одного слова.

Там перед генералами Моляковым и Сердюком ему окончательно изменила выдержка. Дудник запаниковал и начал валить вину на Литвинюка, но это не удалось. Непровержимые улики: дискета, фотоальбом и показания подельника свидетельствовали против него. Тогда он попытался сыграть под простачка. И эта уловка не сработала, контрразведчики располагали оперативными данными о том, что Дудник прекрасно знал меру уголовной ответственности за совершенное преступление и заранее обеспечивал себе пути отхода. Лишним подтверждением тому служила обнаруженная при обыске в его рабочем сейфе газетная статья «На краю пропасти». В ней сообщалось о разоблачении Федеральной службой безопасности другого агента-«инициативника», «Марты», пытавшейся продать секретные сведения одной иностранной спецслужбе.

Как и она, Дудник не удержался на скользком краю пропасти предательства и рухнул на самое ее дно. В течение года следователи ФСБ и Главной военной прокуратуры России с помощью своих зарубежных коллег скрупулезно, факт за фактом собирали и документировали преступную деятельность теперь уже «гражданина» Дудника. Сухой язык протоколов бесстрастно зафиксировал нравственное падение бывшего майора-ракетчика, изменившего воинской присяге и замаравшего честь офицера. Он стал чужим не только для своих сослуживцев, но и в той жизни, что трудно и тяжело налаживалась в Оренбурге, России и на его малой родине.

Мотив, подтолкнувший Дудника на преступление, мало чем отличался от того, что был у других предателей: О. Пеньковского, В. Баранова, В. Ткаченко, супругов Сметаниных,

М. Финкеля и прочих. Всеми ими двигало одно — корысть. Не стал исключением в этом отношении и он. На допросе 13 марта 1997 года на вопрос следователя: «Что подтолкнуло вас к совершению этого преступления?» Дудник ответил: «У меня была только одна цель — получить деньги любой ценой, даже ценой моей жизни».

В последующем, стремясь смягчить наказание и вызвать к себе жалость, он пытался представить себя жертвой обстоятельств и ссылался на «нищенское состояние семьи, болезнь ребенка... настойчивость и активность Литвинюка». И здесь Дудник снова покривил душой, так как именно он привлек Литвинюка к исполнению своего преступного плана, а затем поручил ему исполнение самой опасной его части — продажу секретов.

К концу марта 1998 года следствие по уголовному делу на Дудника подошло к концу. Окончательное слово оставалось за судом. В ходе его заседаний были скрупулезно исследованы все обстоятельства совершенного Дудником тяжкого преступления «государственная измена». 23 марта 1998 года окружной военный суд признал его виновным в том, что он, «умышленно действуя в ущерб внешней безопасности Российской Федерации, собирал и хранил в целях передачи иностранному государству (США) составляющие государственную тайну сведения, а также неоднократно предпринимал конкретные меры для осуществления указанного намерения» — и вынес суровый, но справедливый приговор: двенадцать лет лишения свободы с содержанием в исправительной колонии строгого режима.

Иуды и апостолы

ГРУ — Главное разведывательное управление Генерального штаба Российской армии (ГРУ ГШ ВС РФ). Кто из молодых офицеров не только в дальних, но и в столичном гарнизоне не мечтал оказаться в числе тех, кто ведет полную риска и увлекательной романтики тайную войну спецслужб. Войну умов и нервов.

Яркие подвиги Р. Зорге, Ш. Радо, Л. Треппера, И. Штебе и других выдающихся разведчиков будут всегда привлекать в ряды этой особой военной касты тех, кто готов без страха и упрека защищать интересы своего народа и государства. Но вряд ли они, капитаны и майоры, сменившие забытые богом гарнизоны и скромную камуфляжку на столицу и модного кроя костюмы, имели представление о всей сложности и опасности будущей профессии. Оно пришло позже, когда им пришлось столкнуться лицом к лицу с жестоким и коварным противником, который не прощал слабостей, ошибок и безжалостно наказывал за них.

Не все они, оказавшись на самом острие тайной войны, где высшей победой становится перевербовка разведчика противника, выдержали ее накал. Одни с течением времени уходили с оперативной работы и перебирались на тихие

кабинетные должности. Другие, попав под невидимый прицел иностранной спецслужбы, становились жертвами своих профессиональных ошибок и низменных чувств, которые во время не разглядели их наставники и руководители.

Алчность и стяжательство, обида и зависть, страх наказания за просчеты в работе — именно в эти слабые места разведчика и нацеливает свой коварный удар иностранная спецслужба.

Предатель... Двурушник... Это худшее, что может быть в работе спецслужбы. Ведь за каждым из них стоят десятки разведчиков и их тайных помощников, отданных на растерзание иностранной контрразведки.

Двурушник — это бесцельно потраченные силы и средства на разведывательные операции, которые оборачиваются невозможным политическим, экономическим и моральным ущербом.

Двурушник — это самый опасный противник для спецслужбы. Он, знающий все тонкости тайной войны, тщательно оберегает подходы к своей норе. Но рано или поздно контрразведчики находят ее и вытаскивают предателя на свет — на скамью подсудимых.

Бывший генерал Д. Поляков, выдал более ста пятидесяти агентов и раскрыл принадлежность к советской военной и внешней разведке свыше тысячи трехсот кадровых сотрудников. По словам руководства ЦРУ, он являлся «драгоценным камнем в короне американской разведки».

Бывший полковник О. Пеньковский, слуга двух разведок — американской и британской, за тридцать серебряников готовый взорвать в Москве все, что угодно, выдал важнейшие сведения, касавшиеся строительства Ракетных войск стратегического назначения и систем ПВО страны.

Бывший капитан В. Резун (Суворов), о котором лидер России Владимир Путин как-то сказал, что «книг предателей не читаю», как бы ни рядился в одежды борца с тотали-

таризмом, в глазах профессионалов и просто порядочных людей навсегда останется негодяем, изменившим присяге и предавшим агентов, доверивших ему свое имя и честь.

Бывшие полковники В. Васильев, В. Баранов, А. Скрипаль, подполковник Г. Сметанин, майор А. Филатов, старший лейтенант А. Иванов — этот клонированный ряд иуд из ГРУ, к сожалению, будет и дальше продолжен, так как на тайном фронте не бывает перемирий.

Печальное тому подтверждение — бывший полковник Александр Сыпачев, пополнивший позорный ряд предателей в 2002 году. «Большое сито» контрразведки отсеяло его от сотен военных разведчиков, честно и добросовестно исполнявших и продолжающих исполнять свой долг.

Путь к предательству Сыпачева мало чем отличался от того, каким шли к нему другие изменники из ГРУ. Так же, как и они, он стал жертвой своей непомерной алчности и неудовлетворенных амбиций.

А начиналось все так хорошо... Примерное поведение в детском саду, школе, военном училище, образцовая служба в армии, а позже незапятнанная репутация в ГРУ. Так что в личном деле курсанта, позже лейтенанта Сыпачева и, наконец, полковника военной разведки, придирчивому глазу контрразведчика, казалось бы, не за что было зацепиться.

В тепер уже далеких пятидесятих годах прошлого века жизнь Александра Евгеньевича Сыпачева, тогда еще Саши, особо его не баловала. Холодное и полуголодное послевоенное детство, проведенное на Урале, навсегда осталось в его памяти. В северном промышленном городке Краснокамске, затерянном в глуши тогда еще Молотовской области (ныне Пермский край. — *Прим. авт.*), у жителей был небогатый выбор — работа на заготовках леса или на местном механическом заводе.

Выпускнику десятого класса Александру Сыпачеву повезло больше, чем другим. Он вырвался из привычного

круга, по которому пошли одноклассники: рутинная работа на заводе, а потом полусонная дрема перед телевизором, и с первой попытки поступил в военное училище. Курсантская форма подчеркивала его ладную фигуру, а твердый армейский шаг говорил о том, что с будущим у него все в порядке. Но не только это и располагающая внешность привлекали внимание местных барышень. Самые дальновидные полагали, что зарплата в двести рублей и бесплатная квартира от государства стоят того, чтобы по молодости помотаться с мужем по дальним гарнизонам, а в конце армейской карьеры свить уютное гнездышко где-нибудь в центральной части России. И одна из них отдала ему свое сердце.

После окончания военного училища лейтенанту Сыпачеву снова улыбнулась удача. Как шутят военные, «Бог создал Сочи, а черт — Могочу (Забайкалье)». В Могочу и к черту на кулички поехали другие. Он в Сочи тоже не попал, но и не слишком об этом горевал. Служба в обустроенном гарнизоне была далеко не худшим вариантом. Молодая жена с пониманием отнеслась к временным тяготам и лишениям. Тем более терпеть их долго не пришлось. Деятельный и грамотный офицер Сыпачев привлек внимание разведчиков, и в его военной карьере произошел резкий поворот.

Служба «от подъема до забора» и по принципу «круглое тащить, квадратное катить», изматывающие инспекторские проверки остались позади. Жизнь в столице и захватывающе интересная учеба, о которой даже не мечтал, открыли ему совершенно иной мир.

Пожелтевшие от времени страницы из дел знаменитых советских разведчиков пестрели фамилиями известных в прошлом западных политиков, деятелей культуры и ученых. Многие из них в тяжелейшие годы Второй мировой войны существенно помогли СССР в борьбе с фашизмом, а после ее окончания способствовали налаживанию конструктивных отношений с лидерами своих стран.

Не без помощи советской разведки и ее добровольных помощников из числа западных разработчиков атомной бомбы отечественным ученым, конструкторам и инженерам удалось в сжатые сроки создать ракетно- ядерный щит страны и первыми пробиться в космос. У истоков этих выдающихся успехов стояли в большинстве своем оставшиеся в неизвестности для широкой общественности лейтенанты, капитаны и майоры ГРУ. Талант разведчика, человеческое обаяние и незаурядные личные качества позволяли им находить ключи к сердцам известных ученых, популярных деятелей культуры и авторитетных в своих странах политиков, большинство которых бескорыстно и искренне стремились помочь народу, дерзнувшему построить новое общество.

Сыпачев, вчитываясь в дела прошлых оперативных разработок и разведывательных операций, вместе с их героями — отважными разведчиками погружался в то невероятно бурное, трудное и одновременно захватывающе интересное время. Время, когда благородные идеи свободы, братства и равенства, независимо от национальности и социального положения, объединяли интеллектуалов и наивных романтиков в стремлении сделать окружающий мир более чистым и справедливым. В первой половине двадцатого века именно они — апостолы этой новой веры резко изменили ход истории и карту мира. Ее мощь и силу признавали даже ярые враги советской власти.

Бывший депутат Государственной думы России и видный деятель белой эмиграции В. Шульгин, тот самый, который принимал отречение императора Николая II, в декабре 1925 года по нелегальному каналу, организованному чекистами, въехал в Россию. В поисках без вести пропавшего во время Гражданской войны сына, он побывал в Ленинграде, Москве и Киеве. При всей своей ненависти к большевикам Шульгин сумел разглядеть то, что не хотели видеть многие из его единомышленников.

В 1919 году ему пришлось бежать из истерзанной войной и разваливавшейся на части некогда могущественной империи. Совсем еще недавно только одно ее легкое движение приводило в трепет грозных властителей на Западе и на Востоке. В тот год Шульгину и сотням тысяч русских, искавшим за границей спасения от большевиков, казалось, что Россия, как и другие империи, канет в небытие. Прошло всего шесть лет, и он, оказавшись на родине, увидел отблески ее будущего величия. Среди ужасающей разрухи и бедности, смотревших на него изо всех углов, Шульгин узрел то, что не дано было увидеть сотням тысяч русских, выброшенных революцией на задворки Европы и Азии. Перед ним была новая Россия! Россия, поднимавшаяся из мглы невежества и разрухи и дерзновенно устремившаяся в будущее. Страна напоминала собой огромную стройку, а энтузиазм ее строителей поразил его.

Как истинно русский человек, Шульгин почувствовал сердцем ту могучую народную энергию, что пробудили идеи революции в людях. Страна на глазах сосредотачивалась для фантастического рывка в будущее. Впоследствии он так вспоминал об этом: «Я думал, что я еду в умирающую страну, а вижу пробуждение мощного народа... Я был глубоко потрясен всем тем, что увидел на первых порах, и той громадной разницей, которая произошла в культурном отношении».

Возвратившись на Запад, Шульгин стал одним из наиболее ярких пропагандистов новой советской России.

Подобные чувства испытывал не только Шульгин, но и многие из тех, кто пошел на сотрудничество с советской разведкой. Аристократ Ким Филби, в конце своей карьеры ставший третьим лицом в британской разведке и, казалось бы, имевший все в своей жизни, его друзья Берджес, Маклейн, Кернкросс и Блант, работавшие в МИДе и центре дешифровки информации, более известные как знаменитая

«Кембриджская пятерка», составили гордость отечественной разведки. За свою работу в советской спецслужбе они не получили ни фунта, но бескорыстно служили светлой идее.

В первой половине 30-х годов прошлого века, когда западные страны охватила «великая депрессия», дерзкий «русский эксперимент», о котором одни говорили с ненавистью, а другие с восхищением, вряд ли мог оставить равнодушными пылкие молодые сердца. С приходом к власти в Германии Гитлера и попустительством его захватнической политике со стороны руководителей Великобритании и Франции мотивы к сотрудничеству с советской разведкой для ее действующих и будущих разведчиков получили дополнительное политическое и моральное подкрепление. В лице Советского Союза они видели ту единственную силу, которая могла противостоять фашизму, и потому, рискуя жизнями, бесстрашно сражались с ним. Во многом благодаря блестящей работе «Кембриджской пятерки» многие высшие тайны фашистской Германии стали известны в Кремле. И таких, как они, добровольных и бескорыстных помощников у советской разведки были тысячи.

Внук губернатора Ямайки и сын владельца железных дорог в Испании, Рамон Меркадер порвал со своим аристократическим прошлым и стал служить идеям социализма. В период Гражданской войны в Испании он вместе с матерью Каридад вступил в ряды республиканцев и воевал против фашистов. Там на них обратил внимание выдающийся советский разведчик Наум Эйтингон и привлек к сотрудничеству. Двадцатого августа 1940 года в далекой Мексике ледоруб Рамона раскроил череп злейшего врага И. Сталина — Льва Троцкого. Он был схвачен на месте и посажен в тюрьму. пытки, издевательства уголовников, которых натравливали на него троцкисты, не сломили воли идейного мстителя. Как ни старались следователи, они так и не смогли добиться от Рамона признания в связях с совет-

ской разведкой; тот твердо стоял на своем: убил Троцкого по личным мотивам, из чувства ревности.

Двадцатого августа 1960 года Меркадер, отсидев в мексиканской тюрьме весь срок, вышел на свободу. Новые советские вожди предпочитали не пятнать свою репутацию прошлыми «кровавыми делами» и потому поручили Рамона чешским друзьям. В Праге он так и не появился, а через Кубу нелегально прибыл в СССР.

Что подумал Рамон, когда сошел с трапа самолета? Каковы были его первые впечатления о Стране Советов? Одно можно с уверенностью сказать: это был не тот мир, мыслями о котором он жил все предыдущие годы. В нем уже не было Сталина, Берии, не было и романтиков-революционеров, а идеи социализма, за которые он с матерью так самоотверженно боролся, заметно потускнели. В Москве его ждала самая высокая награда — Звезда Героя Советского Союза.

В разведку Рамон больше не вернулся и занялся рутинным делом: работал старшим научным сотрудником в Институте марксизма-ленинизма. По советским меркам он был обеспечен всем, о чем только мог мечтать обыватель: четырехкомнатной квартирой, госдачей и персональной пенсией, не уступавшей генеральской. Но что они значили для человека, в свое время отказавшегося от богатства? Вероятно, ровным счетом ничего. Рамон задыхался в советском бюрократическом социализме и рвался на Кубу, где пламенный Ф. Кастро предпринимал отчаянные попытки сохранить дух революции.

В 1973 году ему разрешили уехать в Гавану в качестве советника команданте. А спустя три года Меркадер — один из последних и трагических героев своего бурного и противоречивого времени ушел из жизни. Он до конца оставался революционером, трагизм положения которого как нельзя более точно передают слова, однажды сказанные Рамоном руководителю легендарного 4-го Управления НКВД-НКГБ СССР П. Судоплатову: «Если бы мне пришлось заново

пережить сороковые годы, я сделал бы все, что сделал, но только не в сегодняшнем мире. Никому не дано выбирать время, в котором живешь».

Разведчики легендарной «Красной капеллы» И. Штебе, А. Ханак и десятки других выходцев из аристократических немецких фамилий бросили вызов могущественным спецслужбам фашистской Германии. В течение нескольких лет они снабжали советскую разведку ценнейшей информацией. В самое трудное время, когда гитлеровские войска стояли у ворот Москвы, они не дрогнули. Они верили в победу добра над злом и до самого своего последнего дня на свободе продолжали добывать разведывательные материалы.

В те годы подавляющее число однокашников Сыпачева по учебе на курсах разведки все еще жило этими идеями. Они так же, как и предшественники, мечтали повторить их подвиги и верили, что в будущей работе найдут своих «филби» и «меркадеров».

Сыпачев, проникнутый этими чувствами, со всем пылом юности упорно грыз гранит новой науки — разведывательной. Незаметно подошла к концу учеба, состоялось распределение, и для него начались суровые будни. Проза жизни сбила ореол романтики. На практике разведка оказалось делом не только тяжелым, но и зачастую рутинно-утомительным. Явки с агентами на конспиративных квартирах, беседы с кандидатами на вербовку на фуршетах и в дорогих ресторанах, гонки на машинах, чтобы оторваться от слежки, — все это присутствовало в работе молодого оперативного сотрудника Сыпачева, но...

В ней имелось и другое: изматывающая душу бумажная волокита и отписки в делах для проверяющего. Скрепя сердце он вымучивал отчеты на «мертвую агентуру» и поручал ей новые задания. По этому поводу более опытные и ушлые сотрудники язвительно острили: «Чем больше бумаг в деле агента, тем чище у тебя задница».

Вначале это раздражало Сыпачева, а с течением времени вместе с раздражением в нем возникло и все больше усиливалось потребительское отношение к работе. Ореол предшественников, героев-разведчиков, в его глазах померк. Дремавшие в нем низменные чувства распалили немалые денежные средства, выделяемые на оперативные расходы: посиделки с кандидатом на вербовку в ресторане или кафе, премиальные агентуре за предоставленную информацию и т. п. Сложность для руководителя резидентуры проконтролировать правильность использования подчиненным сотрудником этих средств для людей нечистых на руку порождала соблазн использовать их на себя.

Грел ли на этом руки Сыпачев? Утверждать сегодня такое некорректно, тут, как говорится, не пойман — не вор. Одно можно с уверенностью сказать, если для Кима Филби, Рамона Меркадера, Джорджа Блейка и сотен других разведчиков, бескорыстно служивших идее, деньги являлись лишь средством обеспечения весьма скромных потребностей, то для Сыпачева в конце его службы они стали составлять главный смысл жизни.

Шли годы. Он в срок занимал положенные должности и рос в званиях. Но большой успех в работе чаще приходил к другим. Своего суперагента Сыпачев так и не завербовал, и потому, особенно не убиваясь, тянул ляжку до предельного потолка — ухода в запас по достижению предельного возраста. На гражданке его ждали достойная пенсия, не уступающая зарплате ведущего инженера в закрытом КБ, нехлопотная должность кадровика или зама по режиму в солидной структуре, встречи с комсомольской молодежью по праздникам и раз в год прием на торжественном вечере в ГРУ.

Август 1991 года в одночасье лишил Сыпачева всего этого. Зарплата полковника упала до уровня помощника машиниста метро, а почти пенсионный возраст оставлял ему надежду разве что на место «вратаря на калитке» у

какого-нибудь юного олигарха. В это же время на глазах Сыпачева стремительно рождалась новая жизнь. Она слепила блеском рекламы, оглушала ревом двигателей «бентли», «порше» и «ягуаров». И ему, видимо, представлялось, что после двадцати двух лет службы он очутился на обочине праздника жизни.

Смута, охватившая в те годы страну, воцарилась и в его душе. И ему уже казалось, как в песне кумира молодежи 60–70-х годов В. Высоцкого, «Все не так!.. Все не так, ребята!».

Не так все шло по службе. Не так все складывалось в семье. Жена, которая до поры до времени терпеливо сносила его нервные срывы, постепенно отдалялась. Дети выросли и жили самостоятельной жизнью. Развод стал неизбежен. Сыпачев, надо отдать ему должное, не стал затевать скандала и трепать себе нервы, сутяжничать в судах, а просто ушел из семьи к другой женщине, оставив жене и детям квартиру и то, что в ней находилось.

На пятом десятке лет начинать новую жизнь в чужих стенах, с висящим на шее банковским кредитом и пугающим своей близостью «дембелем», с весьма неопределенным будущим становилось страшно. А жить, и жить красиво, очень хотелось. Денежное место в какой-нибудь структуре типа «Наш дом — Газпром» ему не светило. Там сами не знали, как избавиться от лишних ртов. Идти с пистолетом и грабить банк, которому задолжал, было глупо.

После мучительных раздумий Сыпачев нашел выход, как решить все проблемы одним махом. У него имелось то, чего не имели другие, — секреты, за которыми охотились иностранные разведки. На мелочи, какую-то там, например, непальскую разведку, он не стал размениваться. Большие деньги и быстро, как полагал Сыпачев, ему могли дать только американцы или британцы. Прижимистость «потомков Бонда» — МИБ была общеизвестна, и потому он остановился на ЦРУ.

От задуманного до сделанного Сыпачева отделял не один день. Страх разоблачения продолжал удерживать его от рокового шага. В памяти невольно всплывали арест и осуждение бывших сослуживцев, ставших агентами иностранных спецслужб Сметанина, Полякова, Баранова. По ночам его мучили постоянные кошмары. История последних минут жизни предателя Пеньковского, которого якобы живьем закинули в печь крематория, полупешотом передававшаяся среди сотрудников ГРУ, во сне приобретала жуткое воплощение. Это не Пеньковского, а его, Сыпачева, жарили на раскаленных углях более удачливые соперники — сослуживцы.

Наступал новый день. Страх улетучивался и уступал место подленьким мыслишкам. В конце концов жажда денег и, вероятно, русский авось перевесили чувство страха. Отбросив последние сомнения, Сыпачев сделал решительный шаг к предательству.

Глаза и уши ЦРУ и РУМО — разведывательные резидентуры в посольстве США в Москве — и были тем местом, где пока еще полковник ГРУ Сыпачев решил подзаработать. Но прежде чем постучаться в дверь, за которой открывалась пропасть предательства, он, как положено профессионалу, решил провести разведку на местности.

Стараясь не попасться на глаза бдительным постовым милиционерам, дежурившим у посольства, и под объективы скрытых камер видеонаблюдения, Сыпачев внимательно изучил подходы к зданию, а также порядок доступа в него сотрудников и российских граждан. Потом, проанализировав ситуацию, он убедился, что выйти на представителя резидентуры и при этом не засветиться перед родной контрразведкой было весьма непросто. Перепрыгнуть же через высоченный забор или мышью проскользнуть в багажник машины дипломата в его возрасте и звании было несолидно. Облизываясь как кот на сметану, Сметанин бродил у посольства, но так ничего и не придумал.

Его деятельный ум продолжал искать возможные пути выхода на сотрудников резидентуры. Вариант, связанный с установлением контакта в городе и последующим предложением своих услуг, на первый взгляд выглядел наиболее легко реализуемым и безопасным, но когда он стал в деталях прорабатывать эту схему, то столкнулся с рядом трудностей. Первая из них состояла в том, чтобы не ошибиться и выйти не на запуганных службой собственной безопасности архивариусов или шифровальщиков, шарахающихся от собственной тени, а на непосредственно сотрудника резидентуры. Первая трудность порождала вторую: в каком месте города лучше всего перехватить разведчика, чтобы не гоняться за ним по всей Москве. В конце концов Сыпачев отказался и от этого варианта. Он показался ему долгим и тоже опасным.

Оптимальное решение пришло неожиданно. Листая оперативные материалы, Сыпачев натолкнулся на список номеров телефонов посольства США в Москве. Ряд из них предположительно использовался резидентурой ЦРУ. И здесь его осенило. Вот он, самый короткий и безопасный путь к достижению цели! Тот, кто ответит на звонок, как профессионал с полуслова и по легким намекам должен был догадаться, с кем говорит и о чем идет речь.

Определившись с вариантом выхода на контакт с резидентурой, Сыпачев отбросил последние сомнения и позвонил. Страхуясь от контрразведки, он вел разговор с телефона-автомата. Ему повезло. Расчет оказался точным. Судя по началу беседы, с ним говорил профессионал, который с ходу сообразил, о чем идет речь. Оба хорошо отдавали себе отчет, что разговор мог попасть под контроль контрразведки, и, быстро договорившись о встрече, повесили трубки.

День 26 февраля 2002 года для дежурившего на посту у южных ворот посольства США в Москве старшего лей-

тенанта милиции Сергея Савенко мало чем отличался от предыдущих. Студеный, пронизывающий до самых костей ветер, сердито шипя шершавыми языками поземки, змеился по обледеневшей мостовой. От крепкого мороза перехватывало дыхание, а на глазах невольно наворачивались слезы. Кутаясь в ворот постового тулупа, Сергей внимательным взглядом встречал и провожал редких прохожих. Одни настороженно, другие с любопытством косились на ошетилившийся осинными жалами антенн особняк американского посольства и, подгоняемые ветром и строгими взглядами постовых милиционеров, торопливо проходили дальше.

Стрелки часов нехотя подбирались к одиннадцати. Приближалось время смены. Сергей уже предвкушал, как в дежурке отогреется горячим кофе и даст отдохнуть гудевшим от усталости ногам. Но в это время его внимание привлек мужчина среднего роста, закутанный в шарф по самые глаза. На вид ему было около пятидесяти, в одежде ничем не отличался от среднего москвича. Неуверенным шагом он приближался к посту. Сергея привлекли его глаза: они настороженно бегали по сторонам, а в глубине их плескались страх и сомнения.

Савенко напрягся, опасаясь возможной провокации или хулиганской выходки, которые время от времени устраивали ура-патриоты и душевнобольные против посольства США и его сотрудников. Неизвестный, оглянувшись по сторонам, после секундного колебания шагнул к воротам. Сергей преградил путь и потребовал документы. Тот замялся, подрагивающей рукой вытащил из кармана пальто и предъявил паспорт на имя Сыпачева Александра Евгеньевича.

Сергей просмотрел страницу за страницей. Место рождения — город Краснокамск Пермской области, прописка московская. После чего испытывающим взглядом прошелся по Сыпачеву. Тот еще больше занервничал и на вопросы; к кому и с какой целью направляется в посольство, стал давать

путанные объяснения, затем смешался и, развернувшись, быстрым шагом удалился.

С того времени прошло около пяти часов. Савенко снова заступил на пост. Подходил к концу рабочий день, и на улицах, несмотря на усиливающийся мороз, стало заметно оживленнее. Его наметанный взгляд издали приметил Сыпачева. На этот раз он действовал более решительно и уверенно назвал имя американского дипломата, назначившего ему встречу. Прошло несколько минут, и к нему вышли два сотрудника посольства. Вместе с ними посетитель зашел в здание и находился там до 17.20. О чем говорили с ним американские дипломаты, Савенко, конечно, не мог знать, но нервное, со странностями поведение Сыпачева не осталось без его внимания.

В тот же день информация на нервного посетителя посольства США поступила в органы ФСБ. Результаты предварительной проверки заставили контрразведчиков насторожиться. Сыпачев оказался военнослужащим. И не просто военнослужащим российской армии, а полковником ГРУ! Вскоре эта настороженность переросла в нечто большее. У них появились серьезные основания подозревать Сыпачева в проведении шпионской деятельности. Они установили, что какого-либо задания от своего руководства на посещение посольства США он не получал. Более того, о своем визите не доложил. Подтверждались худшие предположения контрразведчиков: контакт Сыпачева с сотрудниками посольства, возможно, имел шпионский характер. В этой связи они были вынуждены принять быстрые и энергичные меры по внесению ясности в существо возникших подозрений.

С учетом прямого доступа Сыпачева к секретам, составляющим государственную тайну, осведомленности о кадровом составе и перемещениях сотрудников в аппарате ГРУ, а также о ряде разведывательных операций, проводи-

мых российской военной разведкой за рубежом, малейшее промедление в проверке грозило серьезным ущербом национальным интересам страны. Поэтому для дальнейшей оперативной разработки Сыпачева по указанию руководства Департамента военной контрразведки ФСБ России из числа наиболее опытных сотрудников была создана оперативная группа. В тот же день она приступила к работе.

В первую очередь разработчики стремились выяснить, какие обстоятельства побудили опытного военного разведчика Сыпачева, хорошо знавшего все последствия такого шага, сунуться в «осиное гнездо» шпионажа. Анализ предварительно собранных на него оперативных материалов давал основания предполагать, что семейные неурядицы, после которых Сыпачев был вынужден оставить жене квартиру, а также нужда в деньгах могли стать серьезным мотивом, подтолкнувшим на контакт с американской разведкой.

Эта версия требовала убедительного документального подтверждения. С того дня оперативные и технические службы ФСБ с санкции суда взяли под плотный контроль каждый шаг Сыпачева. Их усилия не были потрачены напрасно. Первое подтверждение об установлении им шпионской связи с американской разведкой поступило в конце марта 2002 года. Спустя три недели после визита в посольство США на его телефон последовал звонок. В короткой беседе Сыпачев и пока неизвестный контрразведчикам собеседник прибегали к условностям, но профессионалам многое стало понятно. Основная версия о шпионском характере его отношений с сотрудником американского посольства в Москве находила дополнительное подтверждение.

В их разговоре речь шла о сделке. Предметом обсуждения был не бизнес, хотя собеседники всячески старались придать беседе подобный характер. При последующем детальном анализе этого разговора аналитики из контрразведки сделали вывод: Сыпачев успел сообщить американ-

ской разведке ряд сведений, касающихся деятельности ГРУ. В их развитие сотрудник ЦРУ требовал от него уточнения ряда позиций, которые предположительно относились к структуре военной разведки и функциональному назначению отдельных ее подразделений. В совокупности с ранее полученными на Сыпачева оперативными материалами все это свидетельствовало о проведении им шпионской деятельности.

Но одно дело знать, а другое дело доказать. Тут, как говорится, слова к делу не пришить. Тем более припереть к стенке такого опытного и искушенного в делах разведки профессионала, каковым являлся Сыпачев, не имея на руках веских доказательств, было бы бесполезной тратой времени. В сложившейся ситуации контрразведчикам оставалось только запастись терпением и ждать, когда шпион ошибется.

Двадцать девятого марта на телефон Сыпачева последовал очередной звонок. Разговор продолжался чуть больше минуты. В ходе него собеседник предложил ему в тот же день проехать в городе Химки Московской области и встретиться у магазина ИКЕА. Сыпачев согласился и, когда наступил вечер, направился на встречу. По пути несколько раз менял маршрут и осуществлял проверку, пытаясь выявить за собой наружное наблюдение. Эти его действия подтвердили предположение контрразведчиков о том, что Сыпачев направляется не на прогулку, а на явку с американским разведчиком.

Около магазина ИКЕА его поджидал установленный разведчик американской резидентуры в Москве «Дуглас». Разговор между профессионалами занял несколько минут, каждый знал, чего хотел. Денег, на которые так рассчитывал начинающий агент Сыпачев, он не получил — их еще предстояло отработать. В конверте, что незаметно перешел в его руки, лежали первое шпионское задание и инструкция о порядке постановки сигнала готовности к выходу на очередную явку для передачи собранной информации.

В выборе способа связи и обмена шпионскими материалами с Сыпачевым американская разведка не стала оригинальничать. Ее страсть к тайникам и необъяснимая привязанность к московским фонарным столбам и стенам были хорошо известны российской контрразведке еще со времен разоблачения предателя Пеньковского. Тогда для организации связи с ним, а в последующем и рядом других агентов, наставники из ЦРУ и британской разведки МИ6 также использовали фонарные столбы, троллейбусные остановки и предметы дамского туалета.

В тот день, 29 марта, на встрече у магазина IKEA американский разведчик не стал перегружать инструктажем вновь завербованного, но уже достаточно искусственного в тайных делах агента, а сразу перешел к делу. Он поручил Сыпачеву подготовить данные, касающиеся конкретных подразделений ГРУ и их функционального назначения, собрать установочные и характеризующие данные на отдельных руководителей и ведущих сотрудников, подтвердить принадлежность ряда армейских офицеров, находящихся в командировках за границей, к кадровому составу российской военной разведки и т. д.

В заключение явки «Дуглас», ссылаясь «на неоценимую помощь Александра» и выражая особую заботу «о его личной безопасности», предложил отказаться от личных встреч и перевести отношения на более конспиративную основу. Сыпачев согласился. И они договорились дальнейшую связь между собой поддерживать через тайник. К тому времени резидентура ЦРУ успела проработать несколько вариантов и в качестве наиболее оптимального остановилась на пешеходном переходе, проходившем над железной дорогой неподалеку от станции метро «Студенческая». Сигналом о закладке тайника должна была служить метка красного цвета размером в пятнадцать сантиметров, выполненная на бетонном фундаменте дома № 17 по улице Минской.

После этой встречи с американским разведчиком с души Сыпачева словно свалился камень. Он посчитал, что контрразведчики проморгали ее. Возвратившись на службу, он рьяно взялся за выполнение задания. Уже к 3 апреля им были исписаны два стандартных листа. В них содержались совершенно секретные и секретные сведения, раскрывающие принадлежность ряда армейских офицеров к военной разведке, данные о ее агентах, а также о ряде операций ГРУ, проводимых за рубежом

Что думал и испытывал в те минуты Сыпачев, когда вносил в свой черный предательский список тех, с кем прослужил не один год, и у кого в гостях чувствовал себя как дома? Стыд?! Угрызения совести?! Вряд ли, к тому времени их заменили деньги.

Третьего апреля 2002 года жена Сыпачева, отправляясь на работу, не нашла своей губной помады. Это он, давно изменивший семье, а затем и родине, стащил ее, чтобы поставить метку — сигнал для американской разведки о своей готовности к закладке в тайник собранной информации. В двадцать один час его рука вывела на бетонном основании дома № 17 по улице Минской жирную красную черту, как и было предписано в шпионской инструкции, длиной пятнадцать сантиметров. Черту, которая теперь уже навсегда отрезала Сыпачева от коллег по службе и достойной жизни.

Сигнал не остался без внимания российской контрразведки. На следующий день разведчики наружного наблюдения зафиксировали появление у дома № 17 по Минской улице сотрудников американской резидентуры. Они сняли сообщение своего агента, а контрразведчики сняли их. Оперативная фильмотека пополнилась еще одним доказательством шпионской связи Сыпачева с иностранной спецслужбой. С того часа операция по пресечению его преступной деятельности перешла в решающую фазу.

Военным контрразведчиками и их коллегам из других управлений ФСБ предстояло решить несколько сложнейших задач. Они не должны были допустить перехода в руки американской разведки собранной Сыпачевым секретной и совершенно секретной информации, которая могла нанести серьезный ущерб внешней безопасности России. И одновременно им необходимо было не пропустить тот единственный момент — закладку тайника шпионом, который не дал бы ему выйти сухим из воды, и взять его с поличным. Поэтому в оперативном штабе до глубокой ночи снова и снова выверяли каждую деталь операции.

Наступило 4 апреля 2002 года. С раннего утра ряд оперативных и технических служб ФСБ и группа захвата были приведены в повышенную боевую готовность. Члены оперативного штаба управления операцией заняли свои места на командном пункте. Поступили первые сообщения от разведчиков наружки о результатах наблюдения за поведением Сыпачева и установленных разведчиков американской резидентуры в Москве. Они говорили о том, что в ближайшие часы возможна закладка и выемка из тайника шпионской информации.

Теперь уже оперативная техника и разведчики наружного наблюдения контролировали каждый шаг Сыпачева. Тот пока вел себя ровно, и только ближе к вечеру в его поведении стали заметны признаки напряженности и нервозности. В оперативном штабе приготовились к проведению заключительного этапа операции — захвату американского шпиона с поличным. Действия Сыпачева говорили о том, что до ее завершения оставались считанные минуты. Он, петляя и путая следы, выходил на тайник...

Поезд метро сбросил скорость, медленно подкатился к платформе на станции «Студческая» и остановился. Двери вагона бесшумно разъехались, и стайка студентов вынесла Сыпачева к эскалатору. Разведчики наружного наблюдения

сосредоточились и не спускали с него глаз, стараясь не пропустить момент сброса информации. Поблизости, подобно стае стервятников, кружили американские разведчики, они тоже нацелились на тайник.

Группа захвата подтянулась вплотную к Сыпачеву. Отсчет времени уже шел на секунды. Камеры скрытого наблюдения фиксировали каждое движение и жест шпиона. В оперативном штабе напряжение достигло своего предела. Глаза всех были прикованы к серой тени на экране монитора, которая плыла и двоилась в вечерних сумерках. Команда «Захват!» витала в воздухе.

Сыпачев не подозревал, что до конца его последней операции и позорного финала осталось совсем немного. Избегая яркого света фонарей, он осторожным шагом двигался по улице к пешему переходу над железной дорогой. Там в щель между бетонным забором ограждения и первой ступенькой ему предстояло запихнуть полиэтиленовый пакет со шпионской начинкой.

Впереди показалась горбатая ферма моста. Сыпачев бросил нервный взгляд на часы. Стрелки показывали ровно двадцать один час. Подошло время закладки тайника. Он действовал четко по инструкции американской разведки: когда нога наступила на первую ступеньку перехода, рука вытащила из кармана пакет и торопливо сунула в темную щель. Груз предательства, все это время давивший на него невидимым прессом, будто свалился с плеч.

Сыпачев распрямился и сделал шаг. В следующее мгновение его припечатали к стенке: группа захвата ФСБ действовала молниеносно. Обмякшего словно мешок американского агента подхватили под руки и повели к машине. Потом, когда прошел шок, он еще пытался откреститься от шпионской деятельности, но под грузом предъявленных вещественных доказательств вынужден был дать признательные показания.

Следствие по уголовному делу в отношении Сыпачева, обвиняемого по статье 275 УК РФ «Государственная измена», длилось семь месяцев. Последняя точка в нем была поставлена 11 ноября 2002 года. Московский окружной военный суд признал Сыпачева Александра Евгеньевича виновным в покушении на государственную измену и, учитывая его глубокое раскаяние и активное содействие следствию, приговорил к восьми годам лишения свободы. В соответствии со статьей 48 УК РФ он был лишен воинского звания «полковник». Еще один иуда-изменник получил по заслугам.

«Крот» в «Аквариуме»

Испания и Мадрид встретили ведущего сотрудника российской резидентуры ГРУ Генерального штаба российской армии Сергея Скрипаля ласковым солнцем и яркими южными красками. После России и Москвы, мучительно больно переживавших социально-политические потрясения начала девяностых годов и предпринимавших титанические усилия, чтобы выбраться из жесточайшего кризиса, здесь, в Испании, он оказался на празднике чужой жизни. Ветер политических и экономических перемен оказался попутным для испанской каравеллы, освободившейся от балласта франкизма, и она на всех парусах понеслась вдогонку за преуспевающими и благополучными соседями — Францией и Италией.

Страна великих мореплавателей, художников и поэтов, стяхнувшая с себя более чем пятидесятилетние деспотические оковы фашистского режима Франко, быстро приходила в себя и стремительно поднималась к вершинам политической и экономической жизни Европы. Мадрид превращался в еще один центр влияния на европейском континенте. Ведущие западные политики и руководители военного блока НАТО все чаще собирались под величественными сводами

знаменитых дворцов испанских королей. В тиши залов, за плотно закрытыми дверями ими принимались судьбоносные решения, определявшие настоящее и будущее Западной Европы, и не только ее.

Этот новый акцент в европейской речи не остался без внимания руководства ГРУ. Мадридская резидентура после некоторого пребывания на обочине разведывательной деятельности возвращалась на свое законное место. С каждым месяцем объем задач и нагрузка, ложившаяся на плечи ее сотрудников, возрастали, и потому такому опытному оперативному работнику, как Скрипаль, были только рады.

К тому времени за своей спиной он имел не только боевую службу в десантных войсках, «горячих точках», но и несколько лет работы в разведке на Мальте. И пусть то была не Великобритания, Италия или Германия, где контрразведка дышала в затылок сотрудникам российского посольства, пытаясь вычислить среди них разведчиков из СВР или ГРУ, это нисколько не роняло его в глазах коллег. Крохотная страна, затерявшаяся в лазурных водах Средиземного моря, и ее столица Ла-Валетта с уютными барами и кафе, великолепными пляжами и величественными руинами прошлых цивилизаций казалась восторженным туристам настоящим земным раем. Но для посвященных в дела разведки Мальта, прежде всего, ассоциировалась с одним из крупных центров шпионажа. Местная контрразведка, о которой никто и ничего не слышал, не путалась под ногами многочисленных иностранных резидентов и их агентов, и потому они без особой опаски вершили свои тайные дела, при этом не забывая доглядывать за конкурентами, чтобы при случае подставить ножку: втянуть в компрометирующую или вербовочную ситуацию.

Скрипаль, находясь в этом земном раю, не успел согрешить: не засветился на сомнительных контактах и не вляпался в вербовочную ситуацию. Он проявил себя напо-

ристым, хватким профессионалом, способным проводить сложные вербовки агентов и добывать важную информацию. Все это не осталось без внимания его непосредственных начальников. Отмечая сильные стороны разведчика Скрипаль, они как-то не придавали большого значения некоторым его недостаткам: амбициозности и склонности к жизни на широкую ногу. Но тут, как говорится, кто сам не без греха? «Ты можешь не любить жену, а КПСС любить обязан». В этом отношении у партийных функционеров, игравших важную роль в ГРУ, серьезных претензий к нему быть не могло. Скрипаль исправно платил партийные взносы, а на собраниях партячейки выступал по-деловому и критически. Отдельные колебания, если таковые и были, наблюдались только вместе с колебаниями генеральной линии КПСС. В конце восьмидесятых годов она выделяла такие замысловатые зигзаги, что ревнителям коммунистической морали поневоле пришлось ослабить свою идеологическую узду.

Из длительной командировки на Мальту обратно в Москву заматеревший разведчик Скрипаль возвратился с лестными партийными характеристиками и благоприятными отзывами прямых начальников. Это позволило ему подняться на очередную ступеньку служебной карьеры. Но размеренная, лишенная повседневного риска работа в аппарате ГРУ не приносила желанного удовлетворения. И дело было вовсе не в ее содержании или предвзятом отношении к нему руководителей. Причина заключалась в другом.

За окном кабинета буйно плескалась новая жизнь, в которой Скрипаль пока не находил себе места. В августе девяносто первого рухнули с незыблемого, казалось, пьедестала партийные идолы, а вместе с ними канули в прошлое не только КПСС, но и сама страна СССР. На ее развалинах в муках рождалось новое российское государство. Крайне болезненно этот процесс отразился на положении военных

и, в частности, сотрудников ГРУ. Их социальный статус в обществе резко пошел вниз, даже полковничьей зарплаты при галопирующей бешеными темпами инфляции едва хватало на то, чтобы свести концы с концами.

Поэтому назначение в мадридскую резидентуру, где помимо льготной выслуги шла двойная оплата, на родине в рублях, а за границей в валюте, для Скрипаля являлось подарком судьбы. Теперь ему оставался всего один шаг до самой важной, составляющей предмет особой гордости разведчика должности — резидента! Но к тому времени она, вероятно, в его глазах потеряла свой романтический ореол и значение. Суровая проза новой жизни, когда на смену приказавшему долго жить «вечно живому» марксизму-ленинизму пришел безжалостный «господин доллар», пробудила в нем глубоко дремавшие чувства — зависть и корыстолюбие. Он, имевший два высших образования, боевые награды и в совершенстве владевший несколькими языками, оказался лишним на этом празднике жизни, где «малиновые пиджаки» и хваткие «бритые затылки» в одночасье сколачивали огромные состояния.

На высокую должность в резидентуру ГРУ в Испании Скрипаль отправился в смешанных чувствах. С одной стороны, он радовался тому, что удалось вырваться из Москвы, где семье приходилось жить от зарплаты до зарплаты, а вызывающая роскошь олигархов все больше раздражала и будила зависть и ненависть к ним. С другой стороны, его терзали мысли о том, что годы, проведенные за границей, окажутся бесполезно потраченными. В то время, когда он будет убиваться на службе и рисковать собою, его удачливые знакомые и коллеги, ушедшие со службы в бизнес, сумеют сколотить состояния. С этими мыслями Скрипаль прибыл в Мадрид и приступил к работе.

Появление нового сотрудника в составе посольства России в Испании не осталось без внимания местной

спецслужбы и, конечно, британской разведки МИ6. И для того имелись веские причины; последняя положила на него глаз еще во время работы на Мальте. То, что не разглядели в Скрипале его наставники в академии, а затем руководители резидентуры, увидели сотрудники британской разведки.

Амбициозный карьерист, любящий шикануть за чужой счет, да еще проходящий службу не где-нибудь, а в ГРУ, Скрипаль оказался им подходящей кандидатурой на вербовку. Однако опытные мастера шпионажа не спешили форсировать события и искусно плели вокруг будущего агента тайную паутину. Одна из самых опытных и коварных разведок мира в своей работе не привыкла размениваться по мелочам и давать осечки. Прошлое имперское величие британских рыцарей плаща и кинжала впиталось в кровь и плоть их потомков. И несмотря на то что в конце двадцатого столетия от некогда могущественной британской империи остались жалкие осколки, ее сотрудники, как говорится, старались если пить, так шампанское, а если вербовать, так королей.

В тот период, когда Скрипаль работал на Мальте, в представлении британской разведки он пока едва тянул на валаета, да и то некозырного. Поэтому к нему пока только присматривались; выискивали уязвимые места и терпеливо ждали того дня, когда будущий кандидат дорастет до приличной должности и окончательно растеряет остатки патриотизма и идей марксизма-ленинизма, которые в него крепко вбили во время учебы в военном училище, службы в воздушно-десантных войсках, а позже в военно-дипломатической академии.

В своих расчетах сотрудники МИ6 не ошиблись, Частые походы Скрипаля по магазинам и беседы в ресторанах с испанскими знакомыми были тому подтверждением. Он, видимо, прощупывал возможность для совместного занятия бизнесом. Это послужило сигналом для британских раз-

ведчиков — клиент созрел для вербовки, и они принялись готовить для нее почву.

В октябре 1994 года в числе связей Скрипала появился бывший военнослужащий и несостоявшийся испанский космонавт Луис. Тот оказался настоящим душкой, и вскоре они уже были на короткой ноге. Луис проникался все большим доверием к русскому другу и не стеснялся делиться с ним своими проблемами и раскрывать душу. С его слов, после того как на российскую космическую станцию «Мир» отправился другой, он разочаровался в военной службе и решил заняться бизнесом. Проснувшийся было в Скрипале профессиональный интерес к Луису как объекту вербовки угас. Но ловкий идалго, видимо успевший к тому времени пройти короткий шпионский ликбез, умело подвел под него «крючок с наживкой». Во время разговора он, как бы невзначай, обмолвился о том, что долгое время служил на военной базе ВВС США в Испании и на этой почве приобрел обширные знакомства.

Скрипаль клюнул! Живой в общении, щедрый на угощение и имеющий связи среди американских военных, Луис показался ему перспективным оперативным контактом, через которого он надеялся выйти на других кандидатов на вербовку в качестве агентов ГРУ. В ходе последующих встреч он принялся прощупывать его наводящими вопросами, от которых пахло шпионским душком. Этот тревожный запах, похоже, не слишком смутил Луиса. Он охотно шел на развитие отношений и, в свою очередь, проявлял все больший интерес к событиям, происходящим в России. Эта тема не сходила с первых полос многих испанских газет, и потому Скрипаль то ли не придавал, то ли не захотел придавать значения некоторым специфическим вопросам, которые задавал Луис. Они не касались характера его работы в Испании, в этом отношении новый друг был достаточно деликатен и не лез с ненужными расспросами,

Его больше интересовали оценки, которые Скрипаль давал политическим процессам, происходившим в далекой России, и перспективам их развития. Свой интерес к ним Луис мотивировал тем, что изучает возможность работы на российском рынке. На самом же деле многочисленные вопросы любознательного испанца служили вполне определенной цели: британская разведка исподволь прощупывала политические взгляды и убеждения будущего своего агента. Так Скрипаль незаметно для себя из вербовщика Луиса превратился в объект оперативной разработки.

Ее предварительные результаты обнадеживали сотрудников МИБ. За годы, прошедшие после работы на Мальте, от марксистско-ленинских убеждений Скрипаля не осталось и следа. На смену им пришли алчность и стяжательство. Родина-мать стала для него ненавистной мачехой. В минуты откровенности он не стеснялся поносить ее и нынешнюю российскую власть. Все это вместе взятое убедило британскую разведку в том, что настал час для активных действий. Первым шагом к вербовке стало втягивание Скрипаля в коммерческую деятельность. Выполнение этой задачи снова было возложено на Луиса, и он не стал откладывать дела в долгий ящик.

Очередная, пока еще дружеская, встреча состоялась в дорогом ресторане при престижном отеле «Миля Кастилья». Прекрасная испанская кухня, а еще больше ужин за чужой счет настроили Скрипаля на благодушный лад. Разговор приобрел все более непринужденный характер. Луис, посчитав, что настал подходящий момент, перешел к делу. Упомянув о своих серьезных связях среди испанских бизнесменов, которые намеревались выйти на российский рынок, он попросил у Скрипаля содействия в вопросе поиска надежных партнеров, а взамен обещал щедро вознаградить за посреднические услуги. Тот недолго поколебался и дал согласие. Его нисколько не смутил сам

вид бизнеса, связанный с винным производством. Не винные пары, а запах шальных, как ему представлялось, легких денег заставил его, русского офицера, преступить опасную черту. Служба и интересы дела, которым когда-то присягал курсант Скрипаль, все дальше отходили на второй план. Жажда наживы, которую искусно подогревал Луис, все больше овладевала им.

Из ресторана Скрипаль возвратился в приподнятом настроении. Предложение Луиса могло существенно пополнить семейный бюджет. В его воображении уже рисовался желанный джентльменский набор — новая машина, гараж и дачка на берегу лесного озера. С присущим ему напором он взялся за воплощение своей мечты — втайне от руководства ГРУ принялся подыскивать среди знакомых в России партнеров по бизнесу. Поиски не заняли много времени, здесь оправдался прогноз британской разведки. Сотрудники МИБ рассчитали, что на огромном, заполненном различными суррогатами российском вино-водочном рынке найти покупателя на качественную европейскую продукцию не составит большого труда, и не ошиблись. Уже весной 1995 года Скрипаль и Луис провернули свою первую сделку — продали в Россию винные бочки и получили за посредничество шесть тысяч долларов.

Когда подошло время делить навар, благородный идалго проявил необыкновенную щедрость — большая часть суммы отошла Скрипалю. Легкость, с которой достались деньги, вскружила ему голову. После первого успеха они занялись разработкой новых бизнес-планов. Теперь разведчику ГРУ грезились не перспективные вербовки агентов, а десятки тысяч долларов прибыли. На этот раз дело дальше слов не двинулось. Как назло, каждый раз на их пути возникала то одна, то другая проблема. Однако Луис не терял оптимизма и при каждой встрече со Скрипалем искусно подогревал его очередным перспективным вариантом.

Проходили дни, недели, а варианты так и оставались вариантами. Кто-то будто специально вставлял им палки в колеса. Прошедшее лето не принесло желанного благополучия. Наступившая осень тоже не сулила ничего хорошего. У Луиса возникли материальные проблемы, и Скрипаль совсем было загрустил. Но пекущийся о своем русском друге испанец все-таки нашел выход: он предложил ему подключить к делу своего старого приятеля.

Скрипаль настороженно отнесся к этому предложению. Лишняя огласка и свидетели занятия коммерцией ему вовсе были не нужны. В случае утечки информации к руководству резидентуры ГРУ о его занятиях бизнесом он мог расстаться не только с должностью, но и вылететь со службы. Луису пришлось пустить в ход все свое красноречие, чтобы развеять сомнения Скрипаля в надежности будущего партнера и убедить в перспективности делового сотрудничества. По словам Луиса, с Антонио не только можно, но и нужно иметь дело.

Испанец по происхождению, Антонио Альварес де Идальго родился в семье, которая не приняла фашистский режим Франко и вынуждена была иммигрировать в Великобританию, там его родственники приняли ее подданство, но не забыли свои исторические корни и продолжали регулярно приезжать на родину. Из эмоционального рассказа Луиса получалось так, что Антонио чуть ли не сын коммунистов, видимо, британская разведка рассчитывала на прошлый, еще не успевший улетучиться коммунистический менталитет Скрипаля. Но того больше занимало не благородство происхождения Идальго и ненависть семьи к фашизму, а его финансовые возможности. В этом отношении у него все было в полном порядке. Такой визитной карточке, как у Идальго, можно было только позавидовать. Учеба в престижном Кембриджском университете, участие в торгах на Лондонской и Нью-Йоркской товарно-сырьевых биржах,

а также предстоящая женитьба на дочери американского магната говорили сами за себя. Здесь попахивало не просто вином, а чем-то гораздо большим. В разыгравшемся воображении бизнесмена в погонах уже вырисовывался шикарный особнячок если не на Рублевке, то по крайней мере в ближнем Подмоскovie. Взвесив все «за» и «против», он согласился на встречу с Идальго.

Она состоялась в начале сентября 1995 года в ресторане при отеле «Миля Кастилья». Уже сам выбор места встречи, шикарный стол и сам Идальго, от которого за версту несло большими деньгами и еще кое-чем, что охваченный жадной наживы Скрипаль, видимо, не захотел уловить, произвели впечатление. После дежурного обмена любезностями Идальго тут же продемонстрировал деловую хватку и обрисовал захватывающую дух картину будущего сотрудничества. Несмотря на некоторую расплывчатость его предложений, Скрипаль охотно согласился с тем, что серьезный бизнес не должен вылезать наружу. Такая сговорчивость партнера добавила энтузиазма Идальго, и он тут же предложил подготовить к следующей встрече письменное видение будущего делового сотрудничества, в том числе и в России. По его мнению, российское направление могло бы стать наиболее перспективным, и потому Сергею, с учетом знания национальной специфики, следовало бы сосредоточиться именно на нем, а после завершения исследования по результатам составить подробный отчет.

Здесь бы пока еще разведчику Скрипалю стоило как следует задуматься, прежде чем дать согласие. Этот тонкий и дальний заход Идальго должен был напомнить ему один из приемов его собственного вербовочного арсенала, который использовался при привлечении к сотрудничеству будущих агентов. Бумага — не слова, ее-то к делу как раз и подошьешь, чтобы потом припереть к стенке несговорчивого объекта и заставить работать на себя. Предполагал ли Скрипаль,

что деловой отчет станет тем самым первым документом для британской разведки, который ляжет в досье будущего агента и будет тем самым камнем на шее, что потянет его в омут предательства? Или все-таки он надеялся переиграть Идальго? Как бы там ни было, после завершения встречи Скрипаль, как положено, об этом контакте руководству резидентуры не доложил. Подогреваемый обещанным солидным гонораром, он втайне от коллег, используя материалы из служебных документов, накропал свое первое шпионское донесение.

Спустя три недели они в том же составе встретились в ресторане отеля «Миля Кастилья». Скрипаль, спеша избавиться от опасного груза, в первые же минуты спихнул Идальго свои письменные предложения к деловому сотрудничеству. Тот не стал в них вникать, для него гораздо важнее были не экономические изыскания будущего агента, а сам факт наличия документа. Теперь, когда на руках имелся такой серьезный компромат, казалось бы, можно было смело приступать к вербовке. Но опытный вербовщик Идальго не спешил форсировать события и решил до конца разрушить прошлые партийные убеждения и моральные ценности российского офицера, а заодно пополнить грязным компроматом ведущееся на него досье. После завершения ужина он вместе с Луисом затащил Скрипаль в ночной стриптиз-клуб.

Полумрак, царивший в зале, и сизые клубы табачного дыма не помешали технарям из британской разведки заснять во всех ракурсах ословелую физиономию Скрипаль на фоне пышных форм стриптизерш. В то время как он замаслившимися глазками пожирал жриц любви, Идальго с Луисом сладко напевали ему в оба уха о его исключительности и тех неограниченных возможностях, которые откроются перед ним на «свободном» западе. И здесь Скрипаль неожиданно для вербовщиков взбрыкнул. В нем в последний момент то

ли проснулись остатки совести, то ли он не смог выдержать пытку сладострастными телами стриптизерш. Как бы там ни было, несмотря на уговоры компаньонов, Скрипаль вызвал такси и отправился под надежный бок жены.

Неожиданный побег объекта из почти захлопнувшейся ловушки заставил изрядно поволноваться британских разведчиков. Они с нетерпением ждали, и не только ждали, но и готовились к очередной встрече с ним. На этот раз Идальго решил подсластить мерзкий запах предательства дорогостоящей пилюлей. Как и предыдущий, этот разговор проходил за столом, щедро оплаченным деловым партнером. Во время беседы Идальго не уставал нахваливаться «очень содержательный анализ Сергея, который дал богатую пищу для размышлений» А затем, сославшись на необходимость срочных консультаций по отчету, он предложил Скрипалю для удобства общения сотовый телефон стоимостью в несколько тысяч долларов. Такой сверхдорогой подарок не насторожил его, а основания для того были. В 1995 году не то что резидент, а сам российский посол не мог позволить себе подобную роскошь. Недолго поломавшись, Скрипаль заглотив очередную шпионскую наживку, после чего Идальго продолжил прощупывать его: ненавязчиво расспрашивал о семье, знакомых и планах на будущее.

До конца года они провели еще две встречи, а перед рождественскими праздниками на Скрипалю неожиданно-негаданно свалился просто-таки сказочный подарок в десять тысяч долларов. Заботливым Дедом Морозом оказался не кто иной, как все тот же Идальго. Свою щедрость он объяснил тем, что удачно реализовал одно из предложений Скрипалю с правлением испанского концерна «Альбатрос». Сославшись на то, что в руководстве концерна заинтересованы в продолжении сотрудничества, Идальго рекомендовал ему открыть счет на свое имя и при этом гарантировал полную его анонимность.

Приняв очередной шпионский аванс, теперь уже бывший сотрудник ГРУ, когда-то рвавшийся в разведку, чтобы защищать интересы Отечества на тайном фронте, в тот день в Скрипале окончательно умер. Нет никаких сомнений в том, что он хорошо знал: их следующая встреча должна закончиться вербовкой. Перед тем как сделать последний шаг к профессиональному предательству, он, видимо, искал ему оправдание. И, вероятно, находил в том, что такой страны, как СССР, на верность которой курсант Скрипаль когда-то присягал, уже нет. Август девяносто первого, в его представлении, похоронил ее навсегда и сделал Сергея свободным от прошлых обязательств.

Капитализм властно и жестоко перекраивал под себя страну и народ, безжалостно крушил прошлые идеалы и коверкал судьбы людей. На глазах Скрипалю ловкие, нахрапистые и беспринципные дельцы буквально из воздуха сколачивали себе баснословные состояния, и ему не хотелось остаться в стороне. Он все меньше думал о работе, а тлевшая в глубине души алчность, подогреваемая яркими красками западной рекламы и заманчивыми перспективами, обещанными Идальго, запылала жарким пламенем. Несмотря на недвусмысленные намеки партнера по бизнесу, Скрипаль не спешил предлагать свои иудины услуги, рассчитывая потянуть время и тем самым набить себе цену.

В феврале 1996 года во время очередной беседы, традиционно проходившей в дорогом ресторане, Идальго прозрачно намекнул, что Сергей не совсем тот, за кого себя выдает. Скрипаль понял, к чему он клонит, но не спешил раскрывать карты и свел все к шутке, напомнив о привычке иностранцев подозревать во всех русских агентов КГБ. Тогда Идальго зашел с другой стороны и упомянул про книгу «Аквариум» Суворова (предателя В. Резуна — бывшего сотрудника ГРУ, изменившего родине и нашедшего прибежище под крылышком британской разведки).

Этот пробный тест на предательство сработал. Скрипаль не возмутился, не сказал: «Книг предателей не читаю!» И тогда британский разведчик взялся нахваливать книгу, а еще больше «смелого борца с тоталитаризмом, нашедшего в себе мужество порвать с порочной советской системой и порожденным ею кровавым чудовищем — ГРУ». Здесь он бил не в бровь, а прямо в глаз — в предмет профессиональной гордости военных разведчиков. Скрипаль молча проглотил и это. Идальго поспешил развить успех, превознося Суворова, который быстро нашел себя в свободном обществе и стал не только известным, но и обеспеченным человеком». Идальго знал, куда метил, и тонко подогревал тщеславие и корыстолюбие будущего агента МИБ. А Скрипаль все медлил с ответом, понимая, что предательство — тоже товар, и потому рассчитывал продаться как можно дороже. Их разговор закончился тем, что он пообещал Идальго на досуге «поплавать» в «Аквариуме» Суворова.

Получив домашнее задание, Скрипаль проштудировал опус предателя, живописавшего ужасы, царившие в ГРУ — «Аквариуме», и решил, что больше не стоит торговаться. Лавры пописывающего и щедро заплаченного из специальных фондов британских спецслужб изменника Резуна распалили его денежный аппетит. В тот день в Скрипале бесповоротно умер разведчик и гражданин и родился омерзительный «крот» британских спецслужб. Теперь он цинично прикидывал: почему продать своих агентов, доверивших российской военной разведке честь и жизнь, и при этом не продешевить.

К следующей встрече с Идальго предатель предусмотрительно разбил информацию на несколько частей, рассчитывая получить за каждую отдельный куш. И когда она состоялась, британскому разведчику не понадобилось углубляться в обсуждение опуса Резуна. С первых минут раз-

говора он понял, что объект созрел для вербовки и прямым текстом заявил о заинтересованности друга из разведки в конфиденциальной информации, за которую тот готов хорошо платить.

После короткого торга они сошлись в цене и Скрипаль подтвердил факт того, что является сотрудником ГРУ, и принял вербовочное предложение. Вербовка теперь уже «крота» британской разведки была закреплена получением от него информации о структуре ГРУ.

А дальше Скрипаль принялся сдавать всех подряд: однокашников по академии и коллег по работе. Отрабатывая свои тридцать серебряников, он лез из кожи вон и засветил перед МИ6 десятки разведчиков из ГРУ и Службы внешней разведки России, выдал находящихся у него на связи агентов. Позже в ходе судебного расследования было установлено, что жертвами предательства Скрипаля стали более трехсот кадровых сотрудников российской разведки.

В ответ за свою услугу предатель требовал денег и еще раз денег. Его патологическая жадность к деньгам не могла не тревожить британскую разведку, так как являлась причиной провала многих ее агентов. Но не столько беспокойство за жизнь Скрипаля, сколько опасение потерять ценный источник информации заставляло Идальго напоминать ему, что непомерные траты могут заинтересовать российскую контрразведку. Скрипаль не мог не согласиться с этим доводом, тем более, что в последнее время ему становилось все труднее объяснять жене внезапно возросший бюджет семьи. Поэтому он принял совет Идальго часть заработанных денег перевести на личный счет в одном из европейских банков. Такой счет был открыт летом 1996 года в одном из английских банков. Каждый месяц МИ6 перечисляла на имя Скрипаля по три тысячи долларов, а позже перевела его в Испанию в «Vanco Central Hispanoamericano S. A.».

Так продолжалось до сентября 1996 года. Счет в банке стремительно рос, но не приносил Скрипалю желанной радости. Двойная жизнь на службе и дома становилась для него непосильным грузом. Зараза предательства поразила не только душу, но и тело. Страх возмездия медленно и неотвратимо разрушал организм. Развившийся сахарный диабет не могли излечить даже дополнительные бонусы, выплачиваемые Идальго. К концу осени состояние здоровья Скрипаля настолько ухудшилось, что ему пришлось срочно покинуть Испанию и возвратиться в Москву. Оставшиеся месяцы и почти весь следующий 1997 год он вынужден был лечиться, потом непродолжительное время поработал в центральном аппарате ГРУ и снова лег на обследование в госпиталь. Его результаты оказались неутешительны; врачи поставили окончательный диагноз — не годен для работы в разведке.

Безработным Скрипаль не остался. Система, которую он предал и продал, не бросала в беде своих сотрудников. В руководстве ГРУ озаботились и нашли ему должность консультанта в МИДе. Там от него были не в восторге, вместо работы он то лечился, то занимался устройством личных дел, и потому вскоре избавились. И опять старые друзья, в том числе и те, которые из-за его предательства вынуждены были оставить службу, похлопотали о нем и пристроили в один из комитетов правительства Москвы.

Но и на новом месте Скрипаль не прижился — деньги оказались не те — и решил самостоятельно заняться бизнесом. Из этой затеи ничего не получилось. К тому времени подошли к концу накопленные «непосильным трудом» сбережения, и он вспомнил о прошлом шпионском поприще и Идальго. Вернуться к нему оказалось непросто. Их разделяло несколько тысяч километров, но ради денег Скрипаль готов был отправиться хоть к черту на рога. И здесь он столкнулся с проблемой — отсутствием загранпаспорта. Вопрос

с его оформлением затянулся. В конце концов у него иссякло терпение, жажда денег взяла верх над осторожностью, и он решился позвонить Идальго.

На дворе стоял октябрь 1999 года. Со дня их последней встречи прошло три года, и Скрипаль не без волнения набрал знакомый номер. После долгих гудков в трубке наконец прозвучал голос. Ответил сам Идальго. Скрипаль не понадобилось называть себя, тот догадался, кто с ним говорит. Несколько минут между ними шел общий разговор, и когда он коснулся текущих дел, Скрипаль намеком дал понять, что готов продолжить совместный бизнес. Идальго понял, о каком бизнесе идет речь, и оживился. Издержавшийся в тратах шпион тут же воспользовался моментом и, посетовав на возникшие материальные трудности, напомнил партнеру о его обещании делать ежемесячные перечисления на известный счет. Последовавший тут же ответ был подобен ушагу холодной воды. Идальго не проявил пылкого испанского благородства и с британской холодностью жестко заявил: «Бизнес возможен в случае поступления информации». Скрипаль был вне себя от обиды и злости, но ничего поделать не мог и вынужден был смириться, так как другого источника дохода, кроме скудной пенсии, опустившей его на уровень «вратаря» — дежурного по воротам на даче олигарха, не имел. Разговор закончился тем, что они договорились после получения Скрипалем разрешения на выезд из страны встретиться в Испании и обсудить перспективы дальнейшего сотрудничества.

После беседы прошло несколько месяцев, Скрипаль наконец получил заветный загранпаспорт и начал собираться в дорогу. В посольстве Испании с визой не затянули: сработали скрытые связи британской разведки. Помня предварительное условие, выставленное Идальго: «Бизнес возможен в случае поступления информации», он принялся

рыть рогом землю, чтобы приехать на встречу не с пустыми руками. Для этого пришлось ему напрячь свою память, чтобы отыскать то, что еще не успел продать, а также пройтись по старым связям в ГРУ и попытаться выудить у них служебную информацию.

В феврале 2000 года Скрипаль с легким «шпионским багажом» отправился в Испанию. На этот раз Идальго оперативно откликнулся на его телефонный звонок и назначил явку в одном из мадридских гольф-клубов, располагавшемся по соседству с отелем, где остановился поиздержавшийся в средствах агент.

Назвать эту и последующую встречу двух матерых шпионов теплой было нельзя. От разговора о деньгах Идальго искусно уклонялся и больше интересовался разведывательными возможностями Скрипаля. Тот, как мог, старался преподнести себя и ссылался на прочные связи среди бывших сослуживцев в ГРУ. Но, похоже, эти аргументы не произвели должного впечатления на британского разведчика. Агент, лезущий из кожи вон ради того, чтобы урвать одну-другую тысячу долларов, потерял в его глазах былую ценность, так как уже не имел прямого доступа к источникам секретной информации.

Вежливо выслушав, Идальго не стал прямо отказываться от услуг Скрипаля и предложил ему перейти на связь к своему другу в разведке. Будучи профессионалом, тот догадался, что в глазах МИ6 потерял былую ценность и пошел по рукам. В нем заговорила обида, он выплеснул то, что в нем накопело, и в запале заявил: «У хваленой британской разведки бумага для тайнописи хуже, чем та, что используют в сортире».

Идальго молча проглотил обиду, решил не устраивать сцен, и чтобы как-то подсластить горькую пилюлю, заверил Скрипаля, что с ним будет работать очень опытный сотрудник британских спецслужб. Но не столько это, сколько заявление друга Антонио, что он может рассчитывать на

солидные гонорары, если будет подкидывать информацию по ГРУ и продолжать консультировать МИБ по интересующим ее вопросам, прибавило настроения Скрипалю. Он подтвердил, что имеет такие возможности, и поторопил Идальго с организацией встречи.

Тот не стал затягивать с ней. Друг из британской разведки «случайно» оказался поблизости. Спустя час уже втроем они беседовали в кафе на приморской набережной. Очередной британский разведчик представился как Стивен и начал разговор с реверанса в сторону Скрипалю: отметил его заслуги перед британской короной и поблагодарил за информацию о ГРУ. Тот приободрился и, почувствовав запах денег, заверил, что готов и дальше консультировать британскую разведку по интересующим ее вопросам. После этого они продолжили разговор один на один. Идальго, сославшись на срочные дела, покинул их, и Стивен перешел к делу. Его в первую очередь интересовала информация, касавшаяся сотрудников резидентур ГРУ и СВР в Испании, а также обстановка в российском посольстве.

Скрипаль, познавший на себе, что такое рыночная экономика, прежде чем сдать своих бывших коллег, решил поторговаться. В конечном итоге они сошлись на том, что ежегодная шпионская ставка должна составить десять тысяч долларов в год, а особо ценные материалы будут оплачиваться по отдельной статье. В заключение явки ими были обговорены технические приемы зашифровки информации, согласованы способы связи и определено место будущей встречи. Свой выбор они остановили на Мальте. Стивен предложил провести явку третьего июля 2000 года в двенадцать часов в городе Слим. Запасная встреча была запланирована там же на 18.00. На экстренный случай британский разведчик разрешил Скрипалю воспользоваться телефоном гibraltarской фирмы Идальго. В качестве очередного задания он поручил подготовить более подробную информацию

по сотрудникам резидентур СВР и ГРУ в Испании, а чтобы подогреть интерес Скрипаля к работе, в качестве аванса выдал две тысячи долларов.

Спустя четыре месяца, 1 июня 2000 года, Скрипаль вместе с супругой и дочерью вылетел на Мальту. Отец и супруг — шпион цинично использовал близких себе людей в качестве прикрытия от российской контрразведки, рассчитывая, что семейная поездка не привлечет ее внимания. В то время как жена с дочерью беззаботно предавались отдыху, он словно заяц петлял по узким средневековым улочкам города, пытаясь выявить за собой слежку. За два дня ему так и не удалось обнаружить ее следов, и 3 июня 2000 года ровно в полдень шпион засветился на месте явки.

Как всегда, его ждал обед за счет британской разведки и любезный до приторности Стивен. Позволив Скрипалю, с утра нагулявшему аппетит, утолить голод, он перешел к делу: передал двадцать листов тайнописной копировальной бумаги, спецблокнот на восьмидесяти листах и объяснил, как ими пользоваться. После этого Стивен провел подробный опрос по его предыдущей информации, уточнил характер деятельности ряда сотрудников резидентуры ГРУ в Испании. В качестве очередного задания он поручил Скрипалю собрать данные, касающиеся структуры центрального аппарата ГРУ, а также на отдельных должностных лиц одного из управлений, в завершение беседы предостерег от крупных трат и излишней активности при сборе материалов, которые бы могли привлечь внимание ФСБ.

По возвращении в Москву Скрипаль возобновил шпионскую деятельность. Под различными предложениями он выходил на старые связи в аппарате ГРУ и в беседах с ними пытался получить интересующую британскую разведку информацию. Такая повышенная активность пенсионера, в недавнем прошлом важного секретноносителя, и его дорогостоящие поездки за границу не остались без внима-

ния контрразведки. Не ввели ее в заблуждение и попытки Скрипаля прикрыть свою шпионскую деятельность якобы занятием бизнесом с испанскими партнерами.

В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, санкционированных судом, контрразведчиками были выявлены новые и весьма любопытные факты. Скрипаль действительно имел денежные счета в зарубежных банках, и, что самое любопытно, они были открыты во время прохождения им службы в ГРУ. Но самое интересное контрразведчиков ждало впереди: с 1996 года неизвестный благодетель регулярно перечислял на эти счета по три тысячи долларов. Опытные охотники на шпионов поняли, с кем имеют дело. Так оплачивались услуги особого рода.

Этому их предположению вскоре нашлось и материальное подтверждение. При проверке недвижимости, числящейся за семьей Скрипаля, было установлено, что за несколько лет они совершили ряд дорогостоящих приобретений. В частности, в 1999 году для сына была куплена трехкомнатная квартира в Москве, произведен дорогостоящий ремонт в собственной квартире, приобретена дача в Тверской области, а также автомобиль, в то время как зарплата полковника, пусть даже ГРУ, составляла около семисот долларов. Вероятность того, что эти покупки могли быть сделаны на средства жены и сына, исключалась. Их доходы не превышали доходов среднестатистического москвича.

Анализ всей совокупности этих и других данных заставил контрразведчиков предположить, что они имеют дело с агентом, работающим не один год на иностранную спецслужбу, которая и после увольнения из ГРУ не списала его со своего шпионского счета.

В октябре 2004 года подозрения в проведении Скрипалем враждебной деятельности еще больше усилила новая оперативная информация. Неожиданно даже для семьи он решил срочно отправиться на отдых в далеко не курорт-

ный турецкий город Измир и заказал места в гостинице, расположенной неподалеку от отеля «Хилтон», где традиционно останавливались туристы из Великобритании. Столь поспешный отъезд Скрипаля в Турцию заставил предположить контрразведчиков, что МИ6 срочно вызывает своего агента на явку. И тот, бросив все, кинулся за очередной денежной подачкой. Контрразведчиков не ввел в заблуждение его совместный с женой выезд. Та не подозревала, что ее используют для прикрытия шпионских дел.

В тот день, когда чета Скрипаль поселилась в «Измир Пэлас», по соседству с ними в отель «Хилтон» заехала группа британских туристов. Среди них находился хорошо известный контрразведчикам британский разведчик. Их предположение, что шпион прибыл на явку со своим куратором, подтверждалось. Утром 5-го и затем 7 октября 2004 года в своем номере сотрудник МИ6 провел с Скрипалем две длительные конспиративные встречи. Явка закончилась тем, что шпион получил новое задание в отношении ряда сотрудников ГРУ и наличными двадцать тысяч долларов.

Возвратившись из Турции в Москву, он лез из кожи вон, чтобы заработать очередной шпионский бонус: названивал старым знакомым в ГРУ, пытался вызвать их на встречу, чтобы добыть интересующую британскую разведку информацию. Но одних не оказалось на месте, другие находились в командировках, а третьи предпочитали говорить о чем угодно, но только не о службе. И тогда Скрипаль попытался выжать хоть что-то из тех, кто вышел на заслуженную пенсию. Ветераны-разведчики хорошо знали цену слова и умели крепко держать язык за зубами. Шпион оказался в информационном вакууме и вряд ли подозревал, что это военная контрразведка умело выстраивала вокруг него невидимую стену молчания.

Неделя проходила за неделей, а ему нечего было доложить хозяевам из МИ6. Запершись в четырех стенах, пен-

сионер Скрипаль коротал время. Двойная жизнь, которую он вел последние девять лет и всячески скрывал от родных, сделала его чужим в собственной семье. Вспомнив о старых друзьях, Скрипаль пытался вызвать у них сочувствие, но не находил отклика. Они слишком далеко разошлись во взглядах, и теперь их мало что связывало. Изводимый бездельем, быстро тающими сбережениями и мутной совестью, он не находил себе места. А время стремительно летело вперед. Приближающийся Новый год тоже не радовал. В кармане было негусто, а на душе пусто. Унылым, похожим один на другой дням, казалось, не будет конца.

День 15 декабря 2004 года для Скрипаля мало чем отличался от предыдущих, разве что монотонное течение жизни нарушило приглашение к участковому инспектору, где предстояла рутинная сверка документов на охотничье нарезное оружие. Он и не подозревал, что время неумолимо отсчитывало его последние часы на свободе. Сотрудники военной контрразведки и следователи Следственного управления ФСБ России завершили кропотливую работу по сбору доказательств шпионской деятельности Скрипаля. Чего это им стоило, знают только они и председатель суда, давший санкцию на арест шпиона и заключение под стражу.

Плотно позавтракав, Скрипаль вышел во двор. До опорного пункта милиции было рукой подать, а до назначенного времени оставалось еще пятнадцать минут, и он решил прогуляться.

Утренняя суета во дворе и на улице улеглась, легкий морозец слегка покусывал за уши и нос. Наслаждаясь бодрящим воздухом и тишиной, Скрипаль неспешным шагом направился в милицию. Впереди показался знакомый подъезд. Он нырнул в его темный зев. После яркого дневного света на миг потерял ориентацию, но нашарил ручку, толкнул дверь и шагнул вперед.

В следующее мгновение, парализующий волю страх приковал его к месту. Двери соседних помещений распахнулись. Трое парней ринулись к нему. Крепкие руки припечатали его к стенке. Холод металла ожег запястья. Скрипаль, как выброшенная на лед рыба, распахнутым ртом хватал воздух и не мог вымолвить ни слова.

Группа захвата ФСБ действовала быстро и решительно, не позволив шпиону освободиться от улик и покончить с собой. Эти опасения были вовсе не лишними. Зная суровое отношение британской разведки к своим провалившимся агентам, контрразведчики постарались лишить его возможности применить яд. Скрипалью было не до того. Он был потрясен и не слышал отрывистых команд, скрипа снега под колесами подъехавшего крытого автофургона, не замечал работы кинокамеры, бесстрастно фиксировавшей происходящее, и видел только одного седовласого полковника. Его ледяной взгляд сказал предателю все.

— Хитрый ход! Вы меня переиграли! — обреченно произнес шпион.

— Не ход, а мат! Тоже мне шахматист нашелся! — с презрением бросил полковник и распорядился: — В машину его, ребята!

Скрипаль безвольно повис на руках бойцов группы захвата, тупо уставился в одну точку и потом за всю дорогу не проронил ни слова.

Позже, в камере Лефортовской тюрьмы оправившись от шока, предатель попытался снова вести свою игру и предложил следователю сделку: оформить явку с повинной взамен на откровенные показания. В них сотрудники ФСБ не нуждались. За время оперативной разработки предателя ими были собраны исчерпывающие доказательства его шпионской деятельности. Первые же обыски, проведенные следственной группой, полностью подтвердили имевшиеся оперативные материалы. Из оборудованных Скрипалем

тайников следователи извлекли разведопросник СИС на английском языке, блокнот с секретными записями на сотрудников ГРУ, бумагу для тайнописи, незарегистрированный пистолет иностранного производства.

Долгих двадцать месяцев шло расследование по уголовному делу. Следователи ФСБ и Главной военной прокуратуры скрупулезно распутывали один за другим шпионские узлы, завязанные Скрипалем. А их набралось более чем достаточно. Десятки преданных им агентов были отданы на растерзание иностранной контрразведке, сотни сотрудников ГРУ и СВР, которых коснулась его каинова печать, оказались засвеченными перед испанской, британской, рядом других спецслужб и были вынуждены свернуть свою деятельность.

Окончательную черту в затянувшейся шпионской карьере Скрипаля подвел Московский окружной военный суд. Девятого августа 2006 года он признал Скрипаля виновным в совершении особо тяжкого преступления — государственной измене в форме шпионажа в пользу спецслужб Великобритании и вынес обвинительный приговор, назначив предателю наказание в виде лишения свободы сроком на тринадцать лет с отбыванием в колонии строгого режима, лишил воинского звания полковник и всех государственных наград.

«Дядя Ваня», «Друг Борис». Кто следующий?

22 июня 2004 года Приморский краевой суд, рассмотрев материалы уголовного дела на группу шпионов, в которую входили военнослужащие и гражданские лица, воздал каждому по заслугам, приговорив ее организаторов А. Белошапкина и И. Лукина к одиннадцати и десяти годам лишения свободы с отбытием наказания в колонии строгого режима. Различные сроки наказания получили их подельники А. Артюхов, Р. Гусейнов, Д. Теплов и И. Колесников.

Ранее, в сентябре 2002 года, другой участник группы, В. Попов, под тяжестью содеянного покончил жизнь самоубийством.

А всего четыре года назад никто из них даже подумать не мог о столь печальном финале. В 2000 году организаторы будущей преступной группы Белошапкин и Попов в очередной раз выехали в КНР за товаром. Поездка подходила к концу, когда испытанный партнер пригласил их на дружеский ужин.

Отправляясь на встречу, они не предполагали, каким невосполнимым ущербом она обернется для них. Дружеский ужин подходил к концу, и здесь словно джин из бутылки появился новый «деловой» партнер. Добротный европейский костюм, обходительные манеры и цепкий взгляд «дяди Вани», как он представился, не могли не вызвать у Белошапкина с Поповым тревожных ощущений. В своих опасениях они не ошиблись. После обмена любезностями «дядя Ваня» уверенно взял беседу в свои руки и перешел к делу. Он сразил будущих компаньонов поразительной осведомленностью не только в их коммерческих делах, но и в личной жизни, где оба оказались далеко не ангелы.

Белошапкин с Поповым быстро сообразили, что будущий бизнес пахнет шпионажем, и попытались дать задний ход, но не тут-то было. «Дядя Ваня», напирая на их «баловство» с контрабандой, прямо предложил сотрудничество с китайской разведкой, а взамен пообещал содействие в бизнесе и отдельное вознаграждение за выполнение шпионских заданий. Белошапкин с Поповым, оказавшись перед мрачной перспективой провести несколько лет в местной тюрьме, известной своими жестокими нравами, приняли его предложение. Он же великодушно пообещал компаньонам безоблачное шпионское будущее, а чтобы рассеять их опасения, заверил: «Кто со мной работает, тот об этом не жалеет».

Возвратившись во Владивосток, Белошапкин с Поповым принялись активно осваивать шпионский бизнес и за короткий срок сколотили преступную группу из числа военнослужащих авиационно-технической базы, дислоцирующейся в поселке Угловое Приморского края. В нее привлекли капитана Лукина, майора Артюхова, позже к ним присоединились Гусейнов и офицеры запаса Теплов и Колесников. Польстившись на мелкие подачки в одну-две тысячи долларов, они принялись собирать для Белошапкина

с Поповым секретные сведения и узлы боевой авиационной техники, а те по отлаженному контрабандному каналу переправляли их в Китай.

Эта специфическая коммерческая деятельность бизнесменов в погонах не осталась без внимания сотрудников управлений ФСБ по Дальневосточному военному кругу, Тихоокеанскому военно-морскому флоту и Приморскому краю. Девятнадцатого июня 2002 года Белошапкин с Поповым были арестованы. Вслед за ними 23 июня 2002 года оказались за решеткой Колесников с Тепловым, а чуть позже остальные участники преступной группы.

Белошапкин и Попов оказались не единственными, кто попался на шпионский крючок «дяди Вани». Его денежная наживка и обещание содействия в бизнесе привело на скамью подсудимых двух других российских граждан, П. Носика и бывшего военнослужащего В. Смаля.

Их путь к предательству мало чем отличался от того, каким прошли Белошапкин с Поповым. Во время выездов Носика в 2000–2001 годах в Китай его неразборчивость в выборе средств обогащения не осталась без внимания иностранной спецслужбы. Все тот же вездесущий «дядя Ваня» по отработанному сценарию в мае 2002 года провел с ним беседу. В ходе ее он недвусмысленно намекнул Носику на мелкую контрабанду, которой тот грешил, и предложил заняться серьезным бизнесом — привезти двадцать семь элементов от самолета СУ-27.

Носик согласился и по возвращении домой обратился к приятелю, бывшему заместителю командира авиаэскадрильи Смалю. В разговоре с ним шпион не стал скрывать, для чего ему нужны элементы военной техники. Смаля недолго колебался — чувство офицерской чести отошло на второй план, когда впереди замаячили деньги, — и принял предложение.

Вместе они разработали план и приступили к его реализации. Используя прошлые связи среди сослуживцев,

в частности с подполковником В. Крохмалем и майором В. Саркисяном, Смаль под предлогом подготовки для восстановления на военной службе получал у них документы по авиационной тематике, фотографировал, потом переносил на магнитные носители и отдавал Носику. В течение полутора лет они собрали и передали «дяде Ване» значительное количество копий документов ограниченного пользования, в том числе содержащих гостайну, а также отдельные узлы и элементы военной техники.

В июне 2002 года спокойное течение шпионского бизнеса нарушило сообщение в российских СМИ об аресте группы иностранных агентов, руководимой Белошапкиным. Это напугало Носика. В очередную поездку за границу он отправился с пустыми руками. Его встреча с «дядей Ваней» проходила нервно. Ссылаясь на провал Белошапкина, Носик настаивал на прекращении сотрудничества. Но «дядя Ваня» так легко отпустить на волю ценного агента не собирался и убеждал его: «Саше (Белошапкину) просто не повезло, так как он не всегда действовал осторожно и не соблюдал конспирацию». И чтобы окончательно рассеять опасения Носика, заверил, что для его безопасности будут предприняты все необходимые меры — он будет снабжен ноутбуком со специальной программой зашифровки, которая позволит безопасно хранить и переправлять через границу собранную информацию.

Но ни это, ни другие ухищрения «дяди Вани» и Носика не спасли их от провала. Подозрительная активность Смаля в освоении авиационной техники не осталась без внимания его сослуживцев, для которых слова «Родина» и «долг» не были пустым звуком. Они сообщили о подозрительном поведении бывшего сослуживца военным контрразведчикам. И те, объединив свои усилия с сотрудниками Управления УФСБ по Приморскому краю, обратили против шпионов всю мощь своих оперативно-технических средств.

Восьмого апреля 2003 года Носик, уверенный в своей безнаказанности, выехал на встречу с «дядей Ваней». Но она не состоялась. Контрразведчики хорошо знали, не только какого рода товар он вез с собой, но и где его хранил. При проведении таможенного досмотра при Носике были найдены одиннадцать магнитных носителей информации, содержащих пятьсот пятьдесят файлов документальных материалов секретного и служебного характера. Поняв, что игра проиграна, он поспешил признаться в шпионаже и выдал своего соучастника — Смаля.

Второго декабря 2004 года Приморский краевой суд, рассмотрев материалы уголовного дела, признал их виновными в шпионаже и осудил Смаля к пятнадцати годам и шести месяцам лишения свободы, а Носика — к тринадцати с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Понесли наказание и Крохмаль с Саркисяном. В мае и августе 2004 года военный суд Тихоокеанского флота за разглашение государственной тайны приговорил одного к четырем годам лишения свободы, а другого — к двум.

После таких серьезных провалов в работе с агентурой в Министерстве госбезопасности Китая сделали серьезные оргвыводы — «дядю Ваню» срочно убрали со шпионских подмошток. По некоторым данным, услали на провинциальную сцену штудировать бессмертного Чехова и его знаменитую пьесу «Дядя Ваня».

Но, как говорится, свято место пусто не бывает, вскоре ему нашлась замен — на шпионском горизонте возник «друг Боря» — кадровый сотрудник Министерства госбезопасности Бай Дзуньсун. В отличие от своего предшественника, он особыми познаниями русской классики, тем более современных российских писателей, фамилии которых более известны по выступлениям на Болотной и прочим отдающим дешевым популизмом площадям, не

блистал. Зато в другой весьма специфической области — новейших систем противовоздушной обороны — «друг Борис» весьма поднаторел.

Российские специалисты, прибывавшие к великому южному соседу по линии Рособоронэкспорта, находили в обходительном и знающем дело «Борисе» энергичного и заинтересованного партнера. Но вряд ли кто из них догадывался, что его интерес распространялся гораздо дальше оговоренных контрактами сфер сотрудничества и затрагивал весьма закрытую область, которая называется государственные секреты. Но, подпадая под обаяние щедро на угощение «друга Бори» и очарованные местным колоритом, некоторые специалисты забывали, что дружба дружбой, а табачок врозь, и позволяли себе лишнее. И это лишнее компенсировалось им дорогим подарком, а дальше следовало предложение за отдельную плату провести консультацию по проблемному вопросу. На языке разведки это называется втягиванием в вербовочную ситуацию.

К сожалению, не все российские специалисты выдерживали искушение шальными деньгами. Они, бывшие капитаны и рулевые некогда могущественного военно-промышленного комплекса СССР — этого динозавра, загнувшегося под руинами социализма, отчетливо понимали, что будущее им уже не принадлежит, и спешили урвать для себя хоть что-нибудь. Пристроившись в качестве консультантов и советников в различные полугосударственные и коммерческие структуры, они принялись приторговывать секретами.

Один из них, Г. Еремин, в начале 2000-х годов угодивший в сети китайской разведки, направо и налево торговал секретами в области средств ПВО. К 2009 году его запасы иссякли, и он как источник информации перестал представлять интерес для «друга Бориса». Денежный ручеек, лившийся в карман Еремина, стал иссякать, и тогда ему пришлось обратиться к своим связям.

Наиболее перспективным в этом отношении Еремину представлялся начальник отдела ремонтно-сервисного обслуживания ОАО ГСКБ «Алмаз-Антей» Алексей Елистратов. По роду своих служебных обязанностей он имел прямой доступ не только к работам и эксплуатационно-технической документации по ЗРК «С-300» и «С-400», но и к перспективным разработкам в этой области. В личном плане, как полагал Еремин (здесь он, видимо, мерил людей на свой аршин), будущий кандидат на вербовку был весьма уязвим. Его неудовлетворенность бытовыми условиями — проживание с семьей в гостинице военного городка, низкая зарплата, — а также чрезмерные амбиции могли стать серьезным мотивом к сотрудничеству с иностранной разведкой.

Доложив «другу Боре» свои соображения о будущем кандидате в шпионскую сеть китайской разведки, агент Еремин после согласования деталей плана предстоящей вербовки Елистратова отправился на встречу с ним.

Столица встретила его холодно — крепкие московские морозы давали о себе. Елистратов не слишком обрадовался встрече. Еремин не стал форсировать события и, прежде чем затронуть опасную тему, провел зондаж его настроения. Оно не было радужным — в ближайшие годы улучшение бытовых условий семье Елистратовых не светило, не лучше обстояло и с зарплатой, ее едва хватало на то, чтобы свести концы с концами. Не добавляла настроения и кадровая чехарда в объединении, она грозила обернуться для него потерей должности.

Это обнадеживало шпиона Еремина. И он пошел дальше — перевел разговор на скользкую дорожку: упомянул про китайских партнеров, сталкивающихся с трудностями при освоении ЗРК «С-300», а затем забросил наживку, отметив, что они остро нуждаются в помощи квалифицированных специалистов, и принялся нахваливать способности

Елистратова, которые, по его мнению, не востребованы руководством.

Прием сработал. Елистратов принялся костерить и правых и виноватых, которые только и думают, что о своем кармане. Брошенное Ереминым зерно алчности упало на благодатную почву, и тогда он пустил в ход более серьезную наживку, сославшись на свои хорошие связи среди китайских партнеров, намекнул, что они не жалеют денег на оплату консультаций опытных специалистов, и сделал паузу.

Елистратов, проработавший много лет в такой специфической области, как оборонка, где вопрос сохранности государственной тайны всегда стоял на первом месте, вне всякого сомнения, догадался, к чему клонил Еремин, и не возмутился. И тот, как говорится, принялся ковать железо, пока оно горячо. Будущие головокружительные гонорары от благодарных китайских партнеров при минимальном риске, о чем вдохновенно врал Еремин, вскружили голову Елистратову.

Как и большинство вступивших на путь предательства, он самоуверенно считал, что окажется хитрее российской контрразведки и обведет ее вокруг пальца. Другим обстоятельством, заставившим Елистратова забыть о взятых на себя обязательствах по сохранению в тайне государственных секретов, стал ловко подброшенный Ереминым тезис о том, что будущая работа будет носить консультационный характер и осуществляться в рамках сотрудничества между ОАО ГСКБ «Алмаз-Антей» и Китайским летным исследовательским институтом.

Недолго думая, Елистратов принял предложение Еремина, затем поинтересовался, в какой форме будут осуществляться консультации и размером будущего гонорара. Опытный агент китайской спецслужбы, поднаторевший в шпионском ремесле, ловко ушел от ответа на этот вопрос. Еремин предложил Елистратову самому в беседе с

представителем института «другом Борисом» обсудить перспективу сотрудничества, для чего рекомендовал отправиться в Китай, но не по официальному, а туристическому каналу, чтобы, по его словам, «не вызывать к себе вопросов со стороны одной организации». В заключение разговора он заверил Елистратова, что тот не пожалует о работе с китайскими партнерами и посоветовал ехать на встречу с «Борисом» не с пустыми руками, а взять что-нибудь из документации по ЗРК «С-300».

Подогреваемый столь щедрыми обещаниями, Елистратов принялся готовиться к встрече с загадочным «Борисом». В марта 2009 года он, используя возможности по службе и доверчивое отношение к себе сослуживцев, собрал и перенес на магнитные носители значительный объем материалов по ЗРК «С-300». В частности, данные из «Руководства по технической эксплуатации изделия Х», «Временного руководства зенитными ракетными войсками», «Руководства по применению изделия ХХ». Всего в перечне Елистратова насчитывалось двенадцать наименований документов, ряд из них имели гриф «секретно» и «совершенно секретно».

С этим шпионским багажом он вместе с Ереминым вылетел в Китай. Прибыв в Пекин, они разместились в гостинице, которую рекомендовал «друг Борис». Тот проявил любезность и не только забронировал, но и оплатил номера. Ждать загадочного китайского партнера Елистратову не пришлось. Уверенный стук в дверь заставил кандидата в шпионы напрячься. В номер вошел почти его ровесник и приветливо кивнул. Мягкая улыбка, обходительные манеры и отменный русский «Бориса» успокоили разгулявшиеся нервы Елистратова. После традиционного обмена любезностями они перешли к знаменитому китайскому чаю. С потолка за ними наблюдали хищные драконы. За холодным блеском их зеленых глаз Елистратов вряд ли мог увидеть

объективы скрытых видеокамер, бесстрастно фиксировавших каждый жест и каждое слово будущего агента, чтобы, когда придет время, напомнить ему, кому он продал душу, а вместе с ней честное имя и государственные секреты.

Чаепитие длилось недолго. Еремин, сославшись на срочные дела, покинул номер. После его ухода «Борис» прощупал Елистратова проверочными вопросами и, получив удовлетворительные ответы, задал главный: чем тот может подкрепить свою готовность к деловому сотрудничеству? Елистратов передал ему флеш-карты с материалами по ЗРК «С-300» и дал краткие пояснения. «Борис» оживился. Теперь, когда в его руках оказался убойный компромат на кандидата на вербовку, он отбросил в сторону фиговый листок технического специалиста и заговорил на языке разведки.

Представившись сотрудником Министерства госбезопасности КНР, Бай Дзуньсун не стал разводить китайских церемоний и предложил Елистратову сотрудничество. Это предложение не стало для Елистратова чем-то неожиданным. Еще в Москве, копируя тайком от сослуживцев секретные и совершенно секретные документы, он хорошо осознавал, что это не имеет никакого отношения к тому тесному военно-техническому сотрудничеству, которое в последние годы установилось между Россией и Китаем. Именно тогда Елистратов перешагнул опасную черту, которая отделяет человека чести от предателя.

Теперь же, когда «Борис» подsunул ему лист бумаги с ручкой и предложил написать подписку о сотрудничестве, в Елистратове проснулся животный страх. Он заартачился. Опытный вербовщик Бай Дзуньсун, имевший на своем счету не одну вербовку, решил зайти к нему с другой стороны. Он поинтересовался мнением Елистратова о Еремине. Тот отозвался о нем как об опытном специалисте и многогранном человеке. И тогда «Борис» раскрыл перед ним одну из его граней — тайную. Он рассказал, что Еремин более пяти

лет сотрудничает с китайской разведкой и не имеет никаких проблем. Этот аргумент, а также обещание щедрого вознаграждения, в конце концов пересилили страхи Елистратова. Дрожащей рукой он написал подписку о сотрудничестве и, посоветовавшись с новым «другом», для конспирации избрал себе псевдоним «Друг».

Но дружба между ними как-то с самого начала не задалась. Несмотря на старания «Бориса», с пафосом вещавшего о прошлой совместной борьбе против мирового империализма и нынешней дружбе между китайским и русским народом, от их дружбы, отравленной духом стяжательства и предательства, весьма дурно пахло. Елистратов не стал развивать эту тему, а предложил перейти к обсуждению более прозаичных вещей и напомнил о размере гонорара. И здесь «друг Борис» проявил несговорчивость, он категорично заявил, что его размер определится только после изучения специалистами материалов, содержащихся на флеш-картах, и перешел к отработке первого задания. Оно касалось систем ЗРК «С-300» и «С-400» и не вызвало затруднений у Елистратова — многие документы у него находились под рукой. А дальше они столкнулись с проблемой передачи информации.

По мнению «Бориса», частые поездки в Китай, с учетом служебного положения Елистратова, могли привлечь к нему внимание российской контрразведки, и он поручил ему по возвращении в Россию заняться поиском помощника-связника. Тот согласился и назвал несколько кандидатур. «Борис» не стал настаивать на конкретном лице, рекомендовал определиться на месте, затем проинструктировал по способам поддержания связи по сотовому и электронному каналам, а в заключение, чтобы подсластить горькую пилюлю, пообещал Елистратову передать деньги через связника.

Возвратившись в Москву с пустыми карманами и клеймом «Друг» иностранной спецслужбы, Елистратов не оду-

мался и не пришел с повинной в отдел военной контрразведки. Он по-прежнему вежливо раскланивался с сотрудниками и продолжал все ниже катиться по скользкой дорожке предательства. Подогреваемый жаждой наживы, шпион еще раз перебрал кандидатуры будущего связника и остановил выбор на Владимире Мартыненко. В его пользу говорило то, что он не был связан с секретами, и потому вряд ли находился в поле зрения российской контрразведки. Другим немаловажным обстоятельством, которым Елистратов руководствовался при выборе будущего связника, являлось то, что Мартыненко не имел постоянной работы и остро нуждался в деньгах.

При очередной встрече с ним Елистратов начал разговор издалека: поделился впечатлениями о поездке в Китай, а затем упомянул о перспективных контактах, завязавшихся среди специалистов в области зенитно-ракетной техники. Далее он посетовал на то, что в силу своего служебного положения не может регулярно выезжать за границу, и предложил Мартыненко оказать ему помощь — съездить в Китай и передать флеш-карту с электронным письмом для делового партнера «Бориса». За эту услугу Елистратов пообещал выплатить Мартыненко три тысячи долларов.

Тот, не раздумывая, согласился — прокатиться в экзотический Китай, да еще за чужой счет, — кто от такого откажется? Воодушевленный столь быстрым решением проблемы со связником, Елистратов взялся за выполнение задания китайской разведки: сбор секретной информации. К концу июня он, используя свое служебное положение, скопировал и потом перенес на флеш-карту ряд материалов по ЗРК «С-300» и «С-400, затем подготовил электронное письмо, в котором содержались уточняющие к заданию «Бориса» вопросы, после чего позвонил Мартыненко и намекнул на денежное дело.

Тот не заставил себя ждать и тут же примчался на встречу. В ходе короткого разговора Мартыненко подтвердил

свою готовность к поездке в Китай, чтобы встретиться там с деловым партнером. После этого Елистратов передал ему две флеш-карты и предупредил, чтобы он был аккуратен в обращении с ними, так как на них записаны служебные материалы по ЗРК «С-300». Но главного — того, что он является агентом Министерства госбезопасности Китая и выполняет его задания — Елистратов так и не сказал Мартыненко.

Тридцатого июня 2009 года будущий курьер-связник, не подозревая, что отправляется в хитроумно подстроенный для него капкан, прибыл в Пекин. В аэропорту его встретил «Борис» и, получив флеш-карты, отвез в отель. Забота китайского партнера тронула Мартыненко — оплату номера тот взял на себя. Что на самом деле за ней крылось, он вряд ли догадывался, и с чисто русским простодушием позволил себе расслабиться. Искусно вмонтированные в стены номера видеокамеры и микрофоны фиксировали каждое его движение и каждый звук. После наблюдения за очередным кандидатом в агентурную сеть, в китайской разведке решили форсировать события.

Приглашение «Бориса» отметить знакомство в ресторане, расположенном неподалеку от отеля, Мартыненко принял охотно. На дружеский ужин «Борис» пришел не один, а вместе с руководителем — «товарищем Линь». Его импозантный вид поднял будущего шпиона в собственных глазах. Он таял от похвал, сыпавшихся в свой адрес, но при этом не упускал возможности за счет хозяев насладиться всеми изысками местной кухни. Однако этот пир желудка недолго продолжался — статья расходов китайской разведки была не резиновая — и «Борис» положил ему конец.

Представившись сотрудником Министерства госбезопасности КНР, он прямо предложили Мартыненко негласное сотрудничество. Тот заартачился, но не тут-то было. «Борис» резко поменял тон разговора и напомнил

Мартыненко о том, что в России ему грозит тюрьма за сведения, провезенные через границу. Еще большего страха на него нагнал «товарищ Линь», описав нравы, царившие в местной тюрьме. Мартыненко бросило в дрожь, и, проклиная в душе ушлого Елистратова, он вынужден был согласиться на сотрудничество. А дальше все пошло по накатанной спецслужбой колее. В оставшиеся до отъезда в Россию дни «Борис» натаскивал начинающего шпиона. Итоговый зачет закончился для него вручением десяти тысяч долларов, ноутбука для Елистратова со специальной программой для кодирования накопленной информации и фотоаппарата для съемки документов. Провожая Мартыненко в Москву, «Борис» попросил его передать Алексею, чтобы он не затягивал с ответами на вопросы, изложенные в электронном письме.

Второго июля Мартыненко покинул Пекин и, возвратившись в Россию, ринулся к Елистратову. В нем все кипело от возмущения, он обрушился на него с обвинениями, что его подвели под монастырь. Выдержав первый натиск, Елистратов пустился в пространные рассуждения о том, что они ничего незаконного не делают, а лишь оказывают помощь китайским партнерам в устранении неисправностей на технике ЗРК «С-300», проданной в КНР по официальным государственным контрактам. Но не столько эти доводы, сколько три тысячи долларов, полученные Мартыненко, а также обещание Елистратова делить будущие гонорары в пропорции 60% к 40%, разрядили обстановку. После всего сказанного каждый сделал для себя свой вывод. Далеко не простак, Мартыненко сообразил, что в случае провала сможет все свалить на Елистратова, используя его же версию о техническом сотрудничестве. А ушлый Елистратов, в свою очередь, полагал, что может отказаться от авторства над документами на флеш-картах, так как ни под одним из них не было его подписи. Оставшись каждый при своем интересе,

шпионы ненадолго расстались. Мартыненко отправился тратить первый заработок, а Елистратов приступил к выполнению задания китайской разведки.

В июле и августе 2009 года он, используя шпионский арсенал, предоставленный «Борисом», в служебном кабинете продолжал фотографировать техническую и эксплуатационную документацию по ЗРК «С-300» и «С-400», а затем дома с помощью специальных программ, разработанных спецслужбой, осуществлял ее обработку и последующую зашифровку на ноутбуке. Ряд материалов, к которым у него не было прямого доступа, ему удалось заполучить обманным путем у коллег. У них, проработавших с ним бок о бок не один год, даже не возникало мысли, что он использует их доверие в ущерб обороноспособности страны.

Выполняя задание китайской разведки, но помня о ее прижимистости, Елистратов решил повести свою игру. Собранную и приготовленную к отправке информацию он разбил на блоки в расчете получать отдельную плату за каждый. Первый из них включал данные из «Руководства по капитальному ремонту изделия Х», «Технического условия на капитальный ремонт изделия ХХ», «Дополнения по капитальному ремонту изделия ХХХ» — всего пять наименований. После этого Елистратов позвонил Мартыненко.

Тот приехал к нему прямо на дом. Наряду с информацией, записанной на флеш-карте, по требованию «Бориса» Елистратов передал Мартыненко ноутбук. Неопытные агенты не придали данному факту большого значения, а стоило бы. Еще в июне, во время первого приезда Мартыненко в Пекин, специалисты из Оперативно-технического управления Министерства госбезопасности внесли в программное обеспечение ноутбука специальные вирусные программы. Таким способом китайская разведка рассчитывала контролировать работу агента «Друг» со всем объемом информации и осуществлять ее дистанционный съем.

Об этих тонкостях в работе китайской разведки и уловке Елистратова с материалами Мартыненко не подозревал. Его больше интересовал размер будущего гонорара. Поэтому, не задерживаясь в Москве, он вылетел в Китай и 20 августа приземлился в пекинском аэропорту. «Борис», встретив курьера-связника, принял у него флеш-карту с материалами и ноутбук, затем отвез в гостиницу и, угостив скудным обедом, оставил одного. Предоставленный самому себе, Мартыненко, чтобы убить время, бездумно шатался по городу.

Деньги, выделенные на поездку, подходили к концу, но он тешил себя надеждой, что вот-вот на него прольется долгожданный денежный дождь. Дождь не только не пролился, а даже не капнул. «Борис» будто забыл о нем и появился только перед самым отъездом. На этот раз он был сух и немногословен — коротко проинструктировал по способам связи, затем передал ноутбук с флеш-картой, на которой было записано новое задание для Елистратова, и больше не сказал ни слова. Тут уже Мартыненко не выдержал и напомнил про оплату за предыдущие материалы. Ответ его ошарашил. «Борис» категорично отрезал: «Они ничего не стоят!» — и потребовал от Мартыненко передать Елистратову, чтобы тот в следующий раз представлял информацию в полном объеме, вплоть до титульного листа документа с четким отражением грифа секретности.

В китайской разведке разгадали уловку Елистратова — сработала программа, заложенная в ноутбук специалистами из Оперативно-технического управления Министерства госбезопасности — и решили поставить на место зарвавшихся агентов. Так, несолоно хлебавши, Мартыненко возвратился в Россию.

При встрече с Елистратовым они не жалели худых слов в адрес китайской разведки, готовой удавиться за каждый доллар, и попытались было взбунтоваться. Бунт был быстро

подавлен. «Друг Борис» дернул за ниточки — напомнил им о подписках, и шпионам пришлось подчиниться.

До конца 2009 года Елистратов с помощью фотоаппарата переснял и потом перенес на флеш-карты значительный объем эксплуатационно-технической документации по ЗРК «С-300», а также отдельные материалы по комплексу «С-400». В частности: «Изделие Х. Технические условия», «Руководство по капитальному ремонту изделия ХХ», «Перечень действующей документации для капитального ремонта изделия ХХХ», «Руководство по технической эксплуатации изделия ХХХХ» и другие.

Их солидный список, а главное — содержание документов, в большинстве случаев составлявшее государственную тайну, внушали Елистратову надежду на то, что предстоящая поездка Мартыненко в Пекин принесет солидный денежный куш. С трудом дождавшись окончания новогодних праздников, он вызвал на встречу связника-курьера. Мартыненко, к тому времени поиздержавшись в деньгах, тут же откликнулся на вызов. Тринадцатого января 2010 года шпионы встретились. Разговор между ним был короткий. Они обменялись мнениями, как построить предстоящую беседу с «Борисом», чтобы вытащить из него как можно больше денег. В заключение встречи Елистратов передал Мартыненко флеш-карту с записанными на нее материалами и подчеркнул, что среди них находятся особо ценные сведения по ЗРК «С-400».

Четырнадцатого января 2010 года Мартыненко прибыл в Пекин. На этот раз его командировка затянулась до 24 января. В китайской разведке, внимательно изучив материалы, подготовленные Елистратовым, посчитали, что пора поманить агентов денежной подачкой. Перед отъездом Мартыненко в Россию на встречу с ним вместе с «Борисом» пришел сам «товарищ Линь». За дружеским ужином они не скупались на похвалы ему и Алексею. Мартыненко же

гораздо больше интересовало другое — деньги. Но речи о них китайские «друзья» не вели, и только под занавес в руках «товарища Линь» появился пухлый конверт с сорока тысячами долларов. Передав его «Борису», он, сославшись на занятость, удалился.

И здесь Мартыненко, мысленно подсчитывавшего свой процент с общей суммы, ожидал неожиданный сюрприз. «Борис», посетовав на экономический кризис, по его словам, больно ударивший по разведке, вручил ему двадцать восемь тысяч долларов, а остальные пообещал вернуть позже. Мартыненко промолчал. В душе опасавшийся, что эта поездка, как и предыдущая, может закончиться вхолостую, он был рад и двенадцати тысячам. Встреча закончилась отработкой очередного задания для Елистратова, которое также касалось ряда систем ЗРК «С-400», и заверением «Бориса», что за эти сведения «их с Алексеем ждет более щедрая награда».

Вдохновленный столь радужной перспективой, Мартыненко в приподнятом настроении возвратился в Москву. При встрече с Елистратовым передал ему шестнадцать тысяч долларов и флеш-карту с заданием китайской разведки. Оно не вызвало у Елистратова больших затруднений. Часть документов у него находилась под рукой, а недостающие он рассчитывал под различными предложениями получить у сослуживцев.

Шальные деньги и кажущаяся безнаказанность все больше распяляли аппетит шпионов. Тех сведений, к которым имелся доступ, им уже казалось мало, и они занялись поиском новых источников секретной информации. Перебрав знакомых и предприятия, работающие в интересах обороны, Елистратов и Мартыненко остановились на ОАО «С маш» и его ведущем руководителе — Упорове.

На этот раз хитрый Елистратов, чтобы лишний раз не подставляться, предложил Мартыненко провести его

зондаж. Тот, не откладывая дела в долгий ящик, встретился с Упоровым. Во время беседы предложил ему, минуя бюрократические препоны, оказать помощь в оформлении международных контрактов на поставки продукции ОАО «С маш» в Китай. Упоров, несмотря на намеки Мартынова о больших перспективах для предприятия и для него лично, не спешил с ответом. Мартыненко вынужден был взять паузу в переговорах. Спустя две недели он снова вышел на Упорова и напомнил о прошлом разговоре. Тот, сославшись на то, что в деловых отношениях с иностранными партнерами предпочитает действовать официальным порядком, отказался от его услуг.

В это время Елистратов успел сфотографировать и перенести на флеш-карту материалы, относящиеся к ряду последних разработок по ЗРК «С-400». Помимо сведений, которые в своем задании затребовал «Борис», Елистратов, проявив личную инициативу, дополнил их материалами по ЗРК «С-300», содержащими алгоритм ремонта систем наведения на цель. Руководствовался он сугубо корыстными мотивами — как можно быстрее выжать из «друга Бориса» деньги. Инстинкт самосохранения подсказывал Елистратову: как бы удачно ни вилась шпионская веревочка, но рано или поздно ей должен прийти конец.

Наступил март 2010 года. Приближалась дата явки, установленная «Борисом». Сформировав очередной блок информации, Елистратов вызвал на встречу курьера-связника. Шпионские уроки «Бориса» не прошли даром, он не стал тащить Мартыненко к себе домой и назначил ее в Москве в кафе «Сушитория» торгового центра «Метромаркет», что расположен на Ленинградке.

Потягивая пиво и постреливая глазами по сторонам в поисках наружки, они обсудили план предстоящей поездки Мартыненко в Китай, тактику его беседы с «Борисом», а также результаты подхода к Упорову. Его отказ принять уча-

стие в сомнительном бизнесе не очень расстроил шпионов. В душе они лелеяли надежду, что те сотни тысяч долларов, которые им сулили «друг Борис» и «старший товарищ Линь» за материалы по ЗРК «С-400», на этот раз материализуются. Надежде не суждено было сбыться...

В сентябре-октябре 2009 года из различных оперативных источников в отдел военной контрразведки стала поступать информация о грубых нарушениях в работе с документами, содержащими государственную тайну, со стороны Елистратова. Первоначально эти его действия связывали с той атмосферой пренебрежительного, порой наплевательского отношения сотрудников к правилам секретного делопроизводства, что в последние годы сложилась во многих подразделениях ОАО ГСКБ «Алмаз-Антей».

Прошло некоторое время, и контрразведчики получили дополнительные оперативные данные в отношении Елистратова. На этот раз о проявлении им повышенного интереса к сведениям, которые не входили в круг его функциональных обязанностей и совпадали с разведывательными устремлениями ряда иностранных спецслужб, в том числе и Китая к ЗРК «С-300» и «С-400». Здесь уже пахло не столько служебным разгильдяйством, сколько шпионажем. Дальше медлить было нельзя, и военные контрразведчики, объединив усилия с другими службами ФСБ России, с санкции суда задействовали в отношении Елистратова, а позже и Мартыненко весь комплекс агентурно-оперативных средств.

Вскоре эта работа дала результат. К концу февраля 2010 года из разрозненных фактов (поездка Елистратова в марте 2009 года в Китай уже не являлась тайной для контрразведчиков, так же как скрытое фотографирование секретных документов и склонение сослуживцев, в том числе и за денежное вознаграждение, к передаче материалов о новых разработках по ЗРК «С-400») начала складываться

убедительная шпионская версия. Дополнительное ее подкрепление они получили при изучении характера связи Елистратова с Мартыненко. Их разговоры и встречи, в которых просматривались элементы конспирации, а также участвовавшие поездки Мартыненко в Китай наводили на мысль о том, что он, вероятно, выполняет роль курьера-связника. И когда контрразведчики сложили все воедино, то перед ними предстала мрачная картина шпионской деятельности, нарисованная опытной рукой спецслужбы.

Последний штрих в нее внес анализ материалов электронной переписки и телефонных переговоров Елистратова и Мартыненко. Среди их связей внимание аналитиков, прежде всего, привлекли партнеры из Китая. В их числе они обнаружили старого знакомого — сотрудника Министерства госбезопасности Бай Дзуньсуна. Шпионская цепочка замкнулась.

Теперь основные усилия различных служб ФСБ, участвовавших в разработке Елистратова и Мартыненко, были сосредоточены на получении вещественных доказательств их преступной деятельности, установлении свидетельской базы и недопущении дальнейшей утечки к китайской разведке секретных сведений по ЗРК «С-300» и «С-400». Незримое кольцо все теснее сжималось вокруг шпионов. Каждый их шаг и каждое слово контролировалось контрразведчиками. Но Елистратов с Мартыненко не подозревали об этом и самонадеянно готовились сорвать свой главный куш.

В тот день 12 марта, когда шпионы обсуждали свои будущие планы в кафе «Сушитория», они не подозревали, что проводят последние часы на свободе. Получив у Елистратова флеш-карту с материалами для китайской разведки, Мартыненко немедленно выехал в аэропорт «Домодедово». По сторонам мелькали заснеженные перелески, под колесами стремительно исчезала серая лента шоссе, над головой тихо шелестел кондиционер. Мартыненко не заметил, как задре-

мал, и очнулся, когда перед глазами возникла серо-голубая громада аэровокзала.

Благостная тишина царила в международном секторе терминала. Он бросил взгляд на световое табло — задержки на рейс на Пекин не было — и направился к стойке регистрации. Всего какой-то десяток минут и только сотня метров отделяли его от черты, за которой он был бы недосягаем для российской контрразведки. Мартыненко подал миловидной сотруднице загранпаспорт с билетом, и тут за его спиной выросла пара крепких парней. Их пальцы словно железным обручем охватили запястья шпиона. Мартыненко несколько раз трепыхнулся и безвольно поник в крепких руках бойцов группы захвата...

Не дождавшись курьера-связника, Бай Дзуньсун принялся звонить Елистратову, чтобы уточнить рейс, на котором вылетел Мартыненко. Абонент на вызовы не отвечал. В те самые минуты, когда китайская разведка безуспешно пыталась выйти на связь со своими агентами, они находились в камерах следственного изолятора и давали показания. На первом допросе шпионы юлили и валили вину друг на друга. Продолжалось это недолго — обнаруженные следственной группой при проведении обысков по месту жительства и в служебном кабинете Елистратова вещественные доказательства: задания китайской разведки, записанные на ноутбуке и флеш-карте, телефон ее сотрудника Бай Дзуньсуна, а также копии секретных и совершенно секретных документов, содержащие гостайну, не оставляли ему шансов уйти от уголовной ответственности. И тогда, чтобы облегчить свою участь, он воспользовался шансом, который предоставляет закон, Елистратов пошел на сотрудничество со следствием...

Двадцать шестого октября 2011 года московский городской суд, рассмотрев материалы уголовного дела на Елистратова, признал его виновным в совершении преступления,

предусмотренного статьей 275 УК РФ — государственная измена в форме шпионажа, и назначил наказание в виде лишения свободы сроком на шесть лет с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

При назначении срока суд учел деятельное раскаяние подсудимого, его активное содействие следствию в изобличении других участников преступной группы.

Спустя месяц уголовное наказание понес и Мартыненко. Двадцать третьего ноября 2011 года Московский городской суд также признал его виновным в совершении государственной измены в форме шпионажа и назначил наказание в виде лишения свободы сроком на семь лет с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Прерванная гастроль

3 августа 2005 года. Москва. Курский вокзал. 10.03.

Летний зной уже четвертые сутки немилосердно палил Москву. Крохотный пяточок площади перед Курским вокзалом, зажатый со всех сторон высотками, напоминал раскаленную сковородку. Но Андрей Думенков, казалось, не ощущал этого пекла и не слышал гомона людской толпы. Внутри него все дрожало от напряжения и страха. Перед этой решающей встречей с «хозяином секретов» ужас вновь проснулся в нем и стиснул в своих когтистых лапах отчаянно трепетавшее сердце.

Затравленно озираясь по сторонам, Думенков ждал и не мог дожидаться, когда же Градов закончит говорить. Обыкновенный полиэтиленовый пакет, с которым тот все никак не решался расстаться, подобно магниту притягивал к себе. В нем находилось то, ради чего Думенков отчаянно рисковал все последние месяцы. Магнитный электронный носитель информации с совершенно секретными сведениями о Владимирской ракетной армии и образец специального прибора радиационно-химической разведки должны были обеспечить будущую безбедную жизнь, о которой на каждой встрече ему твердил сотрудник германских спецслужб Бенн Андреас.

Наконец Градов смолк и красноречиво дал понять, что ждет оплаты за свою услугу. Думенков торопливо сунул ему в руку пропитавшийся потом ком долларов и схватил пакет. Страх, все это время давивший на него невидимым прессом, исчез, он с облегчением вздохнул и сделал шаг... А дальше произошло, то, что ему не могло присниться в самом кошмарном сне.

Безликая людская река прихлынула к нему и опрокинула на асфальт. В следующее мгновение свет перед глазами померк, плотная черная маска скользнула по лицу и затянулась тугой петлей на затылке, а на руках защелкнулись наручники. Чьи-то цепкие пальцы сноровисто обшарили ворот рубашки и вывернули карманы. Пресловутой ампулы с ядом и оружия при нем не оказалось: нынешние германские агенты были гораздо осмотрительнее головорезов из абвера и собственную шкуру ценили дороже, чем преданность «фюреру от шпионажа». Но профессионалы из российской контрразведки действовали с подстраховкой, чтобы исключить любые неожиданности со стороны провалившегося шпиона.

Операция по захвату Думенкова с поличным заняла не больше нескольких секунд и привлекла внимание разве что двух-трех вокзальных бомжей. С разинутыми ртами они наблюдали, как обвисшее тряпичной куклой тело исчезло в темном зеве крытого автофургона. Прошла минута, и уже ничто не напоминало о том, что на крохотном пятачке привокзальной площади завершилась еще одна операция военных контрразведчиков.

На экране монитора, к которому были прикованы взгляды руководителей операции по захвату агента германских спецслужб генерала Александра Рудова и полковника Сергея Кушнерова, оператор крупным планом держал застывшего как истукан сержанта милиции. В его широко распахнутых глазах смешались растерянность и изумление. И когда ох-

вативший его столбняк прошел, он принялся судорожно хвататься то за кобуру, то за переговорное устройство.

— Только его нам не хватало! — всполошился Кушнеров.

Опасения оказались напрасными. Над сержантом навис горой Евгений Островной из группы прикрытия. Он склонился к уху милиционера и что-то произнес. У сержанта отвисла челюсть.

— Во, готовый свидетель! Только бы язык не потерял, — не удержался от язвительного выпада следователь Павел Хват.

— Теперь все! — с облегчением произнес Рудов, на плечах которого с момента начала оперативной разработки Думенкова и до последней минуты лежал груз колоссальной ответственности, и нажал кнопку вызова на телефоне специальной связи.

Сквозь треск эфира прорвался взволнованный голос генерала Анатолия Сердюка. Он вместе с группой офицеров центрального аппарата Департамента военной контрразведки ФСБ России с раннего утра не покидал кабинета на Лубянке и с нетерпением ждал результата операции. В последние часы им пришлось изрядно понервничать. Очередной доклад агентов наружного наблюдения, которые на подъезде к Москве приняли объект (Думенкова) у своих владимирских коллег, взвинтил им нервы. Шпион будто почувствовал нависшую над ним опасность и запаниковал. Вместо того чтобы выйти на контакт с Градовым и получить у него специальный прибор, он принялся нарезать круги по привокзальной площади. Прошла минута, другая. Они показались Сердюку вечностью, и когда наконец в трубке телефона зазвучал взволнованный голос Рудова, забыв про должности и звания Сердюк воскликнул:

— Ну, что там, Саша? Не томи!

— Взяли! Взяли, Анатолий Алексеевич!

— Взяли?! — Сердюк, не стесняясь своих эмоций, выпалил: — Молодцы! Здорово! У меня нет слов, Саша!

Кабинет загудел от возбужденных голосов. В операции военных контрразведчиков, получившей кодовое название «Гастролер» и продолжавшейся более полутора лет, была поставлена точка. Затянувшаяся шпионская гастроль Думенкова завершилась оглушительным провалом. Захват с поличным не оставлял ему шансов уйти от уголовной ответственности.

— Тише! Тише, товарищи! — остудил пыл подчиненных Сердюк и продолжил разговор в деловом тоне:

— Александр Юльевич, как прошел захват? Эксцессы были?

— Быстро и чисто! — лаконично доложил тот.

— Что Думенков?

— Я думал, он крепче. Пока в шоке.

— Что с вещдоками?

— При нем. Есть еще видео- и аудиозапись разговора с Градовым. Имеется железный свидетель.

— Это же кто?! — удивился Сердюк.

— Постовой милиционер, но с ним проблема.

— Что, под горячую руку попал?

— Да нет. Дар речи потерял, — пошутил Рудов.

Сердюк от души посмеялся и, заканчивая разговор, распорядился:

— Встречаемся в Лефортово, если, конечно, не возражаешь.

— С вами, Анатолий Алексеевич, хоть в пасти у дьявола, — в тон ему ответил Рудов и, закончив разговор, приказал подчиненным: — Все, товарищи офицеры, сворачиваемся. Пришло время встретиться с Думенковым лицом к лицу.

К этой минуте тот успел оправиться от шока и хмуро поглядывал на молчаливых спутников, которые до Лефортовской тюрьмы не проронили ни звука. Там ему вместе со

следователями Федеральной службы безопасности снова предстояло пройти по пути своего нравственного падения и предательства — пути, на который, сам того не подозревая, он вступил в далеком 1996 году.

Тот год круто изменил судьбу бывшего комсомольца и пограничника, жителя древнего русского города Костромы Андрея Думенкова. Страна и те, кого он еще недавно охранял от контрабандистов, шпионов и террористов, предпринимали титанические усилия, чтобы выбраться из того хаоса, в котором они оказались после августа 1991 года. То был трудный, полный лишений путь. Одни, обреченно сложив руки, отдались на волю судьбы, другие, хваткие и нахрапистые, в той мутной воде, что захлестнула страну, принялись алчно терзать и растаскивать по своим углам то, что с таким трудом создавали их отцы и деды. Дух стяжательства и наживы подобно ржавчине разъедал их души.

Не устоял перед ним и Думенков. На родине свое страстное желание в одночасье стать богатым ему так и не удалось осуществить. Прошлая армейская закваска мешала бывшему пограничнику безжалостно урвать свой кусок и поступиться совестью. И тогда он попытался найти счастье в сытой и благополучной Германии, рассчитывая на то, что родственники жены не останутся в стороне и помогут встать им на ноги.

В 1996 году семья Думенковых получила разрешение на выезд и отправилась из тихой патриархальной Костромы в Германию. Покидая родину, они, надеясь на будущую благополучную и сытую жизнь, вряд ли рассчитывали вернуться обратно. Думенковы с легким сердцем покидали страну, сотрясаемую жесточайшим политическим и экономическим кризисом, где по окраинам зловещими всполохами громыхали межнациональные конфликты.

Поезд весело постукивал колесами, за окнами мелькали унылые пейзажи. Позади осталась Беларусь. На смену пра-

вославным храмам пришла строгая готика. Перед Думенковыми открылась Польша, стремительно поднимающаяся из социалистических руин. То, что они увидели, прибавило настроения. В их воображении рисовалась сытая и благополучная Германия. И они в своих ожиданиях не обманулись. Глаз ласкали пасторальные сельские пейзажи, вылизанные до зеркального блеска улицы городов и излучающие довольствие бургеры и бургерши. В те минуты им, вероятно, казалось, что они попали в рай земной.

Прошло несколько дней, и восторги Думенковых быстро улетучились. Встреча и беседа с родственниками больше напоминала деловой разговор в конторе по найму рабочей силы. Жизнь в Германии оказалась вовсе не такой безоблачной, какой она представлялась из России. Германская действительность напомнила Думенковым суровый лозунг из недавнего социалистического прошлого: кто не работает, тот не ест! Жизнь на чужбине была далеко не сахар, яркие краски при ближайшем рассмотрении оказались всего лишь рекламным фасадом. Думенков оказался лишним на чужом празднике жизни. Со своей специальностью найти высокооплачиваемую работу в Германии оказалось не так-то просто, и чтобы как-то существовать, ему пришлось заняться челночным бизнесом.

Перегон в Россию старых иномарок, ввоз лекарственных препаратов и электроники отнимали немало сил, нервов и здоровья, но так и не принесли Думенкову желанного богатства. Жажда наживы жгла его изнутри и заставляла идти дальше — он занялся контрабандой. Шальные деньги исподволь и незаметно разрушали душу бывшего пограничника, но он этого не замечал. Евро и доллар заменили ему семью, друзей и близких. В погоне за ними он пускался во все более рискованные коммерческие операции.

Несколько раз, как казалось тогда Думенкову, его спасло от провала на таможне только чудо. Но это действительно

лишь казалось, германская спецслужба (БНД) обратила пристальное внимание на русского коммерсанта.

Нахрапистый, энергичный и не лишенный авантюризма, Думенков не только этим привлек к себе внимание разведки. Для нее наибольший интерес представлял регион России, где он вел свой бизнес. В нем находились важные военные объекты: дивизия Ракетных войск стратегического назначения, штаб Владимирской ракетной армии и ряд крупных оборонных предприятий. Особую ценность Думенкову в глазах разведки предавали его обширные связи среди действующих и уволившихся со службы военнослужащих. Но опытные ловцы шпионских душ не спешили выходить на него с вербовочным предложением и терпеливо плели свою невидимую сеть. Они скрупулезно собирали информацию о слабостях Думенкова, помогая все глубже завязнуть в трясине контрабандных сделок.

До поры до времени он и не подозревал, что один из его деловых партнеров, Бенн Андреас, отличавшийся просто-таки патологической страстью ко всему, что было связано с советской и российской армией, переплачивал ему за привезенный товар не из дружеских чувств. Понял это Думенков гораздо позже, но что-либо изменить уже не мог. А все началось с безобидной, казалось бы, армейской атрибутики. Думенков заваливал ею щедрого на оплату коллекционера. С каждой новой поездкой в Россию его запросы росли. Бенн стал требовать от Думенкова не просто армейские фуражки, кепки и шевроны, а кое-что и посущественнее: образцы военных приборов и узлы боевой техники, а это уже пахло шпионажем. Тот не почувствовал опасности и, рискуя оказаться за решеткой, продолжал таскать их через границу.

К концу 2003 года в германской разведке посчитали, что объект созрел для серьезной шпионской работы, и стали готовить его к вербовке. Сомнений в ее успехе не возника-

ло. К тому времени Думенков основательно завяз в темных сделках. Наступил февраль 2004 года. Очередной его вояж в Россию, из которой он вывез чуть ли не весь ассортимент армейского магазина, не принес прибыли. На этот раз Бенн остался равнодушен и мало что купил, но, чтобы как-то сгладить разочарование, написанное на лице Думенкова, предложил встретиться еще раз и обсудить серьезное деловое предложение в более располагающей обстановке. Тому ничего другого не оставалось, как согласиться.

Отправляясь на встречу с Бенном, Думенков и не подозревал, чем она для него обернется. Испытанный деловой партнер, обходительный в манерах и вкрадчивый в речах, Андреас вряд ли мог вызвать у него какие-либо опасения. Разговор и на этот раз начался с обсуждения результатов поездки в Кострому. Постепенно, в какой именно момент Думенков даже не заметил, беседа ушла в сторону от деловых вопросов. Бенн принялся расспрашивать его об оборонных предприятиях и военных объектах, находившихся на территории Костромской и Владимирской областей, их назначении и номенклатуре выпускаемой продукции. И чем дальше продолжалась беседа, тем все более неуютно чувствовал себя Думенков.

Бенн знал о нем буквально все, и это обескуражило, а затем напугало Думенкова. А когда собеседник недвусмысленно намекнул на серьезные нелады с германским законом, Думенков окончательно поплыл. Западня, коварно подстроенная германской спецслужбой, захлопнулась. Загнав его в угол, Бенн великодушно открыл лазейку, предложив заняться более серьезным бизнесом: сбором секретной информации о новейших российских разработках в области вооружений, в частности по бронетанковой технике.

В первые минуты Думенков растерялся — бывший пограничник, он еще не забыл, что такое шпионаж, чем это грозит, и попытался отказаться. Но очередное упоми-

вание Бенна о занятии контрабандой сделало его более сговорчивым, а обещание щедрого вознаграждения окончательно пересилило все страхи. Думенков дал согласие на сотрудничество с германской разведкой. На последующих встречах Бенн галопом по европам прошелся с ним по азбуке шпионского ремесла.

Весной 2004 года свежеиспеченный шпион Думенков возвратился в Кострому и приступил к выполнению задания. Первым делом он попытался восстановить прошлые связи среди действующих и бывших военнослужащих. Это оказалось несложно; в их памяти Андрюха остался своим парнем. В разговорах с ним они без опасения делились своими проблемами, а их в те годы у военных хватало с лихвой: систематические задержки и без того мизерной зарплаты, которая низвела их социальный статус до путевого обходчика, свертывание боевой подготовки и массовое сокращение. В свою очередь Думенков расхваливал жизнь в свободной Германии и намекал на возможность хорошо подзаработать. Тем, кто проявлял интерес к перспективному бизнесу, он по секрету сообщал о своих крутых связях в Германии, которые заинтересованы в получении информации о новейших разработках и готовы за них щедро платить.

Эта его активность не осталась без внимания военных контрразведчиков. В Управление ФСБ России по Владимирской армии и отдел военной контрразведки по Костромской ракетной дивизии стали поступать сообщения о подозрительных действиях Думенкова. Не только действующие, но и уволенные с военной службы офицеры, несмотря на жизненные неурядицы, остались верны присяге и остро среагировали на такие его бизнес-заходы. В них опытный профессионал генерал Александр Рудов усмотрел знакомую руку иностранной разведки. В пользу данной версии говорили конкретные факты. В частности, в последних беседах со своими знакомыми Думенков пытался уговорить их до-

быть ему материалы, относящиеся к новейшим разработкам в области ракетной и техники ПВО.

Вместе с тем та самоуверенность и нахрапистость, с какими он действовал, первоначально смугили генерала Рудова и его подчиненных. Они не могли поверить в то, что так может действовать агент иностранной спецслужбы, и полагали, что его знакомые, принимавшие хвастливый треп за чистую монету, заблуждались. Но заблуждались не они, а Думенков. Потеряв Родину, семью и самого себя, он самонадеянно считал, что все покупается и продается, и потому его знакомые готовы за тридцать серебряников торговать чем угодно и где угодно.

Агент германских спецслужб Думенков жестоко просчитался. В декабре 2004 года во время очередной встречи со старым приятелем Беловым он прямо предложил ему за солидное материальное вознаграждение оказать помощь в поиске и приобретении документальных материалов военного характера, в том числе составляющих государственную тайну. В подтверждение серьезности своих намерений он сослался на наличие надежных связей в спецслужбах Германии. Имен и фамилий Думенков не назвал, но намекнул Белову на то, что за работу ему обещана кругленькая сумма. Наряду с Беловым в том же духе Думенков пытался вести обработку еще нескольких своих знакомых, которые могли иметь выходы на секретную информацию.

Теперь у генерала Рудова и его подчиненных не оставалось сомнений в том, что они имеют дело с агентом, действующим по заданию иностранной спецслужбы. Его агрессивность и напористость в добывании нужных документов создавали реальную угрозу для утечки секретной информации, и потому контрразведчики решили действовать на упреждение. В условиях цейтнота времени им необходимо было не допустить втягивания российских граждан в преступную деятельность Думенкова и одновре-

менно добыть вещественные доказательства, уличающие его в шпионаже.

Генерал Рудов, взвесив все «за» и «против», решил рискнуть и навязать свою оперативную игру германской спецслужбе. Его предложение использовать Думенкова втемную, чтобы сбрасывать дезинформацию, а в дальнейшем внедрить в ее негласный аппарат своего человека, нашли поддержку в Департаменте военной контрразведки ФСБ России.

С того дня генерал Сердюк и его подчиненные активно подключились к детальной разработке замысла операции, предложенной Рудовым. Ведущая роль в его реализации должна была принадлежать исполнителю, который бы пользовался полным доверием Думенкова и в последующем смог бы пройти сложную и опасную проверку в иностранной спецслужбе. А в ней работали настоящие профессионалы, не чета скороспелому агенту Думенкову, которых на мякине было не провести. Поэтому разработчики операции все свои усилия направили на то, чтобы найти такого исполнителя, который бы в критической ситуации не растерялся и смог найти выход из самого сложного положения.

Времени на поиски его кандидатуры у руководства оперативного штаба операции почти не оставалось. Думенков, подстегиваемый германскими спецслужбами, лихорадочно искал выходы на военнослужащих из штаба Владимирской ракетной армии и Костромской дивизии. В этой гонке со временем контрразведчики рассчитывали на то, что, в отличие от Думенкова, для его знакомых земляков слова «долг» и «Родина» не были пустым звуком. И они не ошиблись. Капитан Белов и бывшие офицеры штаба Владимирской ракетной армии Лазарев и Громов, которых Думенков рассчитывал склонить к сбору секретной информации, Родиной не торговали. Они, несмотря на сложное материальное положение, не польстились на щедрые посулы шпиона и

сообщили о его подозрительных действиях военным контрразведчикам.

С того дня дальнейшая преступная деятельность Думенкова находилась под пристальным вниманием контрразведчиков. Шло время. А он по-прежнему был далек от своей цели. Ему не с чем было явиться к Бенну, чтобы получить желанный гонорар. Российские военные секреты стали для него идеей фикс. Даже находясь на больничной койке в первой городской больнице города Костромы, он не расстался с ней. Взвесив все «за» и «против», Думенков решил повторить попытку и обратиться за помощью к Лазареву. Доверительный характер их отношений и затруднительное материальное положение Лазарева питали надежду Думенкова на то, что на этот раз тот не устоит перед искушением быстро и много заработать и согласится. Готовились к этой встрече и контрразведчики. Предвидя подобный ход развития ситуации, они заранее отработывали с Лазаревым разные варианты беседы с Думенковым. Вскоре их прогноз оправдался.

Двенадцатого января 2005 года Думенков позвонил Лазареву и пригласил к себе в больничную палату. После разговора о здоровье перевел его на бизнес, а затем предложил заработать на сборе данных, относящихся к системам радиоэлектронного обнаружения ракетного удара, локации низколетящих объектов и других элементов обороны Российских вооруженных сил. Для Лазарева предложение Думенкова не стало неожиданным. Перед тем как отправиться на разговор с ним, у него состоялась встреча с сотрудниками контрразведки. На ней они проиграли в ролях сцену этой беседы. Лазарев сыграл ее безупречно — шпион ничего не заподозрил и признался, что действует по заданию сотрудника германской разведки Бенна Андреаса.

После такого признания для контрразведчиков окончательно прояснилась не только шпионская цепочка, но и

определился тот помощник, которому предстояло пройти по ней и внедриться в германскую спецслужбу. Это был Лазарев. Человек далеко не робкого десятка, с хорошей выдержкой и имеющий выходы на секреты, за которыми охотился Думенков, он, пожалуй, лучше других подходил для той роли в операции, что задумали генерал Рудов и его подчиненные. Их предложение Лазарев принял без колебаний. Его не испугала встреча с германскими спецслужбами и возможная проверка спецсредствами. Но одного этого было мало, и тогда опытные специалисты-психологи занялись его подготовкой, а контрразведчики принялись «кроить» секретную заготовку для Думенкова и его хозяев.

Тридцать первого января 2005 года его настойчивые попытки наконец-то увенчались успехом, да еще каким. В тот день он получил от Лазарева электронный носитель информации с копией «совершенно секретного» материала — оглавлением к техническому описанию пусковой установки ракетного комплекса «Тополь». Того самого знаменитого «Тополя», что составляет основу стратегических ядерных сил России. Это была более чем серьезная наживка для любой спецслужбы, и военные контрразведчики обоснованно полагали, что германская разведка на нее обязательно клюнет.

Несмотря на то что полученные Думенковым секреты жгли карман, он задержался в Костроме в надежде пополнить шпионский багаж через другую свою связь — Громова. От него шпион рассчитывал получить ни много ни мало, а «Техническое описание станции засечки ядерных взрывов». Громов не подвел. Семнадцатого февраля он сообщил Думенкову, что заказ выполнен.

На следующий день Думенков выехал из Костромы в Москву. Там на станции метро «Октябрьская», как в настоящих шпионских триллерах, он провел конспиративную встречу с Громовым. Тот передал ему электронную версию

«Техописания», к которому приложили руку контрразведчики и военные специалисты. Теперь шпиону было что доложить Бенну и наконец получить долгожданный шпионский гонорар.

В приподнятом настроении Думенков отправился в Германию. Будущее рисовалось ему в радужных тонах: Лазарев, Громов, Белов, а с ними еще парочка кандидатов в агенты должны были составить резидентуру, которой предстояло завалить германскую разведку секретами. Он уже мысленно подсчитывал будущие барыши, но эти мечты омрачила придирчивая проверка на границе. На этот раз таможенники и пограничники дотошно проверяли документы и багаж пассажиров. Думенкову пришлось пережить несколько неприятных минут. В какой-то момент ему показалось, что таможенник вот-вот доберется до магнитных носителей с секретными материалами, и тогда... Удача оказалась на его стороне, таможенник не обнаружил тайник. Поезд тронулся дальше. Позади осталась белорусско-польская граница. Впереди Думенкова ждали Германия и Бенн.

Прибыв на место, в город Йена, он тут же связался с ним. Но тот, к его удивлению, не ринулся на встречу и, сославшись на проблемы, предложил перенести ее на более позднее время. Думенкову ничего другого не оставалось, как только согласиться. Видимо, германская разведка взяла паузу, чтобы проверить, чем дышит ее агент по возвращении из России. Через несколько дней, после завершения проверки, Бенн позвонил Думенкову и назначил встречу в пригороде города Кассель в заштатной закуской на пересечении 7-го и 44-го автобанов.

Сгорая от нетерпения поскорее получить шпионский гонорар, Думенков заблаговременно прибыл на явку. Бенн с немецким педантизмом приехал строго в назначенное время. Беседа началась с постного бюргерского обеда, во время которого Думенков доложил о выполнении задания и

передал Бенну привезенные секретные материалы. Но долгожданный золотой дождь на него не пролился. Германская разведка держала своих агентов в черном теле и не спешила раскошелиться. Сославшись на необходимость консультации со специалистами по содержанию материалов, Бенн перевел разговор на новое задание и предложил Думенкову добыть образцы новейших российских приборов радиационной и химической разведки. Шпиону ничего другого не оставалось, как взяться за выполнение нового задания.

Он снова отправился в Россию. По приезду Думенков, не теряя времени даром, разыскал Громова и Лазарева. В беседах с ними, суля хорошие деньги, принялся уговаривать добыть эти приборы. Но контрразведчики не спешили снабжать Думенкова новой дезой, рассчитывая выяснить, что же еще интересует германскую разведку. Их расчет оправдался.

В БНД клюнули на оглавление из технического описания пусковой установки ракетного комплекса «Тополь». В начале апреля Бенн инициативно вышел на Думенкова и дополнительно поручил собрать информацию, относящуюся к новейшим российским ракетным комплексам, в том числе и последнего поколения. Затем подробно опросил по другу — Лазареву и поинтересовался возможностью организации его выезда в Германию. Думенков с полуслова догадался, о чем идет речь, и заверил, что будет над этим активно работать.

Смелый ход генерала Рудова и его подчиненных сработал. В германской разведке после всестороннего изучения представленных им материалов высоко оценили работу российских контрразведчиков и положили глаз на Лазарева как на перспективный источник информации. В ее планах, вероятно, уже вырисовывалась разветвленная и хорошо законспирированная резидентская сеть в России. Первым кандидатом предстояло стать Лазареву.

После разговора с Бенном Думенков энергично взялся за выполнение задания. На встрече с Лазаревым, не рас-

крывая истинной цели предстоящей поездки, он принялся уговаривать его съездить в гости к другу в Германию. Что это за друг, контрразведчикам не пришлось гадать. Состоявшийся накануне телефонный разговор Думенкова с Бенном не был для них тайной. Чем такая поездка могла закончиться для Лазарева, они уже знали — вербовкой. Казалось бы, конечная цель задуманной ими операции — оперативное внедрение в германскую спецслужбу — стала как никогда близка. Но тот темп, в котором она развивалась, их не устраивал. Лазарев еще не был готов к выполнению задания, поэтому в штабе операции как могли оттягивали его отъезд в Германию и одновременно вели интенсивную подготовку.

Многое, если не все, зависело от надежности, смелости и находчивости Лазарева. Там, в Германии, он мог рассчитывать только на самого себя. Его готовность и желание помочь в изобличении недружественных по отношению к России действий германских спецслужб не вызывали сомнения у контрразведчиков, но эмоции и чувства не так-то легко спрятать от мастеров шпионажа, тем более на детекторе лжи. Последнее слово оставалось за специалистами-психологами. Их проверку Лазарев прошел успешно. Пять лет учебы в военном училище и годы службы в войсках закалили его характер — это подтверждали и результаты тестирования: в сложных ситуациях он не растеряется и не допустит расшифровки перед германской спецслужбой.

Накануне отъезда Лазарева в Германию генерал Рудов и полковник Кушнеров провели с ним заключительную беседу-инструктаж. Профессионал и тонкий психолог, Рудов в качестве места ее проведения выбрал не служебный кабинет, а квартиру. Домашняя обстановка, как он полагал, позволила бы Лазареву быть самим собой и обеспечила бы необходимый психологический контакт между генералом и бывшим старшим лейтенантом.

Сделав плоток зеленого чая, вкус которого напомнил Рудову о малой родине — Киргизии, он опустил чашку на журнальный столик и внимательно посмотрел на Лазарева. Их взгляды встретились. В глазах Сергея генерал не заметил ни капли страха, ни тени сомнения. Он был полон решимости выполнить задание. Невольно у Рудова промелькнула грустная мысль: «Если бы остался в армии, то стал бы отличным боевым командиром. Воли и решительности ему не занимать. Умом родители и господь не обидели. В трудную минуту не растеряется и найдет выход. За таким командиром подчиненные пошли бы в огонь и в воду. Лишнее подтверждение тому — на гражданке не потерялся. Зато потеряла армия. Эх, если бы не август девяносто первого!» — горестная гримаса появилась и мгновенно исчезла с лица генерала.

Она не укрылась от Лазарева, и он подался вперед.

«Молодец! Тонко чувствует собеседника», — с теплой подумал о нем Рудов и поинтересовался:

— Как настрой, Сережа?

— Боевой, Александр Юльевич! — бодро ответил он.

— Это хорошо. Но бой предстоит не простой, и тут одной храбрости будет мало. Роль свою ты освоил, пожалуй, не хуже Миронова, хоть сейчас можешь сыграть Алехина.

— Мой любимый фильм! А книга еще больше понравилась, — вспомнил Лазарев известный фильм «В августе 44-го».

— Фильм фильмом, а жизнь, бывает, так закрутит, что ни один режиссер такого не придумает. Трудно сказать, как все повернется, всего не предусмотреть.

— Понимаю, товарищ генерал, буду действовать по обстановке.

— И это правильно! Прислушивайся к своей интуиции. У тебя, как утверждают наши психологи, она на высшем уровне.

— За девяносто баллов зашкаливает, — напомнил Кушнеров.

— Вернешься, на смену Кашпировскому пойдешь, — пошутил Рудов и продолжил: — А если серьезно, в острых ситуациях прислушивайся к ней. Сам понимаешь, там, лицом к лицу с врагом, наши советы и инструктажи не всегда могут сработать. Черт его знает, что они там могут выкинуть, чтобы тебя поймать на противоречиях?!

— Все будет нормально, Александр Юльевич! Мы, костромские, прорвемся! — заверил его Лазарев.

— Сережа, у меня нет сомнений, что задание ты выполнишь, важно, с каким результатом. Помни, Думенков везет тебя не на экскурсию, а на смотрины к иностранной спецслужбе, поэтому кофе и лирическими разговорами дело не закончится. Перед тем как выйти с тобой на разговор, они каждый твой шаг и каждое слово запишут и проанализируют.

— Постараюсь не подставиться.

— К сожалению, одного желания будет мало. Рефлексы и инстинкты не спрячешь. Полиграф не так просто обмануть. Как ни крути, есть одна острая тема, на которой они могут тебя зацепить, — связь с нами!

— Постараюсь забыть, товарищ генерал.

— Очень старайся. Напрочь вычеркни нас из своей памяти! Вбей себе в голову: ты бывший офицер, которого вышвырнули из армии, который разобижен на всех и вся и не нашел себя на гражданке. Ты обижен, нет, ты озлоблен на весь мир! Ты принял предложение Думенкова, не только чтобы заработать, ты намерен перебраться на жительство в Германию. Для разведки это серьезный мотив.

— В принципе, я так и думал.

— Молодец!

— Александр Юльевич, позвольте мне? — вступил в разговор Кушнеров.

— Да, конечно, Сергей Витальевич, — живо откликнулся Рудов.

— Я хотел вернуться к вопросу о связи Сергея с нами.

— Что ты имеешь в виду?

— Тему ФСБ и полиграфа.

— Так вроде уже обговорили. Или ты с чем-то не согласен?

— Я вот что думаю, если Сергея посадят за полиграф и накидают вопросов-ловушек по теме связи с ФСБ, то так или иначе он засветится.

— И что, нам теперь лапки вверх? — В голосе генерала послышались недовольные нотки.

Упоминание Кушнерова об ахиллесовой пяте в задании Сергея вызвало на лице Рудова болезненную гримасу. Там, в Германии, где Лазареву предстояло столкнуться лицом к лицу с профессионалами из спецслужб, они уже были бесцельны помочь. Все зависело от него самого и удачи.

«Хорошо бы, чтобы она была на стороне Сергея», — подумал Рудов и спросил:

— И что ты предлагаешь, Сергей Витальевич?

— Не уходить от темы ФСБ, а развернуть ее в ином плане, — пояснил тот.

— Каким образом?

— Пойти от противного. Исходить из того, что у Сергея был опыт общения с сотрудниками военной контрразведки, но опыт печальный.

— Печальный? — Рудов хмыкнул и, обратившись к Лазареву, поинтересовался: — Голову пеплом не приходилось посыпать?

Сергей с улыбкой ответил:

— До такого не доходило, но пару раз крепко досталось. Первый раз, я тогда был еще старше, после стрельбы недосчитались патронов, пришлось давать объяснения в особом отделе, в смысле в ФСБ. А второй случай, это когда

в дивизии потерялся секретный документ. Особисты неделю никому не давали дохнуть, никого с командного пункта не выпускали, пока не нашли.

— В общем, натерпелся ты от нас, — шутливо заметил Рудов и, уловив мысль Кушнерова, тут же начал активно развивать: — Если они не будут поднимать эту тему, то промолчи, а если затронут, то уж нас не жалей, кляни на чем свет стоит, чтоб у них стрелки на полиграфе зашкалило.

— Понял, Александр Юльевич! Я им такое скажу, что лучше вам не слышать! — И на лице Лазарева появилась лукавая улыбка.

— Вот и договорились. И последнее. У них, Сережа, в отличие от нас, русских, все меряется деньгами, а значит, ты должен сыграть настоящего шкурника. Бейся с ними за каждый евро, так, как если бы от этого зависела твоя жизнь.

— С удовольствием! Ну, я им душу помотаю, — с улыбкой ответил Лазарев.

— Вот и договорились. Удачи тебе, Сережа! — пожелал генерал и крепко обнял на прощание.

Восьмого июля 2005 года Лазарев вместе с Думенковым выехали в Германию. Ее столица встретила их летним зноем. Спасение от него можно было найти в баре или в номере, где непрерывно работал кондиционер. Лишь с наступлением вечера, когда на город опускалась прохлада, улицы начинали оживать. Лазарев, предоставленный самому себе, знакомился с Берлином и ждал встречи с другом Думенкова. Прошел день, за ним другой, а тот не спешил с ее организацией. Германская разведка проверяла и изучала потенциального агента. Об этом Лазареву говорили интуиция и тот небольшой опыт, который он получил в работе с контрразведчиками. Несколько раз, как ему показалось, за ним велась слежка. Но он не подал виду и продолжал вести себя как провинциал из российской глубинки, впервые оказавшийся в центре Европы.

Лазареву уже порядком надоело шататься по супермаркетам и демонстрировать германской разведке свою склонность к вещизму, когда наконец Бенн вызвал его и Думенкова на встречу. Роль предателя и мерзавца, которую Сергеем предстояло сыграть через несколько часов, мучила душу. Он снова и снова мысленно проигрывал предстоящий разговор с Бенном, и каждый раз терзало сомнение, не сорвется ли он в последний момент, не раскроет ли себя. И здесь на память пришел совет генерала Рудова: «Сережа, торгуйся, бейся с ними за каждое евро, и они тебе поверят!»

Одиннадцатого июля они вместе с Думенковым выехали на встречу с Бенном. Проходила она по всем правилам шпионского жанра. По пути к ней им пришлось сменить транспорт, потом на месте, в Потенсдорфе, что расположен вблизи города Кассель, Думенков совершил еще пару маневров, чтобы отсечь «хвост», и только затем направился к закуской. Там их ждал Бенн. Особым хлебосольством он не отличался, Думенкову и Сергеем пришлось хлебать постный бургерский обед. После первой кружки пива Бенн повел разговор издали. Его начало подсказало Лазареву, что Думенков сообщил германской спецслужбе все, что о нем знал. Прощупав Сергея наводящими вопросами, Бенн остался доволен и перешел к бизнесу. Кандидат в агенты Лазарев, набивая себе цену, торговался до последнего. Сойдясь в цене, Бенн взялся экзаменовывать Сергея. Германский разведчик, как выяснилось, хорошо разбирался в военной тематике, но и этот экзамен Лазарев сдал успешно.

Беседа заняла больше часа и закончилась тем, что Думенков передал Бенну подготовленные контрразведчиками распечатки из «совершенно секретного» технического описания ракетного комплекса «Тополь». Тот принял материалы, но рассчитывать за них не спешил. Сославшись на необходимость изучения материалов специалистами, Бенн предложил провести оплату на следующей встрече.

Думенкову ничего другого не оставалось, как согласиться. По взаимной договоренности очередную явку договорились провести 16 июля в закуской, на пересечении 4-го и 7-го автобанов в пригороде города Кассель.

За это время в германской разведке проанализировали представленные Думенковым материалы, а также результаты беседы и наблюдения за Лазаревым и, видимо, пришли к положительному заключению — кандидат годился в агенты. Лишним подтверждением тому служили три тысячи евро, полученные им от Бенна в ходе явки 16 июля, и его очередное задание — добыть секретные материалы по новейшей российской ракете РС-27 ракетного комплекса «Тополь-М».

Двадцать второго июля Думенков и Лазарев возвратились в Кострому. Думенков, стора от нетерпения поскорее заполучить важнейшие секреты, которые сулили десятки тысяч евро, не стал ждать, когда их представит Лазарев, и снова пошел по своим старым связям. Кроме того, видимо почувствовав в Сергее конкурента, он стал отодвигать его в сторону. Перед контрразведчиками возникла реальная угроза того, что Думенкову удастся не только втянуть в свою преступную деятельность новых лиц, но и вывести из операции ключевую фигуру — Лазарева.

В сложившихся условиях оперативная игра со спецслужбами Германии приобретала все более опасный и рискованный характер как для ее непосредственных исполнителей Белова, Громова и Лазарева, так и для сохранности реальных, а не мнимых секретов. В этой связи в Департаменте военной контрразведки ФСБ РФ и в руководстве оперативного штаба пришли к выводу о нецелесообразности ее продолжения и необходимости реализации материалов путем захвата Думенкова с поличным.

А тот, не подозревая, что неумолимое время отсчитывало последние дни и часы его нахождения на свободе,

продолжал свою опасную игру. Он настойчиво теребил Лазарева и Громова, требуя от них образец специального прибора радиационно-химической разведки и совершенно секретные сведения из планов командования Владимирской армии, касавшихся боевого применения войск в военное время. Но этим материалам так и не суждено было попасть к спецслужбам Германии. Третьего августа 2005 года на площади Курского вокзала затянувшаяся шпионская гастроль Думенкова была прервана.

В течение года шло следствие, в ходе которого следователями ФСБ скрупулезно исследовались все обстоятельства, которые привели Думенкова на скамью подсудимых. Окончательную точку в уголовном деле поставил 23 августа 2006 года Московский городской суд. Он признал его виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 275 Уголовного кодекса России, и назначил наказание в виде двенадцати лет лишения свободы. Верховный суд России кассационную жалобу Думенкова и его адвоката оставил без удовлетворения.

План или пропал

Торжественное построение на строевом плацу Красноярского высшего военного командного училища радиотехники войск ПВО мало походило на праздничное. Несмотря на лето, моросил мелкий холодный дождь. В молочной пелене тумана фасад главного корпуса напоминал уродливые развалины, а макет грозной ракеты походил на смятый окурок. Под деревьями робко жалась кучка родственников выпускников. И когда гром меди оркестра стих, все взгляды сошлись на трибуне.

Там выдержали, как положено, торжественную паузу, и затем зычный рык начальника училища потряс тишину. Парадный строй новоиспеченных лейтенантов дрогнул и ответил нестройным «Ура-а!». На лице генерала прорезалась горькая морщинка. Училище переживало не лучшие времена. Выпуск 1993 года был вторым, после которого многие выпускники уходили в никуда.

Некогда могучая система ПВО СССР после августа 1991 года разваливалась на глазах. Ее жалкие осколки поспешно прибрали к своим рукам новые государства, возникшие на развалинах Советского Союза. И ему, боевому генералу, отдавшему почти сорок лет службе в Советской

Армии и вложившему душу в своих питомцев, было до слез обидно, что через час-другой одни навсегда снимут со своих плеч погоны, а вторые могут оказаться в другой армии и, возможно, станут следить на экранах мониторов за российскими самолетами и ракетами.

Под грустную мелодию «Прощание славянки» и унылую капель ломаный строй выпускников 1993 года покинул строевой плац. В нем шагал и лейтенант Сергей Юрениа. С будущим, в отличие от многих сокурсников, у него было все более или менее ясно. В 8-й радиотехнической бригаде Вооруженных сил Республики Беларусь, расположенной в уютном городе Лида, его ждала должность начальника расчета. В те непростые годы, когда рушились привычные устои и стереотипы, а общество искало себя в новых реалиях, перспектива служебного роста и стабильная зарплата военнослужащего казались спасательным кругом.

Республика Беларусь встретила лейтенанта Юрениа настоящим летним теплом, запахом зреющих в садах яблок и политической горячкой сошедшихся в непримиримой борьбе за власть «либералов» и «консерваторов». Ее отзвуки болезненно отзывались в молодой, только поднимавшейся на ноги белорусской армии и офицерской среде. Несмотря на это, Юрениа с присущим юности задором взялся за службу. А она была далеко не мед.

В реальной жизни многое оказалось не так, как рисовалось в классных аудиториях военного училища. Галопирующая инфляция на глазах съедала офицерскую зарплату и превращала ее в ничто. Перспектива получения от государства квартиры становилась все более призрачной. Боевая учеба, в отсутствие достаточных материальных средств, все чаще, как горько шутили армейские остряки, проходила по варианту: «пеший по конному». Вскоре настрой Юрениа на службу угас, он все чаще стал поглядывать за забор части и задумываться о своем будущем. Жизнь на гражданке тоже

была не сахар, там властвовала дикая стихия рынка. Взвесив все «за» и «против», он предпочел иметь синицу в руках, то есть службу, чем журавля в небе — непредсказуемую и рискованную деятельность коммерсанта.

Шли годы. Юрени медленно, но все-таки рос в должностях и званиях, но желаемого удовлетворения и материального благополучия так и не достиг. Тем временем за армейским забором набирала обороты новая жизнь. Она слепила блеском броской рекламы, роскошными витринами модных гипер- и супермаркетов, навороченными иномарками, которых на улицах белорусских городов с каждым днем становилось все больше. В ее новом, долларовом свете ореол армейской романтики в глазах Юрени окончательно померк, а служба, когда-то казавшаяся привлекательной, превратилась в тяжелую лямку. С каждым днем тянуть ее становилось все труднее. В душе нарастали горечь и досада, как ему тогда представлялось, за бесцельно потраченные годы.

Вольно или невольно эту неудовлетворенность своим положением питали встречи с бывшими однокурсниками по военному училищу и однополчанами. Некоторые из них, уйдя со службы, очень даже неплохо устроились на гражданке. Квартиры в престижном квартале города, дорогие тачки и рассказы об оттяжке на Канарах только еще больше бередили душу Юрени. Чаше всего это возникало после встреч с бывшим однополчанином Русскиным. Вместе с ним он учился в Красноярском военном училище, но в разных взводах, и потому близких отношений на тот период у них не сложилось. Сошлись они позже, когда получили назначение в одну и ту же часть — 8-ю радиотехническую бригаду Вооруженных сил Республики Беларусь.

Рускин, в отличие от Юрени, в армии не задержался и решил попытать счастья на гражданке, уволившись со службы, занялся бизнесом. Сначала приторговывал продажей

солярки, которую по старой памяти пытался по дешевке добыть через свои связи на складе ГСМ бригады, потом переключился на перепродажу автомобилей, перегоняя их из Польши в Беларусь. Это занятие для него не являлось новым. Еще во время службы Русскин тайком от командования совершал вылазки в соседнюю страну и обратно возвращался с подержанной иномаркой, приносящей одну-две тысячи долларов навару к лейтенантской зарплате. Сослуживцы, которым он скидывал одну-другую сотню долларов с проданной машины, предпочитали хранить молчание о его тайных поездках за границу.

Зато в Польше так называемые деловые партнеры Русскина не дремали и регулярно сообщали о нем в военную разведку. В ней быстро оценили перспективного кандидата в агенты. Офицер, имеющий доступ к секретам, втайне от командования занимающийся перегонкой машин и падкий на деньги, был взят в оперативную разработку. Она велась по уже отработанной и хорошо зарекомендовавшей себя схеме — Русскина активно втягивали в коммерческие сделки. А он, возвращаясь из Польши с очередной иномаркой, купленной по дешевке через хорошего знакомого, и не подозревал, что под него подведен шпионский крючок. Любезность и обходительность польских деловых партнеров Русскина питала в нем наивные представления о дружбе между народами. К сожалению, к тому времени она сохранилась разве что в сердцах печальных бронзовых и мраморных обелисков советских и польских воинов, павших в Великой Отечественной войне.

К середине 90-х годов территория некогда «братской» Польши превратилась в благодатное «шпионское поле», на котором американские и польские спецслужбы собирали свой богатый урожай. Сотни тысяч бывших советских граждан, теперь уже из независимых государств: России, Беларуси, Украины и Молдовы, пользуясь ослаблением

внутреннего и пограничного режима, устремились на запад в поисках заработка.

«Челноки», «металлисты», «перегонщики тачек», среди которых находились бывшие и действующие военнослужащие, инженеры из секретных КБ и исследовательских институтов, ковали свою копейку и не подозревали, что невидимое сито спецслужб отсеивало из их числа нужный себе контингент. С помощью деловых партнеров и так называемых друзей они собирали характеризующие и компрометирующие материалы на заслуживающий внимания объект, выявляли его слабости и готовили ловушку. Их в арсенале польской разведки было предостаточно, начиная от банального ДТП, где виновным, естественно, оказывался объект вербовки, и заканчивая традиционной «медовой подставой». Жгучих брюнеток и томных блондинок, готовых за пару-другую золотых потерять невинность, чтобы послужить родине, было хоть отбавляй. По отношению к военнослужащим бывшей Северной группы советских войск (Польша. — *Прим авт.*) срабатывал и такой нехитрый прием, как обвинение в поиске ранее спрятанного оружия или в шпионаже.

Подобный поворот в отлаженном, казалось бы, коммерческом деле для таких, как Русскин, был равносителен двойному приговору. Помимо наказания в Польше по возвращении домой коммерсанта в погонах ждали в лучшем случае увольнение из армии, в худшем — статья из Уголовного кодекса «Незаконное пересечение государственной границы» и лишение свободы сроком на два года.

В польских спецслужбах об этом хорошо знали, и когда объект созревал, его брали в крутой оборот. Попавшемуся на ДТП или на другой заготовке будущему агенту в качестве отступного предлагалось в следующий раз привезти с собой что-нибудь из документов или деталь военной техники.

Загнанному в угол бизнесмену в погонах это казалось чудесным избавлением от того ужаса, что ожидал впереди. Одни, вырвавшись на свободу, старались навсегда забыть дорогу в Польшу, другие, движимые корыстными мотивами, приезжали вновь, и не с пустыми руками. Получив свои тридцать серебряников, они возвращались на родину, чтобы продолжать шпионить.

На этом погорел и Русскин. Припертый к стенке компроматом и поставленный перед жестоким выбором: сменить офицерский мундир на арестантскую робу либо шпионить, он выбрал последнее и пошел на сотрудничество с польской военной разведкой. А дальше все покатило по накатанной колее — секреты в обмен на деньги.

После нескольких таких «обкаток» энергичный, циничный, с обширными связями среди бывших и действующих военнотружущих белорусской армии Русскин вскоре получил повышение в шпионской иерархии — стал резидентом и занялся подбором агентов в шпионскую сеть. Опытный наставник на этом поприще, кадровый сотрудник военной разведки «Мартин», ориентировал его и других бойцов невидимого фронта на сбор секретной и иной информации, относящейся к учебно-боевой деятельности Вооруженных сил Республики Беларусь. Основной же целью польской спецслужбы являлись текущие и будущие планы российского и белорусского военных ведомств в области создания коллективной системы ПВО и ПРО. Главным заказчиком этих заданий являлось ЦРУ.

В те годы, тогда еще в тиши кабинетов «старшего брата» Польши — США, уже вызревали планы размещения на ее и территории Чехии элементов глобальной системы обнаружения и отражения ракетно-ядерного удара со стороны так называемых стран-изгоев: Ирана, КНДР и... Кто следующим стоял в том списке, «ястребы» с берегов Потомака предпочитали и до сих пор предпочитают помалкивать. Ярым

поборником этих планов выступала и продолжает выступать Польша. Но до исламского Ирана ей при всем желании было не дотянуться, и потому ее спецслужбы принялись распахивать «шпионское поле» соседних славянских государств — Республики Беларусь и России.

Рускин выступил в качестве одного из таких «пахарей». Но после увольнения из армии он утратил возможность добывать такого рода информацию, и потому пошел по старым армейским связям. В их числе оказался и капитан Юрениа. Хорошо зная его по совместной учебе в Красноярском военном училище, а затем по службе в 8-й радиотехнической бригаде Вооруженных сил Республики Беларусь, а также учитывая его стесненное материальное положение, Рускин летом 1999 года в одной из бесед с ним прямо предложил передать известные ему (Юрениа. — *Прим. авт.*) по службе секреты для продажи за границу.

В тот раз Юрениа отказался это сделать. Был ли тому причиной страх или его удержало от подобного шага еще сохранявшееся чувство офицерской чести? На этот вопрос ответить может только он сам.

Спустя пять лет в Юрениа мало что осталось от того офицера, который в 1993 году прибыл в войска, чтобы служить Отечеству. За прошедшие годы дремавшие в глубине его души алчность и стяжательство расцвели буйным цветом. Новый 2004 год для него складывался неблагоприятно — служба окончательно не заладилась. Юрениа казалось, что командование части стало предвзято оценивать его поведение и труд. На вышестоящие должности назначались другие, а он продолжал прозябать на прежней. Тут, как назло, грянула очередная военная реформа: офицеров, выслуживших установленные сроки службы, а также тех, кто положительно не зарекомендовал себя, отправляли на гражданку. Юрениа оказался в их числе. Его попытки убедить командование изменить свое решение оказались

безрезультатны. За десять лет службы начальники изучили своего «залетного», любящего «заложить за воротник» подчиненного как облупленного, и потому не собирались оставлять в части. Тогда он решил пристроиться в другую силовую структуру и, набравшись нахальства, обратился в КГБ Республики. Майор, на лице которого невооруженным взглядом читались следы бурно проведенной молодости, не внушал доверия, и ему отказали.

Девятого января 2004 года Юреню по служебному несоответствию уволили из армии. Теперь тринадцатого числа каждого месяца в кассе части его уже не ждал конверт с зарплатой. Дорога туда для него была закрыта. Оказавшись за армейским забором, он был вынужден начинать все сначала. В тридцать с лишним лет это оказалось не так-то просто. С устаревшими знаниями, которые Юреня успел порядком растерять, на многое рассчитывать не приходилось. Случайные заработки позволяли лишь с трудом сводить концы с концами, и тогда он решил попытать счастья в России. Надежду на лучшее будущее Юреня связывал с сестрой, проживавшей в Москве, а больше — с ее мужем, занимавшим должность военного представителя на одном из режимных заводов. И родственники не подвели, они подняли все свои связи и нашли для него вакантную должность начальника расчета в одной из частей ПВО, дислоцировавшейся в подмосковном Наро-Фоминске.

Для бывшего майора продолжать службу в должности старлея, с которой одиннадцать лет назад пришлось начинать, было и обидно, и досадно. Это, а также зарплата, едва дотягивавшая до десяти тысяч рублей, оказались совсем не тем, на что рассчитывал Юреня. Перспектива снова трудиться на старлейской должности, чтобы выбрать оставшиеся до маленькой пенсии годы, его никак не устраивала, и здесь он вспомнил давний разговор с Русскиным. Теперь его предложение заработать на продаже секретов представлялось

Юрене тем самым единственным выходом, который мог решить все проблемы. В то время, когда сестра с мужем давили на все рычаги, чтобы как-то пристроить на службу бедного родственника, а в Чертановском военном комиссариате города Москвы готовили документы для призыва Юрени в Вооруженные силы России, он сам, наплевав на них, ринулся в Беларусь разыскивать Русскина.

Холодное лето 2005 года не остудило зревших в Юрене изменнических намерений. Пример Русскина, оставшегося на свободе и при этом жившего припеваючи, видимо, убеждал в том, что ему также удастся устроить свою жизнь. Подсчитывая будущие барыши от продажи секретов, Юрени на первом этапе рассчитывал продать информацию, ставшую ему известной по службе в ПВО Республики Беларусь, а потом пустить в ход свой главный козырь — предстоящее зачисление в российскую армию. При этом ему было не важно, на какую иностранную спецслужбу работает Русскин. Ведь, как говорится, деньги не пахнут. Поиски Русскина не заняли много времени. Тот только что вернулся из зарубежного вояжа и охотно согласился перетереть старую тему.

Они встретились. Крутая иномарка и сам Русскин, излучающий собой уверенность в будущем, укрепили Юрени в изменнических намерениях. После общих слов он, посетовав на трудности в жизни, высказал сожаление, что не воспользовался в прошлом его предложением, и заявил, что готов передать известные ему по службе секреты для продажи за границу.

Русскин почему-то пропустил мимо ушей эти слова. И тогда Юрени пустил в ход свой главный козырь — предстоящее оформление на службу в войска ПВО России, но и это не сыграло. Он уже ничего не мог понять. Русскин не только не торопился получить от него секретную информацию, но даже словом не обмолвился о прошлом предложении.

Резидент польской разведки вел с ним игру, и для этого имелись веские основания. За пять прошедших с их последней встречи лет слишком много утекло воды, и потому Русскина не могло не насторожить вдруг проснувшееся в Юрене желание шпионить. Натасканный учителями от шпионажа резидент, видимо, в душе не доверял бывшему однокласснику и опасался, что тот мог оказаться подставой органов безопасности, и потому решил выждать. Не сказав Юрене «нет», Русскин взял паузу, чтобы доложить «Мартину» о новом кандидате в шпионскую сеть и одновременно глубже его проверить. Договорившись еще раз встретиться и подробно все обсудить, они разъехались.

Дальше события развивались самым стремительным образом. В октябре 2005 года Чертановским военным комиссариатом города Москвы Юрениа был призван в Вооруженные силы России. Работники военкомата поверили на слово, что он уволен из белорусской армии по оргштатным мероприятиям, и пошли ему навстречу. Дополнительным аргументом для них явился его диплом об окончании российского военного училища. Проходить службу Юрене предстояло на должности начальника расчета в одной из частей ПВО, дислоцирующейся вблизи города Наро-Фоминска.

Для будущего шпиона такое назначение стало настоящим подарком, оно открывало доступ к сведениям, составляющим государственную тайну. Близость к секретам еще больше разожгла денежный аппетит Юрениа, и, не дожидаясь отпуска, он в ноябре 2005 года отправился в Беларусь на поиски Русскина. Встретились они в городе Кобрин. В ходе беседы Юрениа рассказал ему о своем назначении в часть ПВО, сообщил ряд сведений, касающихся системы организации боевого дежурства, и вновь подтвердил готовность выдать за денежное вознаграждение секретную информацию.

На этот раз Русскин решил не играть с Юрениа в кошки-мышки. Сведения, которые тот рассказал о части, развеяли

последние опасения, что перед ним подстава российских контрразведчиков. Покончив с последними сомнениями, резидент польской военной разведки признался, что работает по ее заданиям, и предложил Юрене сотрудничество. В те роковые для себя минуты он вряд ли испытывал угрызения совести и чувство вины перед сестрой и ее мужем, немало сделавшими для его возвращения в армию. Меняя места службы: Красноярск, Лида и профессии: военного, бизнесмена, Юрени не заметил, как разменял в себе гражданина. Поэтому предложение Рускина сотрудничать с польской военной разведкой он принял без колебаний и тут же потребовал ни много ни мало, а пятьдесят тысяч долларов. Резидент польской военной разведки не стал опускать его с небес на землю, обозначить настоящую цену будущему агенту – это было дело «хозяина». У Рускина имелся свой расчет. Он получал гонорар от спецслужбы не только за поставку информации, но и за каждого пойманного в шпионскую сеть, в тот день она пополнилась еще одной падшей человеческой душой.

Завершилась их встреча коротким шпионским ликбезом. В ходе него Рускин проинструктировал Юрению по мерам конспирации при сборе и хранении секретной информации и обговорил способы связи. В качестве первого задания он ориентировал пока еще «зеленого» агента на то, что поляков интересуют не только секретная информация, но и общая: расположение воинских частей, их предназначение, схемы связи, радиоданные и т. д., добавив, что данная информация также стоит денег.

В заключение разговора они договорились о том, что при накоплении достаточного количества материалов Юрениа должен условной фразой сообщить о готовности к их передаче. На том шпионы и расстались. Резидент отправился на явку с «Мартинном», чтобы отчитаться о проделанной работе. А без пяти минут агент польской военной

разведки возвратился в Наро-Фоминск. Теперь его мысли были заняты не столько службой, сколько тем, как добыть секретные сведения.

На должности начальника расчета сделать это было не так-то просто, так как главные секреты находились гораздо выше, и тогда Юрени прибегнул к простому приему — объявил командованию, что намерен работать над совершенствованием своей профессиональной подготовки, чтобы расти по службе. Такие знания он мог почерпнуть из наставлений и инструкций, регламентирующих учебно-боевую работу, а также из технических описаний на аппаратуру. Многие из них имели гриф «секретно» и «совершенно секретно». Обращение Юрени получило поддержку у командования части. Получив доступ к секретным материалам, он с завидным упорством принялся за их изучение. В то время как многие другие офицеры после окончания службы спешили домой, Юрени задерживался в учебных классах и упорно штудировал наставления и инструкции. Он надеялся убить двух зайцев: приехать на встречу с Русскиным не с пустыми руками и одновременно добиться назначения на вышестоящую должность и тем самым расширить возможности по добыванию секретов.

Активность Юрени в освоении специальности и стремление повысить свой профессиональный уровень командование части оценило положительно. Майора, «убивающегося» на старлейской должности, не каждый день встретишь, и потому оно закрывало глаза на имевшие место случаи употребления им спиртных напитков и по-человечески готово было пойти навстречу. В перспективе планировалось назначение Юрени на вышестоящую должность — психолога бригады.

Предстоящая служба в штабе еще больше подогрела его денежные аппетиты, а собранная секретная информация жгла карман. Он не стал откладывать дела в долгий ящик и

вызвал Русскина на встречу. На этот раз резидент и польская военная разведка среагировали оперативно. Перед тем как отправить Русскина в Наро-Фоминск, ему назначили явку с кадровым сотрудником, курировавшим работу резидентуры. Она состоялась в городе Пружаны Республики Беларусь. На нее прибыл хорошо знакомый Русскину «Мартин».

К тому времени в польской спецслужбе, проанализировав все имеющиеся на Юреню материалы, пришли к выводу о том, что в его лице агентурная сеть может пополниться ценным источником информации. В этой связи «Мартин» поставил перед Русскиным задачу организовать с Юрени негласную работу на регулярной основе. Первым шагом на пути к ней должна была стать его вербовка.

Здесь «Мартин» с Русскиным не стали изобретать ничего нового и остановились на классической форме — взятии от Юрени подписки. В ней тот должен был письменно подтвердить свое согласие выполнять разведывательные задания и для конспирации избрать себе псевдоним. Дополнительно для подстраховки, а также пополнения ведущейся в спецслужбе агентурной картотеки «Мартин» посчитал не лишним сфотографировать Юреню и его личные документы. В заключение явки он потребовал от Русскина, чтобы тот в работе с будущим агентом нацелил его на получение информации, касающейся состояния и перспектив развития системы ПВО московской зоны.

Такая спешка польской военной разведки объяснялась тем, что политическое руководство страны всеми правдами и неправдами пыталось затащить в Польшу элементы американской стратегической ПРО, а вместе с ними десятком другой миллиардов долларов, в которых остро нуждалась начавшая хромать экономика. Подобные планы США и Польши не могли не встревожить российскую сторону. Из Кремля незамедлительно последовали жесткие заявления об ответных адекватных мерах. Каких именно, не уточнялось,

поэтому польская разведка и ее «старший брат» — спецслужба США лезли из кожи вон, чтобы узнать, чем же может ответить на этот вызов Москва.

Служба Юрени в Московском военном округе, в частности в частях ПВО, открывала польской военной разведке доступ к важнейшим российским секретам и позволяла приподнять завесу тайны над планами ее укрепления. Поэтому Мартин на встрече с Русскиным не стал скряжничать. Резидент покинул ее не с пустыми руками — свои тридцать серебряников (четыре тысячи долларов) приятно оттягивали карман, но вряд ли грели душу, она давно была продана «желтому дьяволу». Делиться с Юрени по-братски Русскин не захотел и, посчитав, что тому за глаза хватит пятьсот долларов, остальное пустил на себя.

Тем временем будущий агент, подогреваемый мыслями о шпионском гонораре, рьяно выполнял задание, отработанное ему Русскиным на встрече в Кобрине. Под различными предложениями Юрени проникал в кабинеты, где хранились или разрабатывались секретные документы, и знакомился с их содержанием, при посещении соседних воинских частей не упускал возможности собрать данные на командный состав: фамилии, имена, адреса, домашние, служебные и иные материалы, касающиеся учебно-боевого процесса.

К концу марта 2006 года Юрени накопил значительный объем секретных материалов, а Русскин почему-то тянул с приездом в Россию. В это время тот мотался по большому кругу — проводил явки с другими агентами польской военной разведки. В конце концов у Юрени иссякло терпение, он позвонил ему и заранее обусловленной фразой сообщил о готовности к передаче собранной информации. В ходе разговора они договорились встретиться в Наро-Фоминске

Третьего апреля 2006 года Русскин приехал в Москву, в ней не задержался и сразу же направился в Наро-Фоминск, а там, чтобы лишний раз не светиться перед родственника-

ми Юрени, поселился в городской гостинице. В одном из ее номеров состоялась встреча двух шпионов. В ходе нее Юрени передал Русскину материалы, касающиеся структуры части и выполняемых ею учебно-боевых задачах, порядка взаимодействия с другими подразделениями Вооруженных сил России в различных степенях боевой готовности, а также отдельные сведения в отношении других военных объектов, дислоцирующихся под Наро-Фоминском. Но этого ему показалось мало, не пожалев родственника — мужа сестры, Юрени рассказал об истинном назначении завода, где тот работал, а также номенклатуре выпускаемой оборонной продукции.

Русскин результатом остался доволен — ему было чем отчитаться перед «Мартином». Теперь предстояло решить еще одну задачу — поставить Юрени на «мертвый шпионский якорь». И хотя на предыдущей встрече ими была достигнута договоренность о сотрудничестве с польской военной разведкой, Русскин не был до конца уверен, что Юрени согласится стать ее полнокровным агентом. Одно дело продать секреты, получить за них свое и потом уйти на дно, чего, собственно, и добивался Юрени, и совсем другое — выполнять ее задания. Поэтому, чтобы не отпугнуть его, Русскин начал разговор издали. Он напомнил Юрени о возрасте, затем посетовал на отсутствие перспективы по службе и не преминул упомянуть о том, что при той очереди на квартиру, которая существовала в части, ему в лучшем случае удастся въехать в нее разве что вперед ногами. Юрени с ним согласился. Это прибавило уверенности Русскину, ссылаясь на собственный пример, он пообещал: Юрени, что с помощью друзей в Польше ему удастся быстро решить все свои материальные проблемы, а для этого надо будет периодически подбрасывать информацию и выполнять задания.

В разговоре возникла пауза, длилась она недолго. Предложение резидента польской военной разведки не вызвало

у Юрени угрызений совести. Он цинично заявил: «Подбрасывать можно, лишь бы хорошо платили». После такого ответа Рускин посчитал, что наступил подходящий момент, чтобы перейти от слов к делу и документально закрепить агентурные отношения с Юренией. Пустившись в пространные рассуждения о том, что деньги любят не только счет, но и учет, он предложил ему соблюсти небольшую формальность: письменно подтвердить свое согласие на сотрудничество.

И тут Юрениа задумался. Его отказ не только ставил крест на перспективном источнике информации, но и нес для Рускина серьезную угрозу — расшифровку перед российскими спецслужбами. Он занервничал, но опасения оказались излишними. Юрениа не стал давать задний ход и, получив подтверждение, что предоставленные им материалы будут хорошо оплачиваться, недрогнувшей рукой написал подписку, в которой обязался сообщать польской военной разведке информацию и выполнять ее задания.

На этом Рускин не остановился и, чтобы окончательно привязать Юрению к себе и спецслужбе, предложил сфотографироваться и переснять ряд страниц из его удостоверения личности офицера. Тот не стал возражать, хотя и отдавал себе отчет в том, что фотография в фас должна пополнить специальную картотеку в Варшаве и лечь в агентурное дело. В те минуты он, кажется, готов был даже душу продать дьяволу, лишь бы за нее хорошо заплатили. Несколько позже, уже при других обстоятельствах, подобную процедуру Юрение пришлось пройти в Москве в Лефортовской тюрьме. Его фотографии, и не только в фас, но и в профиль, легли в материалы уголовного дела.

После завершения этого последнего акта вербовки Рускин вручил Юрение задаток — пятьсот долларов, после чего беседа перешла на свободную тему. А когда и она иссякла, резидент снова возвратился к «работе» — напомнил Юрение о его неудачной попытке устроиться на службу в органы КГБ

Республики Беларусь и рекомендовал повторить ее в России. Для чего посоветовал ему установить контакт с сотрудниками ФСБ, а потом предложить им свои услуги. В этом случае, по словам Русскина, Юрениа получил бы надежную «крышу», которая обезопасит его от подозрений и позволит существенно расширить возможности по сбору информации.

Рекомендуя Юрене заняться этим вопросом в ближайшее время, Русскин вряд ли догадывался об истинной цели задания «Мартина». Его кажущаяся забота о безопасности агента преследовала совсем другие цели. Подставляя Юрениа под российскую контрразведку, в польской спецслужбе знали что делали. Собственный опыт, а также практика разведывательной работы в России других партнеров по блоку НАТО, говорил о том, что при том контрразведывательном режиме, который в последние годы установился в стране, рассчитывать на длительную работу агентов не приходилось. Печальная статистика провалов говорила сама за себя. Даже самые опытные и осторожные, не говоря уже о так называемых «одноразовых» агентах, к каковым, вне всякого сомнения, в польской военной разведке относили Юрениа, в лучшем случае держались на плаву год-два. «Мартин» и его руководители, подставляя Юрениа на вербовку российской контрразведке, цинично рассчитывали подобной игрой выиграть месяц-другой и за это время выжать агента как лимон.

Юрениа, не подозревая об этом, пообещал Русскину в ближайшее время взяться за выполнение задания. На том они, полные радужных планов, расстались. Резидент возвратился в Беларусь и стал готовиться к встрече с «Мartiном». Как и прошлая, она прошла в городе Пружаны.

В тот теплый июльский день 2006 года вряд ли кто из посетителей по-домашнему уютного кафе обратил внимание на двоих среднего возраста мужчин, мирно беседующих за чашкой кофе. Легкий польский акцент одного из них не резал слух, в Пружанах привыкли к иностранной речи.

Город стал бойким местом, где пересекались пути не только бизнесменов, туристов из соседних стран, но и шпионов. Для непосвященных их беседа носила типичный для деловых людей характер. И только профессионал по обрывкам фраз: «...надо тонко подставиться, заинтересовать своими возможностями, особенно не перебарщивать, чтобы не засветиться...» — мог догадаться, что разговор ведут сотрудники спецслужбы.

На встрече с «Мartiном» резидент Русскин подробно рассказал, как проходила вербовка агента Юрени, какое ему было отработано задание, а затем передал подписку, фотографию и шпионские материалы. Разведчик остался доволен — резидентура пополнилась еще одним важным источником информации. И еще каким! Служба Юрени в частях ПВО важнейшего Московского военного округа открывала перед польской военной разведкой широкие возможности. «Мартин» поспешил воспользоваться этим и отработал резиденту дополнительные задания. Их суть сводилась к тому, что агенту Юрене предстояло выяснить, какие меры военное руководство российской армии намерено предпринять для усиления средств ПВО московской зоны, а также о возможном их размещении на территории Республики Беларусь. В заключение явки они договорились о месте и времени очередной встречи.

И пока они решали за Юрению его судьбу, он, все еще надеясь получить свои пятьдесят тысяч долларов, ломал голову над тем, как подступиться к выполнению второй части задания — внедрению в аппарат органов безопасности. Внутренний страх перед ними долго удерживал шпиона от первого шага на пути к цели. В конце концов он решился, пришел в отдел ФСБ и в беседе с сотрудником военной контрразведки рассказал в выгодном для себя свете о службе в белорусской армии. При этом Юрени не преминул упомянуть о том, что рассматривался как кандидат на работу в КГБ Республики

Беларусь, а потом поинтересовался возможностью перехода в органы ФСБ России. Отрицательный ответ не остановил его, и тогда он высказал готовность оказывать необходимую помощь органам безопасности в войсках в решении оперативных вопросов.

С ответом военные контрразведчики не спешили, и для того у них имелись основания. Покидая кабинет, Юрени и не подозревал, что его ухищрения не могли ввести их в заблуждение. К тому времени Управление ФСБ Московского военного округа совместно с коллегами из Комитета государственной безопасности Республики Беларусь уже вели оперативную разработку резидентуры польской военной разведки, занимавшуюся сбором секретной и иной информации о вооруженных силах. Теперь шпионам противостояла мощная и хорошо отлаженная организация спецслужб двух государств — России и республики Беларусь.

В польской военной разведке словно предчувствовали близкий крах резидентуры и, суля Русскину солидный денежный куш, торопили с материалами. Он лез из кожи вон и наседали на Юрению. А тот, исчерпав свои возможности, принялся подыскивать себе помощников среди сослуживцев. Возникла реальная угроза вовлечения новых лиц в преступную деятельность шпионов, и тогда российские и белорусские контрразведчики задействовали в полном объеме весь имевшийся в их распоряжении арсенал оперативно-технических и иных средств. Основные их усилия были сосредоточены на документировании преступной деятельности Русскина и Юрени.

Развязка неумолимо приближалась. Очередная попытка Юрени ввести в заблуждение российских контрразведчиков и обезопасить себя потерпела неудачу. Первого февраля 2007 года он, выполняя задание резидента Русскина, снова обратился к сотруднику военной контрразведки и предложил свои услуги. Получив очередной отрицательный

ответ, Юрени решился на рискованный ход. Стремясь создать о себе впечатление как о человеке с перспективными разведывательными возможностями, он в общих чертах рассказал о якобы имевших место вербовочных подходах к нему со стороны польских граждан во время проживания на территории Республики Беларусь. Но и на эту наживку контрразведчики не клюнули, к тому времени они уже располагали убедительными материалами, изобличающими Юрени в шпионской деятельности, и теперь ждали сигнала от коллег из КГБ Республики Беларусь. А там готовились к завершению операции по ликвидации резидентуры польской военной разведки. Ее кульминацией должен был стать захват с поличным резидента Русскина.

А тот ничего не подозревал и готовился к встрече с «Мartiном». На этот раз она должна была состояться на территории Польши. С собой Русскин прихватил солидный шпионский багаж, в нем находились материалы, полученные от Юрени. Всего несколько сот метров отделяли его от Польши и «Мартина», но ему их так и не удалось преодолеть. Русскин был задержан с поличным.

Это послужило сигналом для действий оперативной группы ФСБ России. Операция по пресечению шпионской деятельности агента Юрени перешла в заключительную стадию. Группа захвата, заняв исходное положение, ждала команды на задержание, и когда она поступила, перешла к действиям. Арест Юрени прошел буднично и не привлек внимания окружающих. Его доставили в Управление ФСБ России Московского военного округа. Перед лицом очевидных фактов Юрени был вынужден признаться в сотрудничестве с польской военной разведкой и проведению по ее заданию разведывательной работы на территории Российской Федерации.

Двадцать девятого октября 2007 года Московским окружным военным судом майор Юрени Сергей Алексее-

вич был признан виновным в совершении государственной измены в форме шпионажа и приговорен по ст. 275 УК РФ к лишению свободы сроком на семь лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима. Суд также лишил его воинского звания майор.

В тот день он навсегда потерял доброе имя и честь. Рисовавшийся в его воображении замок на берегах Вислы так и остался воздушным. Ясновельможного пана из Юрени не вышло, а офицер и гражданин, ставший польским агентом, безнадежно пропал. Впереди шпиона ждали бескрайняя сибирская тайга и бензопила «Дружба».

Охота на «осьминога»

Москва. В этом многомиллионном людском море человек ощущает себя крохотной песчинкой, подхваченной ее могучим движением, он, кажется, уже не принадлежит самому себе. Но стоит шагнуть в сторону от центральных проспектов, и вам открывается совершенно иной мир — мир тихих тенистых улочек. Здесь глаз не слепят вспышки назойливой и крикливой рекламы, а слух не режет лязг металла и визг тормозов, его радует изящная архитектура скромных особняков, таящихся за высокими заборами и кронами раскидистых лип.

Посольства — эти глаза и уши иностранных государств в Москве — для непосвященных напоминают эдакое сонное царство. Но таким оно выглядит только внешне. За толстыми стенами и плотно зашторенными окнами, под защитой мощных электронных экранов, в тиши кабинетов плетут свою шпионскую паутину дипломаты-разведчики. Один из них — кадровый военный разведчик Неху Сим, работавший под дипломатическим прикрытием посольства, уже не первый месяц активно изыскивал подходы к российским военным секретам в области производства и применения ядерных боеприпасов. Первым делом он проштудировал от

корки до корки материалы по оборонной тематике, публиковавшиеся в газетах «Военно-промышленный курьер», «Независимое военное обозрение» и других открытых источниках информации. Для человека знающего, что и где искать, они сказали многое, и тогда Неху Сим, подобно осьминогу, распустил свои шпионские щупальца.

Его все чаще можно было видеть на выставках военной техники, на научно-практических конференциях и семинарах, где обсуждались вопросы теоретического и прикладного характера, имевшие отношение к оборонной тематике. Обаятельный в общении и хороший психолог, Неху Сим вскоре обзавелся нужными связями, которые, в его представлении, могли вывести на секреты. Определившись с кругом потенциальных кандидатов в агенты, он принимался за их обработку — пускал в ход хорошо апробированный арсенал приемов: приглашение на ужин в ресторан, обсуждение смежной с секретной темы, если собеседник «клевал» на такую наживку, то дальше следовала безобидная просьба провести консультацию по проблемному вопросу. После таких обращений одни тут же рвали с ним все отношения, а другие, не заподозрив подвоха, незаметно для себя оказывались в его руках. Дальше им следовало предложение принять участие в совместном «взаимовыгодном бизнесе» по использованию российских технологий двойного назначения. Свой интерес к данной тематике Неху Сим мотивировал тем, что, по его мнению: «В России в данной области сохранилось много перспективных наработок, которые при ее нынешнем положении лежат мертвым грузом и не используются по назначению».

Эта активность дипломата, предпочитавшего исполнению своих официальных обязанностей поиск технологических новинок, имеющих специфический характер, не осталась без внимания российской контрразведки. Здесь уже пахло шпионажем, и потому с санкции суда в отноше-

нии Неху Сима была задействована вся мощь оперативных и технических средств, имевшихся в распоряжении различных служб ФСБ России. Теперь каждый его шаг за пределами посольства контролировался разведчиками наружного наблюдения. Профессионалы своего дела, они уже через несколько дней работы убедились, что он не понаслышке и не по фильмам знаком со сложнейшим ремеслом разведки. Умение проверяться и ловко уходить от слежки красноречиво говорило о том, что за плечами Неху Сима имелась солидная специальная подготовка. Прошло время, и из анализа его бесед с рядом российских граждан контрразведчики сделали вывод: объектом интереса иностранного разведчика являлись закрытые технологии в области изготовления и применения обычных, неядерных зарядов.

Настойчивость, с которой Неху Сим добивался этой цели и вел обработку своих связей, создавала реальную угрозу по втягиванию наших соотечественников в шпионскую деятельность, а в последующем вела к утечке секретных сведений, составляющих государственную тайну. Продолжать и дальше наблюдать за тем, как он подбирается к ним, контрразведчики не имели права. После всестороннего изучения полученных оперативных материалов, руководство Департамента военной контрразведки ФСБ России приняло решение сковать разведывательную деятельность Неху Сима и навязать ему свою оперативную игру. Но, прежде чем начать ее, начальнику отдела капитану первого ранга Виктору Морякову и его подчиненным, начальнику отделения подполковнику Александру Первушину и старшему оперуполномоченному по особо важным делам капитану второго ранга Андрею Охотнику, осуществлявшим непосредственную оперативную разработку Неху Сима, предстояло решить ряд непростых задач.

Первая из них заключалась в том, как сделать так, чтобы те знакомые Неху Сим из числа российских граждан,

которых он склонял к добыванию секретной информации, вольно или невольно не стали соучастниками преступления, и при этом не вспугнуть шпиона. А вторая, не менее сложная задача состояла в том, как убедить одного из них стать деятельным помощником контрразведчиков в его изобличении. После всестороннего изучения связей Неху Сима Первушин и Охотников сделали выбор в пользу той, на которую больше всего рассчитывал и сам шпион — Александра Борисова. Несмотря на бытовые трудности и неприятности на работе, Александр остался верен своим принципам, ради сиюминутной выгоды не шел на сомнительные сделки, а главное — в его представлении понятие «Родина» не потеряло своего значения. Опираясь на эти положительные качества, контрразведчики и построили с ним беседу. Настороженность, возникшая в ее начале, вскоре исчезла, а когда речь зашла о Неху Симе, Борисов откровенно рассказал о характере своих отношений с ним и сам выразил готовность участвовать в его разоблачении.

Определившись с помощником, руководители операции тем не менее не спешили подключать Борисова к оперативной игре и взяли паузу. Для того имелись причины. Искренность Борисова не вызывала сомнений, они опасались другого: в психологическом плане он мог выдать себя перед опытным и осторожным Неху Симом. Провал операции грозил обернуться значительным политическим ущербом и в без того непростых отношениях между двумя странами. Кроме того, еще раз взвесив потенциальные возможности Борисова как поставщика секретной информации, контрразведчики пришли и к другому неутешительному для себя выводу: отсутствие у него прямого выхода на секреты рано или поздно привело бы к утрате интереса к нему со стороны Неху Сима. А тот не сидел сложа руки и предпринимал одну за другой попытки через другие свои связи добыть интересующие его материалы. Ситуация в

любой момент грозила выйти из-под контроля контрразведчиков, и тогда в штабе операции решили провести очередную оперативную комбинацию — ввести в игру еще одного исполнителя. Того, кто помимо доступа к секретам обладал бы смелостью, находчивостью и определенными артистическими способностями.

Изучив нескольких офицеров академии, Охотников остановился на майоре Сергее Верном. В его пользу говорили не только незапятнанная биография, служба в горячих точках, прямой доступ к секретам, но и склонность к импровизации. Личная беседа с ним подтвердила правильность этого выбора. В ходе нее Верный держался уверенно, за словом в карман не лез, но и не бросался ими на ветер. В острых ситуациях, искусственно созданных Андреем, повел себя грамотно: показал быструю реакцию, обнаружил хорошее самообладание и проявил здоровое чувство юмора.

Результаты его изучения и состоявшейся беседы Охотников доложил своим руководителям Первушину и Морякову. Те одобрили этот выбор, но, прежде чем разрешить подключение к операции, рекомендовали проиграть в ролях будущую встречу с Неху Симом. Андрею с Сергеем на время пришлось стать одновременно сценаристами и артистами. Они внимательно изучили видеозаписи, произведенные разведчиками наружного наблюдения, чтобы составить полный психологический портрет того, с кем Верному предстояло сойтись лицом к лицу, а затем часами оттачивали каждый жест и шлифовали каждое слово, чтобы не вызвать подозрений у такого профессионала, каким являлся Неху Сим. На заключительном этапе подготовки строгие экзаменаторы Моряков и Первушин устроили Борисову проверку. Он прошел ее успешно, и они дали «добро».

Теперь, когда технические и организационные вопросы были решены, операция перешла в практическую стадию. Первый ход в ней предстояло сделать Борисову. Во время

очередной беседы с Неху Симом он наконец сообщил тому приятную новость о том, что в числе его знакомых есть несколько человек, которые, возможно, смогут помочь в решении интересующего их вопроса. И здесь сработала домашняя заготовка контрразведчиков: из двух кандидатов, как они и рассчитывали, шпион клюнул на Верного. Как только Борисов упомянул, что приятель является офицером и учится в военной академии, Неху Сим вцепился в него как клещ. Его интересовало все: в какой именно академии? Что изучает? Где раньше служил? В каком звании и какие испытывает материальные проблемы? Исчерпывающего ответа ему так и не удалось получить. Борисов, ссылаясь на то, что в эти темы с Сергеем они особо не углублялись, отделялся общими словами.

И все-таки один и очень важный для себя ответ Неху Сим получил, когда Борисов обронил: «На его майорскую зарплату в Москве не разгуляешься, и потому Сергею после занятий в академии приходится подрабатывать на стороне». Это был серьезный мотив, опираясь на который, шпион, вероятно, рассчитывал завербовать Верного и склонить к продаже секретных сведений. Своими соображениями на сей счет он не стал делиться с Борисовым — лишний свидетель, тем более в таком скользком деле, как шпионаж, всегда опасен — и ограничился просьбой дать на всякий случай номера телефона Сергея. Борисов не отказал. После этого контрразведчикам и Верному осталось только запастись терпением. Ждать звонка Неху Сима им долго не пришлось.

Вскоре на сотовый телефон Сергея последовал звонок. Незнакомый голос, в котором чувствовался легкий акцент, раздался в трубке. Представившись другом их общего знакомого Борисова, Неху Сим предложил встретиться, чтобы поговорить по вопросу, представляющему взаимный интерес, и спеша предупредить возможный отказ, пообещал: «О результате вам не придется жалеть». Сергей, помяв-

шись, согласился, и они договорились о времени и месте встречи.

Накануне ее Сергей с Андреем еще раз проиграли в ролях предстоящий разговор с Неху Симом. Строгий режиссер и одновременно зритель Первушин внес несколько поправок и утвердил окончательный вариант. Теперь дальнейший ход операции зависел от того, как сыграет свою роль Верный. До решающей встречи с Неху Симом оставалось меньше суток.

На следующий день задолго до встречи разведчики наружного наблюдения заняли исходные позиции на маршрутах подхода и вблизи намеченного места. Особые меры предосторожности были приняты в организации контроля за действиями самого Неху Сима. Такой опытный профессионал, как он, почувствовав за собой слежку, мог в самом начале положить конец операции. Первые его шаги показали, что эти опасения руководителей операции Морякова и Первушина были вполне обоснованны. В тот день Неху Сим покинул квартиру не с парадного, а через черный вход, по пути резко менял направления движения и прибегал к другим приемам, чтобы выявить за собой слежку. Эти его действия для контрразведчиков служили подтверждением того, что он тщательно готовится к встрече с Верным. Еще какое-то время Неху Сим накручивал круги по городу, а затем скрылся за высоким посольским забором.

Для руководителей операции Морякова и Первушина потянулись минуты и часы томительного ожидания. Они с нетерпением ждали от разведчиков наружного наблюдения сигнала о выдвигении Неху Сима на встречу с Верным. За два часа и пятнадцать минут до нее он выехал из посольства и, пытаясь сбить слежку со следа, около сорока минут кружил по городу и закончил эту карусель у станции метро. Оставив машину на стоянке, Неху Сим, смешавшись с толпой, спустился в метро и там продолжил путать следы.

Меры, предусмотрительно принятые контрразведчиками по его контролю, оказались не лишними. Техника их не подвела. На станции пересадки, Неху Сим предпринял очередной финт, чтобы обнаружить слежку. И там у него нашлись помощники — перед разведчиками наружного наблюдения засветились два сотрудника посольства. Они держались в тени и вели контрнаблюдение. Позже один из них появился вблизи места встречи с Верным.

Тем временем Сергей, покинув академию, захал в общезитие, сменил военную форму на гражданскую одежду и отправился на встречу. В назначенное время он был на месте. За несколько минут до него туда прибыл Неху Сим, но не спешил выходить на контакт и, словно прицениваясь, издавдала присматривался к Верному и тому, что происходило вокруг. Разведчики наружки, хорошо зная, с кем имеют дело, предусмотрительно заняли посты скрытного наблюдения. Убедившись в отсутствии слежки, Неху Сим подошел к Верному и, передав привет от Борисова, предложил пройтись и обсудить одну тему, которая может представлять взаимовыгодный интерес.

В штабе операции притихли и с напряжением ждали дальнейшего развития ситуации. Чувствительный микрофон, искусно замаскированный в барсетке Верного, позволял Морякову и Первушину улавливать малейшие оттенки в разговоре. Они внимательно слушали и анализировали каждое произнесенное собеседниками слово. Прошла минута, другая, и владевшее ими напряжение спало. Беседа проходила по одному из разработанных ими сценариев.

Прокачав Верного на нескольких проверочных вопросах, Неху Сим тонко перевел беседу на интересующую его тему. Сергей не ударил лицом в грязь и блеснул инженерными знаниями. Они произвели впечатление на шпиона. Он лишний раз утвердился в том, что с Верным ему повезло. Мало того что тот оказался высококлассным специалистом,

так еще, судя по всему, он имел прямой доступ к секретам, за которыми иностранная разведка охотилась уже много месяцев. Теперь Неху Симу оставалось только подобрать к нему нужный ключик, и здесь шпион решил сыграть на уже проверенной струне — алчности. Отметив блестящие инженерные знания Верного, он принялся исподволь прощупывать его. Посетовав на то, что в России многие интересные технические разработки лежат мертвым грузом, Неху Сим намекнул: «Если их с умом использовать, то это могло бы принести солидный доход».

Закинув наживку, шпион с нетерпением ждал ответа. Верный его не разочаровал. Помявшись, он ответил: «Вопрос, конечно, интересный, и над ним надо как следует подумать». Для Неху Сима это был обнадеживающий сигнал. Однако, чтобы не оттолкнуть от себя будущего поставщика секретов, он не стал форсировать события, но не преминул отметить: «Одна очень серьезная компания заинтересована в таких материалах и потому не останется в долгу». Верный, в свою очередь, не спешил обозначать размеры своего денежного интереса и, выполняя задание контрразведчиков, постарался детализировать характер и сферу интереса разведчика. Его вопросы и ответы на них Неху Сима позволили более точно определиться, на что конкретно нацелилась иностранная спецслужба. В завершение встречи Верный и Неху Сим, обменявшись номерами телефонами, договорились о дате и месте очередной встречи. За это время Сергей пообещал еще раз подумать над деловым предложением и подыскать что-нибудь подходящее.

На том они и расстались. Неху Сим, пытаясь обнаружить за собой слежку, снова затеял игру в кошки-мышки с разведчиками наружного наблюдения. А Верный, следуя отработанной вместе с Первушиным и Охотниковым линии поведения, продолжал играть роль неразборчивого в средствах и безбашенного человека. По пути в общежитие

академии он зашел в «Рюмочную», принял на грудь сто пятьдесят грамм водочки, как говорится, для обводочки, на том не остановился, добавил кружку пивка для рывка и на веселе двинулся дальше. Это его поведение было рассчитано на тех, кто, возможно, вел за ним наблюдение. Оно должно было убедить их в том, что они имеют дело не с подставой российских спецслужб, а с «окопным» офицером, вырвавшимся из медвежьего угла в столицу и помышляющим только о том, как бы зацепиться за нее или приобщиться к доходному делу. Такая предусмотрительность контрразведчиков оказалась вовсе не лишней. За Сергеем увязалось два «хвоста», тех самых, что засветились перед разведчиками наружного наблюдения на станции метро. Проводив его до дверей общежития академии, они растворились в людской толпе.

Сергей поднялся на этаж, где в одной из комнат его с нетерпением ждали Первушин и Охотников. В первую минуту ими овладели эмоции, а когда они схлынули, Верный поделился первыми впечатлениями от встречи с Неху Симом. Контрразведчиков интересовало все, вплоть до малейших нюансов в его поведении, которые не могли передать скрытая видекамера и диктофон. Сергей, стараясь не упустить деталей, подробно пересказал беседу со шпионом. Ее результатами Первушин и Охотников остались довольны — Неху Сим, похоже, ничего не заподозрил.

Однако ряд подвохов они обнаружили позже, когда военные инженеры детально изучили вопросы Неху Сима, поставленные перед Верным. То, на что не обратили внимания контрразведчики, заметили специалисты. Ловушка таилась в самих вопросах. Любая фальшь или неточность при раскрытии устройств систем неядерных взрывных устройств была бы обнаружена иностранными научными работниками, и тогда на операции можно было бы ставить крест. Выход из положения Андрею пришлось искать вме-

сте со специалистами, и он нашелся в близких к оригиналу разработках. Взяв их за основу, инженеры внесли в них незначительные изменения, которые не меняли принципиально самого устройства, но существенно сказывались на выходных параметрах .

Накануне оговоренной с Неху Симом встречи Верный уже располагал ответами на его вопросы. Но в оперативном штабе операции приняли решение перенести ее на более поздний срок. Моряков, Первушин и Охотников посчитали, что подобная поспешность со стороны Сергея могла насторожить подозрительного Неху Сима, и потому решили потянуть время, чтобы создать у него впечатление, будто бы у будущего агента идет мучительная борьба мотивов. С одной стороны, он был как бы не прочь заработать, а с другой — опасался за последствия, связанные с разглашением сведений, составляющих государственную тайну.

Накануне телефонного разговора с Неху Симом Андрей с Сергеем еще раз в ролях проиграли его. Первушин остался доволен. Когда Неху Сим позвонил, Верный уже был готов к разговору. Агент, поинтересовавшись настроением Сергея, напомнил о предстоящей встрече. Ответ заставил его напрячься. Верный унылым голосом сообщил: «Не все так просто, и вообще, мне кажется, из этого дела ничего не выйдет». Неху Сим, опасаясь, что разговор на том закончится, принялся с жаром убеждать: «Все нормально. Здесь нет ничего рискованного, — и снова напомнил: — Компания не останется в долгу и покроет все издержки». Сергей пообещал подумать, и они договорились встретиться через несколько дней.

На встречу Неху Сим пришел один, что лишний раз свидетельствовало о доверии к Верному со стороны иностранной спецслужбы. Разговор между ними сразу принял деловой характер. Выслушав Сергея, Неху Сим задал несколько уточняющих вопросов и, получив исчерпывающие

ответы, остался доволен. Они убедили его в том, что он находится на пути к цели. А Верный, следуя отработанной легенде, поинтересовался размером будущего вознаграждения. Неху Сим уклонился от конкретного ответа, но пообещал: «Вы не будете обижены, а окончательная сумма гонорара определится после того, как специалисты поработают над материалом». Сергея такой ответ не устроил. Он стал в позу и принялся набивать себе цену, не преминув отметить: «Такие материалы на дороге не валяются». Неху Сим с ним согласился и подтвердил готовность хорошо заплатить. На том они и расстались.

Перебросив на сторону противника свой мяч, в оперативном штабе операции с нетерпением ожидали ответного хода. И он вскоре последовал. Не дожидаясь, когда истечет срок, оговоренный с Верным, Неху Сим позвонил и предложил ему встретиться. В ходе встречи он отметил ценность сообщенной им информации и высказал просьбу добыть документальные материалы, в которых содержались бы не только описания, но также конструкции специальных взрывных устройств, и дал их перечень. Верный, помявшись, согласился. На этот раз они не стали оговаривать время и место следующей встречи. Неху Сим согласился с предложением Сергея провести ее, когда тот будет располагать техническим описанием взрывного устройства «Z».

С того дня операция перешла в активную фазу. Оценив ее ход, Моряков, Первушин и Охотников пришли к выводу о целесообразности завершения оперативной игры с Неху Симом путем захвата его с поличным. Их предложение нашло поддержку у руководства Департамента военной контрразведки ФСБ России. Техническое описание, за которым охотился дипломат-разведчик, оказавшись в его руках, стало бы неопровержимым доказательством проводимой им шпионской деятельности.

Вместе с тем использование в качестве наживки подлинного техописания Моряков посчитал слишком рискованным, так как не исключал обстоятельств, при которых оно могло выйти из-под контроля его подчиненных и безвозвратно перейти в руки Неху Сима. В этой связи он поручил Первушину вместе с Охотниковым подготовить точную его копию и внести в нее такие параметры взрывного устройства, которые бы существенно отличались от истинных. Решать эту далеко не простую задачу им пришлось с помощью военных специалистов. В сжатые сроки они переработали многостраничный документ. После чего их труд внимательно, от корки до корки изучили эксперты и дали заключение: «В случае утечки сведений к иностранной службе ущерб обороноспособности страны не будет нанесен».

Теперь, когда техническая сторона операции была обеспечена, пришло время для действий Верного. Он позвонил Неху Симу и сообщил, что заказ выполнен, а затем предложил встретиться. Перед этим Охотникову и Первушину пришлось изрядно поколесить по Москве, чтобы выбрать именно это место. Капкан, который они подготовили, максимально ограничивал свободу действий шпиону и позволяя группе захвата расположиться предельно близко к нему. Неху Сим принял предложение Верного и назначил время встречи.

Оставшиеся до нее часы Сергей, Андрей и сотрудники из группы захвата постарались использовать с максимальной пользой. Под наблюдением Морякова и Первушина они раз за разом отрабатывали на местности каждый свой шаг и каждое движение заключительного этапа операции — поимку Неху Сима с поличным. Моряков был неумолим и не прощал ни малейшей неточности. Бедолаге, игравшему роль незадачливого шпиона, приходилось несладко. Он раз за разом испытывал на себе крепость рук коллег и глотал пыль, когда валился на землю. Обкатав до автоматизма все воз-

можные варианты, контрразведчики закончили тренировку и, положившись на себя и удачу, отправились отдыхать.

Последнюю ночь перед завершением операции Сергей, Андрей и ее руководители провели в беспокойном сне. Боевые офицеры, прошедшие через «горячие точки», они испытывали не меньшее волнение, чем перед первым своим боем. И для того имелись веские причины. Малейший просчет с их стороны мог обернуться серьезным политическим ущербом. Размазать по асфальту, да еще без достаточных улик, иностранного дипломата пусть и не совсем дружественной страны — это было непозволительно даже в такой пиратской стране, как Сомали.

Погожее утро и бодрый голос певца Иосифа Кобзона, доносившийся из телевизора, прибавили настроения Верному. словно по заказу шла очередная серия ставшего хрестоматийным для нескольких поколений советских и российских контрразведчиков и разведчиков телефильма «Семнадцать мгновений весны». В ней знаменитый разведчик Исаев-Штирлиц в очередной раз избежал коварной ловушки «старины Мюллера» и спас радистку Кэт.

Отметив это как добрый знак, Сергей закончил завтрак и отправился на занятия в академию. В тот день он мало что запомнил из лекции седовласого полковника-минера. Его мысли занимала предстоящая встреча с Неху Симом. До нее оставались считанные часы. Прежде чем отправиться на место, Сергей встретился с Андреем и взял у него пакет с увесистым томом технического описания. Пожелав друг другу удачи, они расстались, чтобы вскоре сойтись с Неху Симом на условленном месте.

Сергей, как ему рекомендовал шпион, прежде чем выйти на контакт, покружил по городу. То же самое в это время в сопровождении сотрудников посольской резидентуры проделывал сам Неху Сим. Разведчики наружки с дальних позиций вели за ними наблюдение. Их доклады в оператив-

ный штаб операции убеждали Морякова в том, что шпион и посольская резидентура нацелились на съём информации с «объекта» — Верного.

Изрядно помотав наружку по лабиринту московских улиц, Неху Сим за несколько минут до назначенной встречи подъехал на место. Оставив машину на стоянке, он, усмотрев Верного, быстрым шагом направился к нему. Тот нервными шагами мерил крохотный пятак. Ему не давала покоя молодая парочка, прогуливавшаяся поблизости. Их характерная восточная внешность говорила о том, что Неху Сим страховался от случайностей. И в своем выводе Сергей не ошибся. В оперативном штабе операции тоже обратили на них внимание и забили тревогу. В парочке опознали двух установленных сотрудников посольской резидентуры, но что-либо предпринять уже не могли. Дальнейшее развитие операции и ее результат зависел от Верного

Неху Сим сблизился с ним. На этот раз он был краток, поинтересовался наличием материала и, получив утвердительный ответ, торопливо сунул Верному задаток и вцепился в пакет с техописанием. Сергей не успел открыть рта, как шпион быстрым шагом направился к машине. В ней, защищенный дипломатическим иммунитетом, он был уже недосыгаем для контрразведки. Оживилась и парочка. Они двинулись ему на подстраховку.

Все решали мгновения. Морякову не понадобилось давать команду. Андрей и группа захвата, прочувствовав момент, бросились на перехват. Их не смущал статус Неху Сима. С того момента, как в его руки перешли документы, он потерял дипломатический иммунитет. Группа парней спортивного сложения молниеносно сомкнула вокруг шпиона плотное кольцо и отсекала от сотрудников посольской резидентуры. Андрей заходил к Неху Симу со спины и мысленно молил, чтобы тот не успел избавиться от улики — увесистого тома, над составлением которого не один день трудились

лучшие военные специалисты. Наступил решающий этап операции — захват шпиона с поличным. В последний момент он почувствовал опасность, и здесь выдержка изменила ему. Страх взял верх над профессионализмом. Улика — увесистый том с «секретами» — выдавала его с головой. Неху Сим лихорадочно заметался в поисках выхода. Проглотить несколько сот страниц, как это частенько в фильмах делали с шифровками провалившиеся шпионы, при самом зверском аппетите было ему не под силу.

Андрей ловил каждое движение Неху Сима. И когда знакомая до мельчайших деталей книга взметнулась в воздух, его сердце екнуло. Между ними зиял мрачный провал канализационного люка. Достаточно было одного движения руки, чтобы улика исчезла в урчащей и клокочущей утробе. Андрей перепрыгнул через люк и ринулся вперед. Слева и справа от него бежали другие участники группы захвата. Руководители операции приникли к монитору — все решали секунды! — и в следующее мгновение с облегчением вздохнули.

Неху Сим окончательно потерял над собой контроль, и им руководил уже не разум, а примитивные инстинкты. Он принялся рвать книгу на части. А она, сделанная на совесть, никак не поддавалась. Оператор и фотограф, появившиеся словно из-под земли, бесстрастно фиксировали каждое движение Неху Сима. Искаженное судорогой лицо шпиона крупным планом возникло на мониторе в штабе управления операцией, а потом провалилось вниз. Группа захвата впечатала его в асфальт. Он еще несколько раз трепыхнулся, а когда на запястьях защелкнулись наручники, окончательно сник.

— Классно работают!

— Ребята, сюда! Тут кино снимают!

— Как называется?

— Про шпионов или бандитов? — неслись с разных сторон возбужденные возгласы. Толпа зевак прибывала.

Самые неугомонные, желая сыграть в массовке, норовили попасть под объектив кинокамеры.

— Все, ребята, расходимся! Кина не будет! — объявил Андрей.

— Как?! — над толпой пронесся общий вздох разочарования.

— Пленка закончилась! — отрезал он и распорядился: — Парни, поднимайте этого и тащите в машину!

Бойцы из группы захвата рывком оторвали Неху Сима от асфальта. Его тело безвольно обвисло на их плечах. Всю дорогу и позже, оказавшись в приемной ФСБ на Кузнецком мосту, он не мог выйти из ступора. Для контрразведчиков время, проведенное с ним в ожидании приезда представителя посольства, тоже стало непростым испытанием. Такие слабонервные шпионы им давно не попадались. С Неху Сима ручьями катил пот, а на сиденье все шире расплывалось серое пятно. В лучах яркого солнца оно начало парить, и тошнотворный запах распространился по комнате. Спасая Неху Сима от полного позора, представителю посольства пришлось захватить с собой не только дежурный набор документов, но и пару свежего белья.

Процедура передачи незадачливого дипломата-шпиона заняла не много времени. Фиаско для всех было очевидно, и потому обе стороны не испытывали желания продлевать его. Спустя сутки в сопровождении мрачного сотрудника службы безопасности посольства Неху Сим выехал в аэропорт, чтобы навсегда покинуть пределы России и отправиться на родину. В печати и на телевидении скупно упомянули о высылке из страны очередного провалившегося дипломата-шпиона. Так российская контрразведка тихо и без лишней помпы завершила еще одно свое дело.

Андрей Охотников, освободившись от Неху Сима, а вместе с ним и от груза колоссальной ответственности, возвратился в отдел. В тот поздний час в его коридорах и

кабинетах царила тишина. Устало ответив на приветствие дежурного, он поднялся на третий этаж, зашел к себе в кабинет и без сил рухнул в кресло. Внутри была абсолютная пустота, операция забрала его всего без остатка. Андрей закрыл глаза, и перед ним с бешеной скоростью завертелся калейдоскоп, в котором смешались тела, руки и лица. Мозг продолжал жить операцией. Он снова открыл глаза, взгляд скользнул по стене и остановился на фотографии.

С нее широко улыбался жизнерадостный лейтенант-моряк. За его спиной угадывался суровый северный пейзаж. На другом снимке свинцовую гладь бухты пенил тупой нос атомной субмарины, на которой он проплавал несколько лет, совершил две кругосветки и пережил одну «аварийку». С таким послушным списком уже капитану-лейтенанту Охотникову была прямая дорога в военную контрразведку.

И слабая улыбка осветила лицо Андрея. Там, в столице Сибири Новосибирске, перед ним, простым флотским офицером, открылся захватывающе интересный мир отечественной спецслужбы. Он без оглядки окунулся в него с головой, и страницы, когда-то прочитанных им книг о разведчиках и контрразведчиках ожили наяву. Постигая азы профессии, Андрей научился угадывать за сухими строчками документов хитроумно сплетенные оперативные комбинации и мастерски проведенные операции. Год учебы пролетел как один миг. Отшумел выпускной вечер, и он с тихой грустью покинул ставший почти родным Новосибирск. Впереди его ждало суровое Заполярье и служба в отделе военной контрразведки флота.

За долгие годы, проведенные на Севере, Андрею пришлось повидать всякого. Вместе с экипажами подводников он выходил в океан на боевое дежурство, на суше вместе с коллегами защищал от иностранных разведок секреты атомного подводного флота и бескомпромиссно боролся с теми, кто пытался поживиться за счет государства. Все это время

контрразведчик Охотников по-прежнему продолжал жить нуждами и заботами флотского коллектива, а их проблемы воспринимал как свои. И суровые моряки, с которыми ему приходилось служить и жить бок о бок, считали его своим и старались помочь в оперативной работе.

Следуя девизу: «Без разведки армия слепа, а без контрразведки беззащитна», Андрей делал все, что было в его силах, чтобы она не стала таковой. А это было далеко не просто. Август 91-го расколол армию и страну, вверг их в тяжкие испытания. Вместе с военными моряками контрразведчики пережили лихолетье девяностых годов и последующие болезненные реформы. Благодаря их терпению и самоотверженности флот выжил и начал возрождаться. Все чаще андреевский флаг стал появляться у дальних берегов. И здесь Андрея ждало новое испытание.

Его взгляд скользнул выше, и глаза холодно блеснули. С любительской фотографии на Верного смотрели суровые лица солдат и офицеров. На дальнем плане виднелись изрешеченные снарядами и пулеметными очередями развалины домов. Чечня 2000 года. Война, в которой он потерял товарищей и которая осталась в его сердце незаживающей раной. Там, среди стреляющих и взрывающихся гор, ему пришлось сполна познать цену жизни и цену смерти, цену настоящей мужской дружбы и цену подлого предательства, испить до дна горькую чашу страданий.

Повзрослевший, но не очерстевший душой, Андрей возвратился на Север в родной отдел и с головой окунулся в работу. На смену юношескому задору пришел трезвый рационализм, и результаты не замедлили сказаться. Его профессиональная хватка не осталась незамеченной руководителями Управления контрразведки. Очередное назначение для Андрея стало полной неожиданностью. Оказаться в Москве, в ведущем подразделении контрразведки — об этом можно было только мечтать. Быстро освоившись на

новом месте, он вскоре непосредственно столкнулся с иностранными разведчиками и начал против них свою охоту. Поединок с Неху Симом стал его первой победой.

Андрей повернул голову вправо, и горделивая улыбка снова появилась на его лице. Потускневшие от времени буквы: «Теперь уже не опасен», выведенные предшественником над тусклыми портретами разоблаченных предателей и шпионов, напоминали о том, что военная контрразведка не зря ест свой хлеб. Сегодня к ним прибавился еще один — Неху Сим. Он тоже стал не опасен

Охотников откинулся на спинку кресла, свинцовая усталость навалилась на него, и голова упала на грудь. В сумеречном сознании путались воспоминания, всплывали размытые образы, звучали обрывки фраз. Приятная истома разлилась по телу, и он погрузился в сон. Блеклый луч заходящего солнца ласково прошелся по щеке, скользнул по стене и, отразившись от люстры, померк. Кабинет погрузился в полумрак.

Андрей спал безмятежным сном и не слышал, как скрипнула дверь. Быстрые шаги прозвучали за спиной, и чья-то твердая рука легла на плечо. Он встрепенулся, с трудом поднял голову и открыл глаза. В полумраке угадывался седой ежик ветерана отдела Николая Ивановича Добролюбова.

— А, вот где прячется охотник на шпионов?! — добродушно пробасил он.

— Да какой я охотник, — смущенно произнес Андрей.

— Самый что ни на есть настоящий! Или ты от фамилии отказываешься?

— Нет.

— Тогда почему от народа скрылся?

— Я только на минуту зашел, присел и расслабился.

— Рано расслабился, враг не дремлет! Поднимайся, пошли! Осталось еще одно важное дело.

— Куда? Какое?

— Пошли, пошли, не пожалеешь! — поторапливал Добролюбов.

Теряясь в догадках, Андрей поднялся из кресла и последовал за ним. Они спустились во двор. Там на стоянке сиротливо стояла отделовская «Волга». Перед ней смущенно переминался водитель.

— Заводи, Костя! — распорядился Добролюбов, затем распахнул переднюю дверцу и предложил Охотникову: — Садись, Андрей!

— Николай Иванович, так я вроде не начальник, — замылся он.

— Сегодня ты самый главный начальник. Садись! — был неумолим тот и мягко подтолкнул в спину.

— И все-таки, куда едем? — пытался прояснить ситуацию Андрей.

Но так и не добился ответа, Добролюбов лишь загадочно улыбался, и Андрей вынужден был занять переднее место. Водитель тронул машину. Она с трудом вклинилась в ревущую, слепящую глаза автомобильную лаву, разлившуюся по Садовому кольцу и, кажется, готовую вот-вот выплеснуться из каменно-бетонных берегов. Наконец Константину с большим трудом удалось вырваться из транспортного капкана и свернуть на стоянку перед рестораном. Андрей догадался, что ждет впереди, и, ссылаясь на усталость, предпринял еще одну безуспешную попытку отказаться. Добролюбов был неумолим и увлек его ко входу.

Величественный будто памятник швейцар при виде двух офицеров сошел с пьедестала — верхней ступеньки, склонил голову в низком поклоне и проводил до двери. Они прошли через вестибюль и остановились перед входом в зал. Блеск софитов ослепил Андрея, а Добролюбов, решительно раздвинув плечом полубогемную тусовку, направился к отдельному кабинету. Прежде чем зайти, он поправил у Андрея сбившуюся прядь волос и только потом распахнул шторы.

Охотников сделал шаг и в следующее мгновение оторопел. Негромкая команда подполковника Александра Первушина: «Товарищи офицеры!» — подняла из-за стола сослуживцев. Строгая военная форма и награды на груди подчеркивали торжественность момента.

«Товарищи офицеры!» — сорвалось с губ Андрея. Они сели, а он продолжал стоять и не находил слов. Он был до глубины души растроган их искренним признанием его профессионального успеха, и колючий ком подкатил к горлу. В эти мгновения Андрей снова ощутил себя там, в прокаленных солнцем и продуваемых всеми ветрами горах Чечни, где боевое братство ценилось дороже всего.

На следующий день Охотников отправился в академию, чтобы отыскать Сергея и поблагодарить за то, что он совершил. Того на месте не оказалось, учебная группа выехала за город для участия в полевых занятиях. Встретились они через неделю. За это время в них еще не остыл накал той работы, которой они отдавались сполна все последние недели. Она, объединившая военного контрразведчика и армейского офицера, подняла их над обыденностью бытия и наполнила сердца гордостью. Им удалось сделать то, что дано далеко не каждому, — в тайной борьбе переиграть опытного, хитрого противника, и не на словах, а на деле постоять за свое Отечество.

В разговоре они снова и снова возвращались к перипетиям прошедшей операции. Сергей продолжал жить ею и терзал Андрея вопросами. Ему не давала покоя мысль о том, что в последний момент Неху Сим мог расшифровать его и избавиться от улики. Вырезка из газеты, в которой сообщалось о высылке из России шпиона-дипломата, которую положил на стол Охотников, стала для Сергея самым дорогим подарком. В тот момент и потом, в конце разговора он не заикнулся ни о награде, ни об очередном звании, ни об освобождении от экзаменов. А когда они расставались,

то в его погрузневших глазах Андрей прочитал сожаление, что такой работы у них больше не будет.

Но то была не последняя их встреча. Спустя время Охотников пригласил Верного в отдел. В кабинете капитана первого ранга Морякова в присутствии подполковника Первушина тот еще раз от лица контрразведчиков поблагодарил Сергея за неоценимую помощь, оказанную им в изобличении Неху Сима, и огласил приказ директора ФСБ о его награждении. И здесь боевой офицер, познавший цену жизни и цену смерти, не сдержался. Он заплакал. Повлажнели глаза и у контрразведчиков. В те памятные для каждого мгновения их объединяла не только радость от удачно выполненной трудной работы, а нечто большее. И это большее для них, военных людей, посвятивших себя служению Отечеству, заключалось в том, что и в мирное время они смогли с честью послужить Родине.

Позже в нескольких центральных газетах появилось скупое сообщение о вручении государственных наград ряду сотрудников органов безопасности и российским гражданам, внесшим существенный вклад в обеспечение безопасности страны. Это сообщение затерялось среди сотен других. Большинство однокашников Сергея Верного вряд ли обратили на него внимание. Они не могли и предположить, какую важную роль он сыграл в изобличении шпиона. Сам Сергей хранил глубокое молчание. Разведка и контрразведка не любят грома победных фанфар. В большинстве случаев ее успехи и подлинные имена героев становятся достоянием широкой общественности лишь спустя многие годы.

Завершив свою короткую и яркую работу в контрразведке, майор Верный принялся наверстывать упущенное в учебе. Спустя год, сдав государственные экзамены и защитив диплом, он отправился к новому месту службы. Дальнейшие его успехи теперь уже зависели от самого Сергея и командирской удачи. Но нет сомнений в том, что в его памяти

навсегда останется та вдохновенная и самоотверженная работа, которую он выполнил вместе с военными контрразведчиками, разоблачив очередного шпиона.

Пройдут годы, и на склоне лет убеленный сединами полковник, а может, и генерал Верный, так же, как и его предшественник, армейский офицер Петр Прядко, в годы Великой Отечественной войны по заданию контрразведки Смерш проникший в гитлеровскую разведку абвер и сумевший добыть данные на сто тридцать ее кадровых сотрудников и агентов, с гордостью повторит своим детям: «В жизни настоящего мужчины важны две вещи: вдохновенная работа и любовь женщины. Мне повезло и с тем и с другим».

На каждого Хитрюка найдется свой контрразведчик

Прибалтика — Эстония, Латвия, Литва, янтарные бусины в ожерелье некогда братских советских республик, — в не столь уж отдаленные времена в сознании большинства граждан бывшего Советского Союза ассоциировались с окошками в западный мир. Во времена всеобщего дефицита, когда издерганные и измученные вечным стоянием в бесконечных очередях простодушные сибиряки и уральцы попадали в Таллин, Ригу или Вильнюс, то в первые дни теряли дар речи. Вместо свиных хвостов и «козых» морд, которые чаще всего приходилось видеть в собственных магазинах, перед ними представляли прилавки, ломившиеся от изобилия товаров. Стыдливо пряча глаза под снисходительными взглядами продавцов, они суетливо набивали сумки копчеными окороками, банками шпрот, знаменитым рижским бальзамом или таллинским ликером.

Ошалевшие, они бродили по узким улочкам древних городов, и на их глазах оживали полузабытые сказки. Мощные крепостные стены могучей цитадели, перед которыми, казалось, сама история смиряла свой неукротимый нор, несмотря на войны и революции, бережно охраняли релик-

вии прошлого. Под сводами величественного замка мирно соседствовали немецкие рыцари и дружинники Александра Невского. Храм его имени не перекрывал дороги в католический собор. Русская, эстонская, латышская и литовская речь свободно звучала не только в столицах республик, но и в отдаленных поселках. Люди разных национальностей и разных взглядов находили общий язык и были выше прошлых исторических обид и трагедий.

В конце 80-х, когда монополии КПСС на власть пришел конец, республики Прибалтики первыми стали искать выход из душающей атмосферы советского лжекоммунизма. В то время как брошенные на произвол судьбы местные партийные вожди пытались сохранить «социализм с человеческим лицом», деятельные националисты, кто искренне, кто злонамеренно, цинично играя на искренних чувствах людей, достали из темного исторического чулана затхлое, отвратительное чучело сталинизма и, потрясая им, столкнули между собой народы.

В августе 1991 года рухнул СССР. Раньше его падения Литва, Латвия и Эстония стали независимыми от бывшей советской империи, но не свободными. Эти три «пуговицы на балтийском кафтане» хозяева нового миропорядка поспешили пристегнуть к старому, сшитому портным прошлой холодной войны, натовскому фраку. Уверяя Москву в мирных намерениях, они принялись активно закрепляться на новом плацдарме. Ключевая роль в реализации плана вовлечения прибалтийских республик в военно-политические структуры Североатлантического блока отводилась Литве. Связано это было с ее стратегическим расположением: через территорию республики проходят сухопутные транспортные коридоры, связывающие Россию с ее передовым форпостом — Калининградской областью.

В те окаянные августовские дни, когда еще не успела осесть националистическая пыль на обломках социализма

с «человеческим лицом», в коридорах и кабинетах когда-то всемогущего и всезнающего КГБ Литвы появились немногословные американцы и британцы — кадровые сотрудники из ЦРУ, ФБР, МИ6 и МИ5. Вместе с немногочисленной группой работников национальной разведки и контрразведки, прошедших интенсивную подготовку в «питомниках» спецслужб США и Великобритании, они принялись выжигать каленым железом остатки «чекизма» из самых потаенных углов. Бывшие сотрудники КГБ, независимо от срока пребывания в должности и национальной принадлежности, безжалостно вышвыривались за ворота с «волчьим билетом». В поисках затаившихся «агентов Москвы» ретивые ревизоры прошлого тщательно перелопачивали дела и особые папки, хранившиеся в нестораемых сейфах и специальных архивах. Москва для политиков того времени превратилась в противника номер один. Для борьбы с ее «имперскими устремлениями» в спешном порядке в составе Министерства охраны края (МОК) Литовской Республики был образован 2-й Департамент оперативной службы (военная разведка и контрразведка). Свои разведывательные и контрразведывательные структуры создала Оперативная служба Департамента пограничной службы (ОСДПС).

С момента образования и по наши дни литовские спецслужбы основные свои усилия направляют на добывание политической, экономической и военной информации о России. Многие разведывательные и контрразведывательные задачи ими выполняются в интересах так называемого «старшего брата» — США. Особое место в проведении шпионской деятельности МОК и ОСДПС отводится Калининградской области. Ее промышленный, а в большей степени военный потенциал представляет первостепенный интерес для литовских спецслужб и их партнеров по НАТО.

В первые годы становления из-за отсутствия практического опыта и квалифицированной агентуры на российской

территории литовской разведке, чтобы добывать информацию, приходилось прибегать к помощи тех, кто оказался под рукой. В ход шли пенсионеры и бывшие пионеры, имевшие родственников или деловых партнеров в Калининградской области и других российских регионах. Не мудрствуя лукаво, сотрудники МОК и ОСДПС засылали на территорию России скороспелых агентов-маршрутников, агентов-наблюдателей с простейшими заданиями: посмотреть, а при возможности сфотографировать тот или иной объект, в разговорах с российскими военнослужащими попытаться получить от них информацию о назначении части, ее структуре, типе вооружений, его тактико-технических характеристиках и т. д. Ряд из них, не успев выполнить задания, были разоблачены.

В частности, органами российской контрразведки в Кронштадте при проведении разведывательной деятельности, направленной на сбор секретной и служебной информации о Балтийском военно-морском флоте, был задержан с поличным агент литовской военной разведки Аудрюс Навицкас.

Чуть позже решил потряхнуть стариной агент 2-го Департамента оперативных служб Министерства охраны края Шюшас Витаутас Владас. Несмотря на преклонный возраст, семьдесят шесть лет, он, подвижный не только давней неприязнью ко всему российскому, но и денежным интересом, взял на себя хлопотную роль агента-связника. Выполняя задания, Шюшас неоднократно въезжал на территорию России, встречался с оперативными источниками ДОС МОК и получал от них информацию или документы, содержащие сведения военного характера. Активный агент не ограничивался только доставкой шпионских материалов в спецслужбу, при случае сам не упускал возможности поработать на этой ниве. Лишний евро или доллар карман не тянул, и потому старик лез из кожи вон, чтобы обеспечить

себе безбедную старость. Заниматься подобными делами, да еще в таком возрасте, не только трудно, но и, должно быть, стыдно, но Шюшас стыда не испытывал и ради денег, кажется, готов был перепрыгнуть через самый высокий армейский забор.

Его седая голова вблизи военных объектов вскоре примелькалась российским контрразведчикам, и он был взят в активную оперативную разработку. В августе 2006 года во время очередного приезда в Калининградскую область запоздалой шпионской карьере Шюшаса пришел конец. При получении секретной информации, которая оказалась муляжем, ловко выполненным контрразведчиками, литовского шпиона взяли с поличным.

Убедительные вещественные доказательства, а также видеозапись встречи с российским гражданином, от которого Шюшас получил секретную информацию, не оставляли ему иного выбора, как признаться в проведении шпионской деятельности против Российской Федерации. Нечего было сказать в его защиту и консулу Литвы в городе Советске Калининградской области Арунасу Каминкасу. В сложившейся ситуации ему ничего другого не оставалось, как только принести извинения и просить российскую сторону о снисхождении к престарелому и сразу же оказавшемуся тяжелобольным Шюшасу.

В руководстве ФСБ сочти возможным проявить добрую волю и не подвергать шпиона уголовному преследованию. А чтобы лишний раз не позорить седин Шюшаса, российские контрразведчики, дав ему легкого пинка под зад, без лишнего шума выдали литовским властям.

Шли годы; литовские спецслужбы набирались профессионального опыта и матерели. Времена наспех подготовленных одноразовых агентов-маршрутников и агентов-наблюдателей остались в прошлом. Теперь в своей разведывательной деятельности спецслужбы ориентировались на

приобретение источников информации среди российских граждан, имеющих доступ к сведениям, составляющим государственную тайну. Предпочтение при вербовках отдавалось военнослужащим армии, флота и МВД.

Пальма первенства в этом бесславном ряду провалившихся литовских шпионов принадлежала бывшему сотруднику Пограничного управления по Калининградской области С. Ветреному. Путь к предательству для него начался с банальной самоволки. В теперь уже далеком и ставшем для Ветреного роковым 1994 году он нес службу в составе наряда по охране российской границы в районе поселка Гиренай Вилкавишоского района Литовской Республики.

В те годы для многих россиян и литовцев понятие границы имело условный характер. Они с горечью говорили: «До этой сосны наша земля, а вот с той начинается ваша» и по привычке продолжали ходить по старым тропкам. Поэтому Ветренный не находил ничего зазорного в том, чтобы сбегать за покупками в литовский магазин, это было гораздо проще, чем тащиться в свой за тридевять земель. Его вылазки в Гиренай не остались без внимания разведки ОСДПС.

В тот погожий зимний день 94-го Ветренный, отправляясь на литовскую сторону, чтобы купить сигареты, не подозревал, каким кошмаром обернется для него самоволка. Покинув пост, пограничник по протоптанной дорожке направился в Гиренай. Под ногами весело похрустывал тонкий ледок, а бодрящий морозный воздух приятно кружил голову. Впереди показались окраины поселка, и Ветренный прибавил шаг. Редкие прохожие, попадавшиеся на пути, скользнув взглядом по российскому пограничнику, спешили отвести глаза в сторону. В магазине, несмотря на час пик, на удивление, никого не оказалось. Это, а также внезапно проснувшаяся в продавщице словоохотливость, не насторожили Ветреного. Увлечшись беседой, он не сразу услышал, как за спиной тревожно скрипнули половицы, и оглянулся.

Бежать было поздно: литовский пограничный наряд перекрыл выход и потребовал проследовать за ним. Ветренный вынужден был подчиниться. Его доставили на пограничную заставу «Гиренай». Там нарушителя границы ждало новое испытание — встреча с сотрудниками разведки оперативного отдела Пагегяйского отряда Вальдемарасом Жемантаускасом и Стасисом Урбанавичусом. Не дав Ветренному опомниться, они взяли его в крутой оборот: погрозили «кнутом» — незаконным переходом государственной границы. Не устояв под их напором, он «поплыл» и стал умолять о снисхождении, и тогда литовские разведчики поманили растерявшегося пограничника «пряником». Пообещав не поднимать шума, они потребовали, чтобы Ветренный рассказал о структуре пограничного управления, кадровом составе, задачах, решаемых различными структурными подразделениями, и т. д.

Он, выдавливая из себя слово за словом, разгласил сведения, составлявшие государственную тайну, наивно рассчитывая, что его с миром отпустят домой. Но не тут-то было, не для того литовская разведка затевала свой спектакль. «Выпотрошив» загнанного в угол российского пограничника, Жемантаускас и Урбанавичус принялись его шантажировать и требовать, чтобы стал работать на них. Ветренный, припертый к стенке собственными показаниями, поддался давлению и согласился на сотрудничество. Непослушной рукой теперь уже агент литовской разведки Ветренный написал подписку и взял на себя обязательства выполнять ее задания по сбору секретных и иных сведений о российских пограничных, армейских и флотских частях, дислоцирующихся на территории Калининградской области, сообщать установочные, характеризующие и компрометирующие данные на своих сослуживцев.

С того дня у Ветреного началась двойная жизнь. Для коллег и друзей он по-прежнему оставался своим и, пользу-

ясь их доверием, добывал для литовской разведки сведения, касавшиеся оперативно-служебной деятельности пограничного управления, собирал установочные и характеризующие данные на сотрудников, а также сообщал о готовящихся контрабандных сделках на российско-литовской границе и т. д. Взамен Жемантаускас и Урбанавичус время от времени побрасывали ему денежную подачку. В большинстве случаев она составляла не более ста пятидесяти лат.

Такая двойная жизнь быстро измотала Ветреного. Вылазки на сопредельную сторону для явок с сотрудниками литовских спецслужб с каждым разом отбирали все больше сил и все сильнее терзали нервы. Их не могли компенсировать ни деньги, ни посулы Жемантаускаса увеличить размер вознаграждения. Каждая новая встреча с ним и Урбанавичусом превращалась для Ветреного в настоящую пытку, он изыскивал возможность выскользнуть из цепких лап литовской разведки и освободиться от петли предательства, которая затягивалась все туже. И тут подвернулся случай — предложение командования поменять место службы и перебраться на «большую землю». Ветреный, не раздумывая, дал согласие и наконец свободно вздохнул.

В феврале 1995 года он покинул Калининградскую область, и до 2002 года ничто не омрачало его личной и семейной жизни. Литовская разведка, казалось, забыла о нем и все это время не напоминала о себе. Поэтому очередное перемещение по службе, и снова в Калининградскую область, Ветреный воспринял спокойно. Освоившись на новом месте службы в пункте пограничного пропуска «Чернышевское» ОКПП «Советск», он принялся обустраивать свой быт. И вот однажды теплым летним днем 2002 года за спиной Ветреного прозвучал уже позабытый голос. Он оглянулся и похолодел.

У литовской разведки оказалась крепкая память — она не забывала о своих агентах. Скалясь в ядовитой ухмылке,

к нему приближался Жемантаускас. В то мгновение Ветренный, кажется, готов был провалиться сквозь землю, чтобы только не видеть его омерзительной рожой. Все это было написано на его растерянной физиономии, но несколько не смутило литовского разведчика. Он не стал церемониться: напомнил Ветренному про подписку о сотрудничестве и, не давая опомниться, потребовал представить свежую информацию. Тому ничего другого не оставалось, как только подчиниться. Выдавливая из себя каждое слово, Ветренный выдал данные о штатной численности отделения пограничного контроля «Чернышевское» ОКПП «Советск», раскрыл порядок и технологию оформления пропусков через границу для различных категорий граждан, а также поведал о контрабандном канале акцизных товаров из Российской Федерации в Литовскую Республику. В заключение явки Жемантаускас дал Ветренному очередное задание, связанное со сбором сведений о Пограничном управлении по Калининградской области и отдельным частям Ленинградского военного округа.

Оставшись один, Ветренный после мучительных раздумий принял для себя решение: больше не выполнять заданий литовской разведки. Теперь все его мысли были направлены на то, как порвать с ней связь. Единственный выход он видел в уходе со службы: в этом случае, как ему представлялось, она должна была потерять к нему интерес.

В декабре 2002 года Ветренный уволился и стал жить гражданской жизнью. Но его надежды не оправдались: настырные Жемантаускас и Урбанавичус снова надели на него и не давали свободнодохнуть. В течение 2003 и 2004 годов они сами, а также агенты-курьеры из Оперативной службы Департамента пограничной службы Литвы неоднократно приезжали к Ветренному и, угрожая, требовали продолжить сотрудничество. В марте 2004 года после очередной беседы с курьером у него сдали нервы. В поисках защиты от совер-

шенно охамевшей и потерявшей всякое чувство меры литовской разведки он обратился за помощью в ФСБ. А дальше российские контрразведчики повели свою оперативную игру со спецслужбами Литвы...

Она была далеко не последней. Оперативная разработка другого крупного агента литовской военной разведки, бывшего заместителя начальника Уголовно-исправительной инспекции по Краснознаменскому району Калининградской области, бывшего подполковника внутренней службы Василия Хитрюка заняла у российских контрразведчиков не один год.

На путь морального и нравственного падения он вступил в далеком 1996 году. На первый взгляд случайное знакомство со своим ровесником, бывшим выпускником Ленинградского высшего зенитного командного училища гражданином Литвы Армонавичюсом Артурасом Ромуальдо-Балтро, казалось бы, ничего плохого не сулило. Бывший советский лейтенант, успевший несколько лет послужить в Центральной группе советских войск в Германии, оказался приятным в общении и щедрым на угощение. Общие темы разговоров об армейской жизни, а также увлечение автоделом вскоре сблизили Хитрюка и Армонавичюса.

Дышавшая на ладан машина Хитрюка больше стояла, чем каталась, и здесь на помощь пришел «дружище Артур»: достал необходимые запчасти и по бросовой цене продавал «другу Васе». И потом не один раз Артур выручал его. Хитрюк, и сам далеко не промах, до поры до времени особенно не задумывался над столь необычной щедростью и был только рад халяве. А задуматься стоило! Бывший лейтенант бывшей Советской армии неспроста делал столь щедрые подарки. К тому времени Армонавичюс перешел на другую, особую службу — службу во 2-м Департаменте ОС МОК. Под прикрытием занятий автомобильным бизнесом он, выезжая на территорию Калининградской области,

вел разведывательную деятельность и занимался поиском кандидатов на вербовку в агентурную сеть.

В те годы для многих жителей Калининградской области перегон из Литвы в Россию автомобилей зарубежных марок и торговля запасными частями к ним являлись основным источником доходов. Прилегающие к границе территории напоминали один огромный авторынок, на котором литовские спецслужбы выискивали свои будущие жертвы. Армонавичюс тоже под прикрытием автобизнеса с прибалтийской обстоятельностью изучал Хитрюка.

За полтора года разведчик собрал достаточно информации о его образе жизни, сильных и слабых сторонах характера, установил круг связей, среди которых имелись военнослужащие, имеющие допуск к секретным сведениям. На основании полученных данных в литовской военной разведке составили социально-психологический портрет будущего кандидата в агенты. Он оказался весьма далек от привлекательности и вряд ли бы понравился командирам Хитрюка, зато как надо оценили его неразборчивость в средствах и склонность к стяжательству руководители Армонавичюса. И не только это, но и болтливость Хитрюка, успевшего в беседах с литовским разведчиком разгласить ряд сведений, содержащих служебную тайну, предопредели его незавидную участь.

К тому времени у Хитрюка не заладилась служба. Уволившись из армии и помыкавшись на гражданке, он пристроился в Управление ФСИН по Калининградской области. Новая должность не сделала его богаче, но зато расширила круг связей среди руководителей различных силовых структур. И тогда в литовской разведке посчитали, что пришло время для решительных действий.

Подходил к концу 2001 год. Хитрюк ломал голову над тем, как встретить Новый год. Скучное денежное содержание инспектора УФСИН не позволяло провести его на

широкую ногу. И тут, как всегда, на помощь пришел «дружище Артур» — пообещав решить проблемку, он попросил о мелкой услуге: сообщить кое-какую информацию о частях Ленинградского военного округа. На этот пробный шар Хитрюк отреагировал спокойно, и тогда Армонавичюс решил полностью раскрыть карты: признался в принадлежности к литовской военной разведке и от ее имени предложил ему выполнять задания по сбору секретной и иной информации. Опасения, что Хитрюк запаникует и откажется, оказались совершенно напрасными. Избалованный прошлыми денежными подачками и подгоняемый жаждой наживы, тот без особых угрызений совести принял предложение.

Став агентом литовской разведки, Хитрюк на первых шагах столкнулся с серьезными трудностями. Они носили отнюдь не нравственный характер, это понятие для него перестало существовать, а были связаны с тем, что в его нынешнем положении добыть секретные сведения об учебно-боевой деятельности войск оказалось не так-то просто. Попытка всучить Армонавичюсу информацию, касавшуюся ситуации в Управлении ФСИН, и заработать на ней не увенчались успехом. Литовскую военную разведку мало интересовало положение дел в российских тюрьмах. Они не представляли для нее угрозы, а искать среди заключенных будущих агентов вышло бы себе дороже. В отличие от Хитрюка, самый последний зэк посчитал бы западло работать на иностранную разведку.

Хитрюку ничего другого не оставалось, как пойти по старым связям и попытаться через них добыть секретную и служебную информацию. Это хождение в армейский народ не увенчалось успехом — одни его просьбу достать секретный приказ или инструкцию воспринимали как идиотскую шутку, другие наотрез отказывались обсуждать саму тему. На встречах с Армонавичюсом, кроме общих слов и обещаний, что вот-вот в его руках окажутся важные

документы, Хитрюку сказать было нечего. В ответ на упреки литовского разведчика он клялся, что активно работает над установлением связей среди командного состава воинских частей и через них рассчитывает получить доступ к секретным материалам.

Так продолжалось до конца 2004 года. Второстепенная информация, которую Хитрюк получал в разговорах с бывшими сослуживцами и при посещении военных объектов, с большой натяжкой тянула на разведывательную и вызывала все большее недовольство у Армонавичюса и его начальников. Литовская разведка не желала больше питаться протухшими шпионскими завтраками, которые на скорую руку стряпал ее источник и при этом, не стесняясь, щедро поливал соусом из лжи.

Во 2-м Департаменте ОС МОК вскоре раскусили эти уловки Хитрюка и от слов перешли к угрозам. Он, чтобы как-то обелить себя, искал оправдания: в одних случаях виноваты были сослуживцы, наотрез отказывавшиеся торговать секретами, в других подводили сложившиеся объективные обстоятельства — отсутствие доступа к документам, которые интересовали литовскую разведку. Такие объяснения хозяев не устраивали, за пустые слова они не собиралась платить и требовали от агента добыть секретную информацию.

И тогда изворотливый шпион снова пошел на хитрость. Хитрюк обратился к своим армейским связям, но на этот раз изменил тактику общения с ними. Под различными предложениями пройдошливый предатель получал через них пособия, инструкции и технические описания на специальную аппаратуру и средства связи. При этом его несколько не смущало то обстоятельство, что большая часть литературы, да и сами технические устройства относились к 60–70-м годам прошлого столетия. Видимо, Хитрюк рассчитывал на то, что литовская разведка ничего не заметит и проглотит липу.

Но она не глотала и, поймав агента на обмане, перестала платить. В июне 2005 года на личной встрече Армонавичюс прямо заявил Хитрюку об этом и, пригрозив, потребовал работать как надо. Тот было загрустил, но судьба преподнесла ему неожиданный подарок. Он получил назначение на вышестоящую должность — заместителя начальника Уголовно-исправительной инспекции по Краснокаменскому району Управления ФСИН по Калининградской области. Принадлежность к руководящему составу позволяла ему свободно перемещаться по территории области и устанавливать контакты с представителями военного командования.

В литовской разведке незамедлительно воспользовались данным обстоятельством и отработали Хитрюку задание по сбору установочных, характеризующих данных на командиров, получению списочного состава воинских частей, дислоцирующихся на территории Калининградской области, и выяснению их назначения. Он его выполнил и взамен получил от Армонавичюса 200 евро. Такой результат не мог удовлетворить ни самого Хитрюка, ни тем более литовскую разведку: ей требовались данные, раскрывающие боевые возможности частей Ленинградского военного округа и Балтийского флота. Особый интерес она проявляла к планам их отобюджетирования. Хитрюк прямого доступа к ним не имел, зато располагал связями среди армейских и флотских офицеров, которые непосредственно разрабатывали подобные планы и организовывали их исполнение. С учетом этого Армонавичюс поручил ему подыскать тех, кого можно было бы склонить к сотрудничеству, а именно имеющих проблемы в отношениях с командованием, в семье, остро нуждающихся в деньгах, неразборчивых в средствах и т. п.

Хитрюк рьяно взялся за выполнение задания и уже на следующей явке с Армонавичюсом отчитался о проделанной работе — дал наводки на двух офицеров, Мутного и Несговорчивого. По его мнению, оба могли быть привлечены

к сотрудничеству, но наиболее перспективным кандидатом в агентурную сеть литовской разведки казался Несговорчивый. Тому срочно требовались тридцать тысяч рублей, чтобы покрыть горящий долг. А после того как Хитрюк рассказал Армонавичюсу, что входит в кабинет Несговорчивого и лично наблюдал, как тот работал с секретным приказом МО РФ № XXX, в частности с «Наставлением по организации мобилизационной готовности в ВС РФ», Армонавичюс вцепился в него как клещ. «Наставление» являлось тем самым документом, за которым литовская разведка охотилась не один день. Армонавичюс тут же пообещал заплатить Хитрюку тысячу евро, если он сумеет снять с него копию. Тот самоуверенно заявил, что выполнит это задание. Но одно дело сказать, и совершенно другое — сделать.

В течение апреля 2005 года Хитрюк старательно обхаживал офицера. Несговорчивый действительно оказался таковым. Все попытки Хитрюка обманным путем выманить «Наставление» не удались, и тогда шпион решил сыграть на струне алчности. Напомнив Несговорчивому о долге, он предложил частично решить проблему, если тот за пятьсот евро даст на время поработать с приказом одному хорошему другу. Такая странная форма работы с секретным документом не могла не вызвать у Несговорчивого удивления, и он наседал на Хитрюка с вопросами. Тот, припертый к стенке, в конце концов вынужден был признаться, что документ вызвал интерес у литовской разведки, и чтобы разжечь у Несговорчивого денежный аппетит, намекнул, что за каждый последующий приказ она готова платить по пятьсот евро. Аппетит у Несговорчивого не проснулся, он отверг все предложения Хитрюка.

На явку с Армонавичюсом шпион явился с пустыми руками. Тот ничего не хотел слышать и требовал добыть документ. Время шло, а «Наставление» по-прежнему было недостижимо для Хитрюка.

И тут его осенило, как обхитрить Несговорчивого и предстать в лучшем свете перед литовской спецслужбой. В мае 2005 года Хитрюк посетил его на службе и обманным путем получил несколько секретных приказов, в дальнейшем сфотографировал их на цифровую камеру и передал Арманавичюсу. При этом не моргнув глазом он заверил литовского разведчика, что на флэшке находится то самое «Наставление». Тот не стал торговаться, отвалил Хитрюку тысячу евро, и на том они, довольные друг другом, расстались.

Но этот обман не прошел незамеченным. Во 2-м Департаменте ОС МОК, тщательно изучив материалы, пришли в ярость. Такого откровенного надувательства не могли простить зарвавшемуся агенту, после разноса у начальства Арманавичюс, наплевав на конспирацию, позвонил Хитрюку. Трубка раскалилась от его голоса, пойманный за руку шпион былуже не рад тому, что затеял, и чтобы как-то смягчить гнев предложил вернуть деньги. Но это не устраивало Арманавичюса, на доходчивом русском языке он объяснил Хитрюку, кто тот есть на самом деле, и потребовал немедленно прибыть на встречу.

Она состоялась неподалеку от литовского поселка Микитай в глухом лесном массиве. Продираясь сквозь густой кустарник, Хитрюк каждый раз вздрагивал, когда под ногой предательски ломалась сухая ветка. Ему казалось, что за спиной крадутся пограничники, но то было лишь игрой разыгравшегося воображения. Добравшись до места, он затаился в кустарнике. Прошла минута, другая, пока наконец среди молодой листвы показалась раскрасневшаяся физиономия Арманавичюса. Его гневный взгляд ничего хорошего не сулил. Хитрюк поежился и неуверенно подал руку. Тот будто не заметил ее и, не стесняясь в выражениях, объяснил зарвавшемуся агенту, что его ждет, если он будет водить разведку за нос. Пойманный за руку, Хитрюк в ответ что-то жалко лепетал, и чтобы как-то смягчить гнев Арманавичюса

возвратил тысячу евро, а потом предложил расстаться. Это только подлило масла в огонь, Артур обрушился с угрозами не только на Хитрюка, но пообещал устроить веселенькую жизнь всей его семье. Загнанный в угол, шпион умолял позволить ему вернуться к прошлому — торговле автомобилями и запчастями к ним. В ответ звучал презрительный смех, а когда Хитрюк заикнулся, что опасается быть арестованным, то услышал циничное заявление: «Меня эти проблемы не волнуют». Завязший по уши в шпионской трясине, Хитрюк стал беспомощной игрушкой в руках литовской спецслужбы и вынужден был выполнять ее задания.

Весь июнь 2006 года он обхаживал другого офицера-секретносителя, Мутного. В одном из разговоров, проходившем в его кабинете, Хитрюк набрался смелости и попросил дать ему сфотографировать «Наставление». Свою просьбу шпион мотивировал тем, что приказ нужен одному старому знакомому, который готов заплатить за него тысячу евро. Мутный, помявшись, отказался. Эта его нерешительность прибавила уверенности Хитрюку, и он буквально наехал на офицера. Заверяя в абсолютной безопасности бизнеса, шпион сулил ему солидное вознаграждение за каждый документ, относящийся к мобилизационной тематике. В какой-то момент Мутный дрогнул. Простецкий вид Хитрюка и обыденность обстановки, далекой от классических шпионских триллеров, в те критические для него минуты не вызвали дурных ассоциаций. Поддавшись напору шпиона, он разрешил ему поработать на своем ПК. И Хитрюк воспользовался этой возможностью сполна: скопировал не только «Наставление», но и ряд других документов, содержащих государственную тайну.

Получив в лице Мутного ценный и неисчерпаемый источник секретной информации, шпион во время очередного его посещения не стал скупиться и выплатил две тысячи евро. После этого Хитрюк посчитал, что теперь из Мутного

можно вить веревки, передал ему флеш-карту и потребовал перебросить на нее очередной блок секретных документов. Деньги пересилили страх, и тот пообещал скопировать ряд приказов. Подогрев Мутного обещанием, что за этот заказ тот получит хороший навар, Хитрюк покинул кабинет. Через минуту о его присутствии напоминали лишь запах одеколona и что-то неуловимое, что носилось в воздухе и будило в сердце Мутного тревогу. Попавшийся на глаза уголовный кодекс воскресил в его памяти присягу и подписку, в которых он обязался строго хранить военную и государственную тайну. Суровые их строчки: «...и если я ее нарушу, то пусть меня покарает презрение товарищей и суровая кара закона...» — не шли из головы. От одной только мысли, что за разглашенные секретные сведения ему светит немалый тюремный срок, Мутному становилось дурно.

В ту ночь он так и не уснул, его мучили жуткие кошмары. Хитрюк корчил ему омерзительные рожи и тащил за собой к краю мрачной бездны, на дне которой в багровых всполохах корчились и извивались отвратительные гады. Утром Мутный почувствовал себя совершенно разбитым. От одной только мысли, что вот сейчас в квартиру войдут суровые люди в штатском и арестуют, его бросало в дрожь. Скрип тормозов за окном и тяжелые шаги на лестничной клетке заставляли бешено колотиться сердце, обильная испарина выступала на спине, он замирал в ожидании требовательного звонка... Не в силах больше терпеть эту муку, Мутный решил обратиться в органы безопасности и рассказать всю правду.

Рабочий день еще не начался, а он уже топтался у дверей отдела военной контрразведки. Дежурный, встретивший его на входе, оказался знакомым оперативным работником, и это прибавило смелости Мутному. Набравшись духу, он попросил оперативника о встрече с руководителем, тот проводил его в кабинет. Строгая обстановка и суровый взгляд

моложавого полковника заставили Мутного забыть все заранее приготовленные слова. Путаясь и сбиваясь, он начал издали: рассказал о своем знакомстве с Хитрюком. Судя по реакции контрразведчика, их отношения не являлись для него большой новостью. И тогда Мутный решился рассказать о главном: о том, как поддался искушению и передал Хитрюку доверенные ему по службе секретные документы.

К тому времени в отделе военной контрразведки располагали некоторыми оперативными данными о подозрительных действиях Хитрюка и рассматривали в числе одной из версий шпионскую. Теперь же, после признания Мутного, она получила дополнительное подтверждение. Прошло еще несколько дней, и контрразведчики уже точно знали, какие конкретно секретные сведения стали достоянием Хитрюка и, возможно, были переданы иностранной спецслужбе.

Специалисты в области информационной безопасности обнаружили на флешке, переданной Хитрюком Мутному, электронные файлы различного программного обеспечения, а также файлы, которые содержали сведения оборонного характера. Ряд документов имел гриф «секретно». В процессе последующего анализа содержащихся в них данных компетентные эксперты установили, что они раскрывают порядок организации и осуществления мобилизационной работы в Вооруженных силах России и составляют государственную тайну.

После этого военным контрразведчикам предстояло решить еще одну сложную задачу: подтвердить и оперативно задокументировать факт сотрудничества Хитрюка с литовской разведкой. Выход они нашли в проведении оперативной комбинации, которая бы позволила получить материальное подтверждение его агентурной связи с ней, выявить практические действия по сбору сведений, составляющих государственную тайну, а также установить канал их передачи за рубеж. В интересах дела сотрудники

отдела контрразведки во взаимодействии с командованием части проделали кропотливую работу по подготовке блока дезинформационных сведений. По форме они должны были полностью соответствовать приказу министра обороны России, а по содержанию скрыть истинные сроки и порядок проведения в частях организационно-мобилизационных мероприятий и тем самым ввести в заблуждение литовскую разведку. И когда эта задача была решена, перед контрразведчиками возник следующий и весьма важный вопрос: по какому каналу и через кого довести эту информацию до Хитрюка? Проанализировав все его связи, они остановили выбор на Мутном.

В их выборе имелся кроме определенного риска и серьезный резон. Шпион полностью полагался на него и считал намертво привязанным к себе. Лишним подтверждением тому служили полученные им от Мутного сведения, которые не вызвали сомнений у литовской спецслужбы. Кроме того, у самого Мутного имелся серьезный мотив, для того чтобы работать на контрразведчиков не за страх, а на совесть. Мрачная перспектива мотать предельный срок на дальнем лесоповале заставляла его лезть из кожи вон, чтобы скостить до минимума время отсидки за колючкой.

Расчет контрразведчиков полностью оправдался. Получив от них блок дезинформационных материалов, Мутный тут же связался с Хитрюком и сообщил, что имеет кое-что интересное. Тот с полуслова догадался, о чем идет речь, и не желая долго ждать, назначил встречу. На ней Мутный, передав шпиону пакет с материалом, сопроводил его коротким комментарием. Отметив особую ценность сведений, он рассчитывал выжать из прижимистого Хитрюка лишнюю сотню евро и одновременно усыпить его бдительность. Но тот не поддавался на лирику, скупое расплатился и покинул место встречи. Контрразведчикам осталось только проследить дальнейшую шпионскую цепочку, и когда в ее конце засве-

тился литовский разведчик, она окончательно замкнулась. С того дня операция по нейтрализации незаконных действий литовской разведки перешла в завершающую стадию.

В оперативном штабе операции был подготовлен новый блок дезинформационных материалов и передан Мутному. Он немедленно поставил в известность Хитрюка. Шпион живо среагировал на сообщение и назначил встречу в Калининграде на 18 октября 2006 года.

В тот день все оперативно-технические службы контрразведки были подняты на ноги. Каждое действие и слово шпиона контролировалось и передавалось в штаб операции. Пока каких-либо серьезных оснований для беспокойства у его руководителей не имелось. На встречу с Мутным Хитрюк шел в полной уверенности, что новые секретные материалы принесут ему крупный денежный куш. Разведчики наружного наблюдения, которые взяли шпиона под плотный контроль с момента выхода в город, не заметили в его поведении признаков волнения и нервозности. Уверенный в своей неуязвимости, Хитрюк не стал даже проверяться.

К месту встречи он прибыл с небольшим опозданием. Нервно переминавшийся Мутный и тискавшаяся поблизости от него молоденькая парочка влюбленных не пробудили в шпионе подозрений. Поздоровавшись, он сразу же перешел к делу. Мутный, похоже, тоже не горел желанием затевать долгий разговор и, стремясь поскорее избавиться от опасного груза — секретных материалов, сунул их ему в руку и, забыв спросить об оплате, стремительно рванул в сторону. Хитрюк насмешливо ухмыльнулся вслед и неспешным шагом направился к стоянке.

По пути к ней он был арестован сотрудниками контрразведки. В ходе проведения личного досмотра при нем были обнаружены электронные носители информации, на которых содержались документы, имеющие гриф «секретно». Обескураженный и растерянный шпион недолго отпирался.

Неопровержимые улики выдавали его с головой. Приобретенный опыт работы с осужденными преступниками и знание жестоких нравов зоны не оставляли ему иного выбора, как только идти на активное сотрудничество со следствием. При одной только мысли, что он окажется на нарах рядом с теми, кого многие годы терзал внезапными проверками и «шмонами», его охватывал ужас. Поэтому, ради того чтобы добиться места в «красной зоне», где отбывали наказание бывшие сотрудники правоохранительных органов, и скостить себе срок, Хитрюк готов был на что угодно. В его положении хитрить было не только поздно, но и глупо, и потому он с готовностью начал давать признательные показания.

В ходе предварительного и судебного следствия были всесторонне исследованы все обстоятельства совершенного Хитрюком преступления — государственной измены в форме шпионажа, и они нашли подтверждение. Шпион полностью признал свою вину, подтвердил факт своей вербовки представителем спецслужбы Литовской Республики и выполнения ее заданий по сбору секретных сведений военного характера.

Семнадцатого января 2008 года Калининградским областным судом Хитрюк был признан виновным в шпионаже в пользу Литвы и приговорен к лишению свободы сроком на семь лет шесть месяцев с отбыванием наказания в колонии строгого режима, лишен звания подполковника внутренней службы и государственной награды — медали «70 лет Вооруженных сил СССР».

Не избежал уголовного наказания и Мутный. Он был признан судом виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 283 УК РФ (разглашение государственной тайны) и приговорен к трем годам лишения свободы (условно) с назначением испытательного срока на три года. При избрании ему такой меры наказания судом учитывалось то,

что Мутный активно способствовал разоблачению агента литовской разведки Хитрюка и искренне раскаялся в совершенном преступлении.

Суд поставил последнюю точку в этом неординарном уголовном деле и судьбах самих шпионов. Теперь у них будет достаточно времени: у Хитрюка, чтобы на собственном опыте глубже познать все достоинства и недостатки системы исполнения наказания, а у Мутного, чтобы подумать как следует и выйти с чистой совестью.

Отпуск длиной в девять лет

Зима 2008 года на Дону не отличалась кротким нравом. Короткие оттепели сменялись почти сибирскими морозами. Леденящее дыхание далекой Арктики ощущалось не только в верховьях, но и в низовьях Дона. Казачья столица Новочеркасск и административный центр — динамичный, многоликий и многоязычный Ростов-на-Дону были окутаны густой дымкой и напоминали сюрреалистические пейзажи знаменитого испанского художника Дали.

С наступлением февраля небо очистилось от туч и наконец проглянуло робкое солнце. Его слабые лучи были не в силах растопить ледяной панцирь на реках и старицах. Зима продолжала властвовать на Дону и не спешила уступать место весне. Свирепый «степняк», налетавший из Калмыкии, выметал все живое с улиц города. И лишь на армейских полигонах и стрельбищах Северо-Кавказского военного округа (СКВО) изо дня в день продолжали звучать выстрелы, рычали двигатели танков и бэтээров. Это боевые расчеты отрабатывали до автоматизма навыки ведения учебного боя.

Командование округа не позволяло подчиненным расслабляться. Прошлой горячее лето и осень на Кавказе красноречиво говорили о том, что и в наступившем году военным вряд ли стоит ожидать спокойной жизни. Лишним

подтверждением тому служила беспристрастная статистика: количество террористических актов, взрывов и диверсионных нападений в Ингушетии, Дагестане и Кабардино-Балкарии не уменьшилось. Бандитское подполье продолжало отгрызаться и подло нападать, не щадя ни детей, ни женщин, ни стариков. Наиболее напряженно ситуация складывалась у границы с Грузией. На ее территории в «волчьих норах» под покровительством грузинских и ряда спецслужб других государств террористы и иностранные наемники зализывали свои раны, пополняли арсеналы оружия, чтобы затем сеять смерть и разрушения на землях России.

Для военнослужащих российской армии, сотрудников спецслужб и МВД эта необъявленная война по-прежнему оставалась суровой действительностью. Ее обжигающее смертоносное дыхание доносилось до самых отдаленных гарнизонов СКВО. В любую минуту из штаба округа мог последовать приказ выдвинуться в заданный район и принять участие в очередной контртеррористической операции. В этом состоянии между войной и миром, пожалуй, одной из немногих отдушин, независимо от званий, для рядового, сержанта или офицера оставался отпуск — светлое пятно в череде дежурств, командировок и нарядов. И здесь сохранялось старое, негласно установленное еще в советское время правило, которое армейские остряки выразили в лаконичных и емких фразах: «Вот подул февраль холодный; в отпуск едет Ванька взводный. Только солнце запалит; в отпуск едет замполит. Солнце, море и инжир — в отпуск едет командир».

Следуя этому правилу, старшина отдельного батальона охраны и обслуживания штаба Северо-Кавказского военного округа Джемал Накаидзе был обречен на отпуск в феврале. Такая перспектива его не очень-то расстроила. В это время года в его родном Батуми, этой «черноморской жемчужине» бывшего Советского Союза, в прошлые

времена не было бы отбоя от желающих поправить свое здоровье. После стылых сибирских городов и Москвы, еще не избавившейся от снега, счастливый обладатель путевки терял голову, попадая в этот земной рай.

И было от чего. Бархатистое солнце приятно ласкало тело и придавало коже легкий бронзовый загар. Уставшая после свирепых январских штормов морская волна о чем-то загадочно перешептывалась с берегом и будила пытлиное воображение курортников дивными образами из древних легенд и мифов, которыми здесь дышал каждый камень. Яркая зелень субтропиков радовала глаз. От всего этого неизбалованные теплом и комфортом сибиряки и уральцы чувствовали себя на седьмом небе.

Получив в строевой части отпускной билет, а в финслужбе деньги, старшина Накаидзе с легким сердцем отправился на родину. Там его ждали жена, двое детей, и не только они. Но об этом он узнал несколько позже. А тогда, в первый свой отпускной день, Накаидзе, истосковавшись по семейному уюту, беззаботно отдавался отдыху. Друзья и однополчане по совместной службе на бывшей 12-й военной базе Министерства обороны России, до недавнего времени дислоцировавшейся в Батуми, зачастили в гости. В разговорах с Накаидзе они живо интересовались жизнью в России и тем, как у него проходит служба на новом месте — в Ростове. Он без всякой задней мысли откровенно делился с ними своими впечатлениями; не скрывал трудностей, сетовал на бытовые неудобства и низкое материальное обеспечение. На шуточные замечания друзей: «Все, что имеется в батальоне, должно принадлежать старшине», Накаидзе с горькой иронией отвечал: «Я служу не на продовольственном складе, а старшиной отдельного батальона охраны и обслуживания штаба округа».

В этих беседах от его внимательных собеседников не укрылось то, что Накаидзе особой радости не испытывал

от того, что остался на службе в российской армии и перевелся в Ростов, но и не слишком горевал. Те из его бывших сослуживцев, кто уволился и остался в Батуми, оказались в гораздо худшем положении. Одни не могли найти подходящей работы, другие если и имели заработок, то с трудом сводили концы с концами.

Так, в мелких семейных заботах и в общении со знакомыми один за другим летели дни отпуска. И вот однажды у Накаидзе зазвонил телефон. Собеседник представился Георгием и тут же перешел на короткую ногу — предложил называть себя Гией, а затем, не дав опомниться, настойчиво потребовал: «Давай встретимся и поговорим по одному серьезному вопросу». Попытка Накаидзе уклониться от встречи не увенчалась успехом. Гия многозначительно заметил: «Это в твоих же интересах». Старшина вынужден был согласиться на встречу.

После разговора, порывшись в своей памяти, Накаидзе вспомнил, что уже встречался с неким Георгием-Гией, и передернул плечами. Состоялась та встреча накануне передислокации личного состава и техники 12-й российской военной базы к новому месту расположения — в Россию. Тогда Гия настойчиво, словно гвозди, вбивал в его сознание мысли о том, что настоящий грузин, где бы тот ни находился, должен всегда помнить, кто он, а в трудную минуту прийти на помощь своей родине. Накаидзе быстро смекнул, с кем имеет дело и к чему клонится разговор, и, чтобы поскорее отделаться, пообещал помочь. На том они и расстались. С того дня ни Гия, ни его коллеги больше о себе не упоминали. И вот теперь им предстояло встретиться вновь.

За несколько минут до назначенного времени Накаидзе был на месте и нервно описывал замысловатые круги. Гия появился неожиданно и оказался тем самым Георгием, с которым накануне отъезда в Ростов у него состоялся тот самый неприятный разговор. Почти ровесник Джемала, среднего

роста, плотного телосложения, темноволосый и с большими залысинами, он с прошлой встречи почти не изменился, разве что в движениях появилось больше вальяжности. Крутая иномарка и строгий деловой костюм говорили о том, что Гия занимал далеко не последнее место в спецслужбах Грузии, а твердый взгляд подчеркивал серьезность намерений. У Накаидзе стало тоскливо на душе. Крепкое рукопожатие Гии и ободряющее похлопывание по плечу не развеяли дурных предчувствий. Холодные будто лед глаза-буравчики бесцеремонно сверлили Накаидзе, и тот понял, что на этот раз отделаться обещанием любить родину, как родную мать, уже не получится.

Начало разговора подтвердило его наихудшие опасения. Гия, представившись сотрудником спецслужбы Грузии, с ходу взял старшину, как говорится, за рога и принялся методично засыпать его вопросами, от которых попахивало шпионажем и немалым тюремным сроком. В частности, он спросил Накаидзе о характере службы, назначении подразделений, выполняемых им задачах, потребовал сообщить установочные и характеризующие данные на командиров, а также пожелал узнать другие сведения, составляющие служебную тайну.

Накаидзе завертелся как уж на сковородке и, ссылаясь на подписку о неразглашении, пытался уклониться от ответов. Но этот аргумент не произвел на Гию никакого впечатления. Презрительно хмыкнув, он поставил Накаидзе перед выбором: быть обвиненным в шпионаже в пользу российской разведки — так расценили в грузинской спецслужбы его недавние разговоры с бывшими сослуживцами, либо помочь родине в ее борьбе с «империей зла», поддерживающей сепаратистские режимы в Абхазии и Южной Осетии.

В ответ Накаидзе затянул старую песню: «Если завтра война, если завтра в поход, то он обязательно придет на помощь родине». Гия потерял терпение и заявил: «Ты не

соловей, чтобы тебя слушать». Тогда Накаидзе использовал свой последний аргумент — сослался на суровый режим секретности в подразделении и беспощадного особиста, который, по его словам, днюет и ночует в батальоне и все про всех знает. И от этого аргумента Гия не оставил камня на камне и снова напомнил, что для настоящего грузина, когда речь идет о родине, торг неуместен, а затем сослался на то, что в российской армии уже действует несколько десятков патриотов.

Накаидзе сдался и дал согласие на сотрудничество с грузинской спецслужбой. Далекое не последнюю, а возможно, решающую роль в его решении сыграл меркантильный интерес. В качестве компенсации за важную работу Гия пообещал помочь ему получить в собственность квартиру в Батуми, а также щедрое денежное вознаграждение и в заключение заверил: «Мы (грузинские спецслужбы) прикроем тебя и у себя, и в России».

Ставя свою подпись под подпиской о сотрудничестве, Накаидзе вряд ли думал, что его отпуск затянется на целых девять лет, которые предстоит провести в российской тюрьме. Но это будет потом. А тогда, заключив этот союз с самим «дьяволом» и взяв на себя обязательство предавать и продавать своих сослуживцев, он за оставшиеся до отъезда в Ростов дни прошел краткий курс шпионажа. По его окончании Гия согласовал с ним способы связи; в качестве основного планировалось использовать канал сотовой связи, а чтобы исключить расшифровку российской контрразведкой характера их отношений, ими был обговорен ряд условностей в разговоре. Накануне отъезда Накаидзе в Россию Гия дал ему задание по сбору сведений, в первую очередь составляющих государственную тайну, о частях СКВО, их боевых и мобилизационных возможностях. Вместе с тем в грузинской спецслужбе достаточно трезво оценивали невысокие разведывательные возможности старшины батальона, и потому

дополнительно ориентировали его на подбор кандидатов в агентурную сеть будущей резидентуры, имеющих прямой доступ к секретным документам или проходящих службу на штабных должностях.

Возвратившись в часть, Накаидзе в первые дни службы был тише воды, ниже травы. Постоянный страх связывал шпиону язык. Сослуживцы не узнавали своего старшину, который раньше не чурался компаний и не лез за словом в карман. Теперь же, после вербовки, ему казалось, что все вокруг догадывались о его двойной жизни и ждали случая, чтобы схватить за руку. Прошел месяц, а Накаидзе все не решался связаться с Гией. Страх продолжал удерживать его от действий по сбору информации в интересах спецслужб Грузии.

Летело время. Прохладную весну сменило жаркое лето, а в жизни старшины Накаидзе ничего не менялось. Она шла своим чередом. Особист — сотрудник военной контрразведки, периодически появлявшийся в батальоне, в разговорах с ним дальше обсуждения общих вопросов о положении дел в подразделении, сохранности оружия и боеприпасов не шел. Шпион приободрился и, посчитав, что прежние его страхи были излишними, взялся за выполнение разведывательного задания Гии.

На деле оказалось не все так просто. Как выяснилось, в должности старшины на шпионской ниве трудно было разгуляться. Известные Накаидзе по службе сведения мало интересовали Гию. Попытки шпиона что-нибудь подсмотреть, подслушать разговоры сослуживцев тоже мало что дали. В итоге ему нечего было доложить грузинской спецслужбе. Набравшись смелости, он попытался под различными предлогами выудить у офицеров информацию о прошедших учениях, содержании отработываемых задач, планах перемещения частей и подразделений по территории военного округа, но те предпочитали не распространяться.

В тех случаях, когда подворачивался подходящий момент, шпион тайком рылся в мусорных корзинах, надеясь найти черновики документов, раскрывающих боевую деятельность войск. Кое-что ему все-таки удалось добыть, и посчитав, что с этим можно требовать от спецслужб Грузии причитающийся шпионский гонорар, он позвонил Гие, сообщил о выполнении задания и сбросил информацию.

Последовавший от него ответ стал холодным душем для Накаидзе. Гия денег не дал и потребовал докладывать «не штабные слухи и сплетни», а добывать документы, раскрывающие мобилизационные планы командования СКВО. Такой пристальный интерес к ним со стороны грузинской спецслужбы был связан с тем, что до начала военной операции «Чистое поле» — захвата Республики Южная Осетия — оставалось около двух месяцев. Поэтому ее руководителей больше заботила не безопасность агента Накаидзе, а возможные ответные действия частей российской армии на агрессию против Южной Осетии. На весах тех, кто затевал военную авантюру, судьбы и жизни таких, как Накаидзе, ничего не стоили, их просто кормили обещаниями щедро вознаградить.

В надежде на это Накаидзе решил рискнуть. Перебрав в уме знакомых офицеров, он остановил свой выбор на старшем лейтенанте Павле Правдине. По должности тот отвечал за организацию мобилизационной работы в части. В личном плане молодой и, как полагал Накаидзе, неопытный офицер вполне мог не устоять перед соблазном больших и быстрых денег. Определившись с кандидатом в помощники, он ломал голову над тем, как подступиться к нему, и тут подвернулся удачный случай. У Правдина в то время в один клубок сплелись бытовые неурядицы и неприятности по службе. Шпион не замедлил воспользоваться этим и в очередном разговоре, сочувствуя молодому офицеру, принялся исподволь подводить его к мысли о том, что все проблемы можно решить,

имея деньги. Не встретив возражений со стороны Правдина, Накаидзе поспешил развить успех и пошел дальше, заявив: «Подумай, какие деньги валяются у тебя под ногами, я имею в виду секреты, хранящиеся в твоём сейфе».

Правдин в ответ рассмеялся. Он посчитал разговор веселым розыгрышем и свел его к шутке. В голове молодого офицера не укладывалось то, что старшина мог являться шпионом. А Накаидзе не шутил. До начала военной операции грузинской армии в Южной Осетии оставалось всего два месяца. Ее разработчики и руководители спецслужб по-прежнему оставались в неведении относительно того, какие ответные действия могут предпринять части российской армии.

Тем временем Накаидзе, забросив Правдину наживку о продаже секретов, решил подстраховаться и взял паузу. Прошло несколько дней после разговора, и у шпиона появилась уверенность в том, что «зеленый» старлей не сорвется с крючка. одтверждением тому служило, то, что его не вызвали на профилактическую беседу ни в отдел военной контрразведки, ни к командиру части за «сомнительные разговоры». И тогда он посчитал, что пришла пора действовать. Во время очередной встречи с Правдиным шпион затронул тему о нищенском существовании военных и отсутствии перспектив по службе. Павел промолчал, это добавило уверенности Накаидзе, и он прямо предложил: «Переходи на службу в другую организацию, в ней сумеют достойно оценить твою работу и знания». На вопрос Правдина: «Какую?» — Накаидзе решил ответить прямо и раскрыл карты, пояснив: «На службу в разведку Грузии». А чтобы окончательно рассеять все сомнения Павла, заверил: «Твоя будущая жизнь ничем не уступит хваленому Бонду».

Несмотря на молодость, Правдин понял, что на этот раз Накаидзе не шутит и перед ним находится не «отец солдатам» — старшина и даже не злой отчим, а настоящий,

из плоти и крови шпион. Внутри Павла все вскипело от негодования. Первым его желанием было смазать по ставшей вдруг ненавистной усатой физиономии, а затем схватить негодяя за шиворот и оттащить к военным контрразведчикам. Grimаса исказила лицо Правдина, а на лбу проступила испарина. Накаидзе истолковал все по-своему и принялся его горячо убеждать: «Все будет нормально. В этом нет ничего опасного. Тебя наши ребята из разведки прикроют не только в Грузии, но и в России. У них все схвачено и тут и там».

Пока шпион разглагольствовал, Павел взял себя в руки. Грамотный, рассудительный офицер, которому командование, несмотря на молодость, доверило такой ответственный участок, как организация в части мобилизационной работы, быстро сообразил, какую опасность представлял затаившийся шпион, и решил повести свою игру. Он принялся расспрашивать Накаидзе о величине вознаграждения и о том, каким образом будет обеспечиваться его безопасность. Тот, мерявший всех по своему шпионскому аршину, снисходительно заметил: «Тебе-то чего переживать? Снимай копии с секретных документов, а остальное дело техники. Я беру все на себя».

Выслушав все это, Правдин не спешил давать согласия и каверзными вопросами пытался поглубже прощупать Накаидзе. А тот, исчерпав все аргументы, ничего лучшего не нашел, как заявить: «С тобой будут работать очень серьезные люди» и взялся организовать с ними встречу, чтобы лицом к лицу обсудить детали будущего сотрудничества. Разговор закончился тем, что Правдин пообещал как следует подумать над его предложением.

Думал Павел недолго, в тот же день обратился в отдел военной контрразведки Управления ФСБ РФ по Северо-Кавказскому военному округу. На встрече со старшим оперуполномоченным майором Андреем Поэтиным он рассказал о разговоре со старшиной Накаидзе. Тот самым

серьезным образом отнесся к его сообщению. К этому времени подчиненные начальника управления генерал-лейтенанта Михаила Золотцева уже вели активную оперативную разработку группы агентов грузинских спецслужб, занимавшихся шпионажем, подполковника М. Хачидзе, подполковника Х. Имерлишвили, подполковника М. Богданова (Балашвили), резидента Специальной службы внешней разведки Грузии З. Херкеладзе и ряда других. Старшина, судя по сообщению Правдина, происходил из этого же ряда клонированных негодяев.

С того дня с санкции суда в отношении Накаидзе был задействован весь арсенал оперативных и технических средств, имевшихся в распоряжении ФСБ. Ведущую роль в изобличении шпиона и получении неопровержимых доказательств его враждебной деятельности контрразведчики в своих планах отводили Правдину. Их предложение принять участие в операции он принял без колебаний. Свое решение Павел подтвердил и на личной встрече с руководителями Управления безопасности СКВО. Заручившись согласием Правдина, военные контрразведчики сосредоточились на решении другой, не менее сложной, задачи — его информационном обеспечении. И здесь они не имели права на ошибку. Дезинформационные материалы, которыми через Накаидзе предполагалось снабжать грузинские спецслужбы, с одной стороны, не должны были вызывать у них сомнений, а с другой — не раскрывать истинных мобилизационных планов командования округа.

Из-за недостатка времени Андрей Поэтин и старший оперуполномоченный по особо важным делам подполковник Сергей Волков вынуждены были сутками пропадать на службе. В глубочайшей тайне от окружающих они с помощью надежных офицеров штаба СКВО занимались подготовкой такого рода «секретных» документов и одновременно на ходу учили Правдина непростому мастерству разведки.

А Накаидзе не хотел ждать и постоянно терзая Павла вопросами: «Ты согласен? Когда? Где?» Эта настырность и неутомимость шпиона допекала контрразведчиков, и чтобы как-то умерить его пыл, они посчитали, что наилучшим выходом из положения может стать курс лечения в госпитале. Накаидзе, щепетильно относившийся к своему здоровью, уже после первого упоминания врача о подозрительных симптомах тут же согласился пройти обследование и подлечиться.

Девятого июня 2008 года он занял место в палате 1602 окружного военного клинического госпиталя и пролежал в ней до 22 июня. Но и на больничной койке шпион не угомонился. Он продолжал подслушивать разговоры соседей, исподволь подталкивал их к разглашению сведений служебного характера, а потом тайком, с соблюдением условностей, ранее оговоренных с Гией, докладывал ему по сотовому телефону. В частности, шпион сообщил сведения о структуре госпиталя, установочные и характеризующие данные на ряд должностных лиц, а также о перемещениях в период с 17 по 28 июня 2008 года личного состава и техники медицинских подразделений в пределах Северо-Кавказского региона.

К тому времени Павел успел психологически и морально подготовиться к выполнению задания, а в распоряжении Поэтина и Волкова имелся отработанный до деталей пакет дезинформационных материалов. Руководители управления, взвесив все «за» и «против», посчитали, что настало время переходить к следующему этапу операции — внедрению в спецслужбы Грузии. Теперь решающее слово принадлежало Правдину. Двадцать девятого июня он связался по телефону с Накаидзе и дал понять, что готов обсудить его предложения. Тот торжествовал победу, наконец-то перед ним открылся прямой путь к важнейшим секретам, и, чтобы не ударить лицом в грязь перед кандидатом в шпионскую сеть грузинской спецслужбы, назначил встречу не в тес-

ной каптерке среди метелок и лопат, а в престижном кафе «Кинто».

Отменная грузинская кухня, хорошее вино и обстановка, в которой Накаидзе чувствовал себя хозяином жизни, а не забытым старшиной, которого по делу и не по делу могли послать куда подальше все, кому не лень, по его замыслу, должны были произвести нужное впечатление на Правдина. Прием сработал. Павел, войдя в кафе, застыл на пороге. Он с трудом узнал в вальяжном, одетом по последнему писку моды господине батальонного старшину. А тот, довольный произведенным эффектом, продолжал и дальше пускать пыль в глаза. Демонстрируя изыски грузинской кухни и щедрость ее спецслужбы, Накаидзе не забывал подливать вина в бокал. Правдин не стал его разочаровывать и, выполняя задание контрразведчиков, принялся трясти шпионский кошелек. Бедняге официанту пришлось челноком сновать между столом и кухней, чтобы утолить разгулявшийся аппетит Павла.

Накаидзе, скрипя зубами, мысленно подсчитывал свои убытки. А Правдин, нахваливая блюда, продолжал поглощать их с удивительной скоростью. В конце концов терпение у шпиона иссякло, он решил прервать этот пир молодого желудка и перевести беседу на интересующую его тему. Павел не спешил развивать ее, а решил поиграть у него на нервах и одновременно снять возможные подозрения о своей связи с ФСБ. Сначала он напомнил Накаидзе о том, что за шпионаж могут впаять такой срок, что мало не покажется. Тот парировал тем, что за все время службы не помнит, чтобы кого-то посадили за такие дела. И здесь Правдин нанес укол в самое болезненное место — ударил по самолюбию Накаидзе, выразив сомнение в том, что старшина, владеющий подержанной «семеркой», ну никак не может быть крутым разведчиком, у которого карманы набиты деньгами.

Этот нехитрый прием сработал. Накаидзе завелся с полуборотом. На что, собственно, и рассчитывали Поэтин с Волковым, когда вместе с Павлом в ролях проигрывали эту сцену. Таким образом они надеялись вытащить из шпиона информацию о том, кто является его куратором и где он скрывается. Задетый за живое, Накаидзе заявил: «Если не веришь, то сейчас будешь говорить с самим шефом!» Правдин не стал отказываться. Шпион тут же связался с Гией и предложил: «Теперь сам можешь прояснить с ним все вопросы».

В телефоне зазвучал голос, в котором хорошо угадывался характерный акцент. Собеседник представился Гией и в дальнейшем разговоре, прибегая к условностям, подтвердил все то, что Накаидзе говорил Павлу раньше, пообещал солидное вознаграждение, а потом предложил сотрудничество. Павел, придерживаясь линии поведения, отработанной на встречах с Поэтиным и Волковым, уклонился от прямого ответа и принялся допытывать вопросыми о размере «своей услуги». Гия, не называя конкретной цифры, заверил: «Оно будет несоизмеримо с тем, что ты сейчас получаешь». А Павел продолжал гнуть свою линию, надеясь получить как можно больше информации о сотруднике грузинской разведки. Ссылаясь на серьезные для себя последствия в случае принятия такого решения, он высказал пожелание обсудить детали «работы» при личной встрече. Это предложение не нашло поддержки у Гии, и тем более у Накаидзе. Он, немало потративший своих кровных на неговорчивого кандидата в агенты, буквально взвился и принялся уговаривать Павла принять предложение немедленно. Тот заупрямился и в очередной раз пообещал подумать. Шпиону и его куратору ничего другого не оставалось, как смириться и ждать ответа.

Взяв паузу, контрразведчики рассчитывали за это время выйти на неведомого Гию и одновременно оперативно про-

работать связи Накаидзе среди военнослужащих батальона на предмет наличия среди них других лиц, возможно, сотрудничающих с грузинской спецслужбой. Но Накаидзе не хотел ждать и не давал прохода Павлу, при каждом удобном случае напоминал ему о телефонном разговоре с Гией и торопил с ответом. Правдин, не отрицая в принципе возможности подзаработать на этой теме, продолжал настаивать на личной встрече с сотрудником грузинской спецслужбы. Его настойчивость дала результат. Накаидзе пообещал организовать ее.

К тому времени контрразведчики уже располагали подробной информацией, кто скрывается за кличкой Гия. Им оказался кадровый сотрудник Специальной службы внешней разведки Грузии, специализирующийся на вербовке российских военнослужащих из числа грузин. Одной из последних его жертв стал подполковник М. Хачидзе, находившийся в активной оперативной разработке управления. Теперь, когда у Поэтина, Волкова и руководства УФСБ РФ СКВО появилась полная ясность, с кем они имеют дело, а Правдин в профессиональном и психологическом плане был готов сойтись лицом к лицу с опытным и коварным противником, пришло время для активных действий. Но в их оперативный замысел вмешалась война в Южной Осетии.

Седьмого августа 2008 года в 22.45 грузинская армия численностью в двенадцать тысяч человек при поддержке семидесяти пяти танков и систем залпового огня обрушилась на многострадальную Южную Осетию. Им противостояли батальон российских миротворцев и разрозненные отряды югоосетинских ополченцев. В том море огня, что обрушился на их позиции, казалось, не могло уцелеть ничего живого. Ворвавшись в Цхинвал, штурмовые группы, поливая свинцом и огнем его защитников, беспомощных стариков, женщин и детей, рвались к центру города. Казалось, еще

один залп, еще одна струя из огнемета, еще одна очередь из пулемета — и конституционный порядок, о котором вещал с телеэкрана торжествующий близкую победу Саакашвили, будет установлен в «мятежной территории».

Но жители Южной Осетии и ополченцы не хотели ему подчиняться. Они и российские миротворцы стояли насмерть. Они верили и надеялись, что Родина не бросит их на растерзание вероломному и безжалостному врагу. Они твердо знали, что она подставит им свое могучее плечо. И многострадальная, не единожды обогнанная, преданная и униженная русская, советская, российская армия, по-прежнему великая и благородная спасительница, пришла им на помощь. Они, ее офицеры, прапорщики и рядовые, многие из которых ютились по чужим углам и жили от зарплаты до зарплаты, месяцами не видя своих семей, в тот час испытаний, как истинно русские люди, поднялись на защиту слабого и униженного.

Части Северо-Кавказского военного округа под командованием боевого генерала В. Болдырева устремились к Рокскому тоннелю. Могучие «Илы» подняли на крыло отчаянных псковских десантников генерала А. Колпаченко. Из Грозного спешил на помощь батальон «Восток» — эта элита чеченской гвардии. Не считаясь ни с чем, они рвались к взывающему о спасении Цхинвалу. И только нога русского солдата ступила на многострадальную землю Южной Осетии, как по цепям грузинских стервятников пронесся истошный вопль: «Русские идут!» Хваленые рейнджеры, натасканные спецнами из стран НАТО, обкатанные в спецоперациях в Афганистане и Ираке, при первом же ударе российской армии обратились в паническое бегство. Возглавил его, как и положено Верховному главнокомандующему, сам Саакашвили, бросившись наутек при появлении в небе над Гори одного-единственного самолета-разведчика, и то, как оказалось, грузинской армии.

На пятый день войны о ней напоминали лишь дымящиеся развалины Цхинвала, обглоданные огнем скелеты брошенной грузинской бронетехники и трясущиеся от испуга рейнджеры, выползшие из окрестных лесов. Армия агрессора, вскормленная и выпестованная высокими покровителями режима Саакашвили, перестала существовать. Но его другая, тайная армия — спецслужбы, по-прежнему продолжала шпионить и натравливать банды наемников и террористов на российские села и аулы.

Еще не успели остыть пепелища и осесть земля на могилах, как хозяева Накаидзе и других агентов взяли за старое. В конце сентября 2008 года он предложил Правдину встретиться в кафе «Часть суши». Встреча прошла по уже обкатанной схеме. Попотчевав Павла изысканной японской кухней, Накаидзе плавно перевел разговор на шпионскую тему и сообщил, что Гия принял его предложение о встрече и предложил провести ее в Донецке, чтобы обсудить перспективы дальнейшего сотрудничества. В то время в соседней республике правил политический бал президент В. Ющенко, и потому грузинские спецслужбы вели на землях Незалэжной як у сэбэ в хате. Павел не стал больше упрямяться и согласился на встречу при условии, если это подтвердит сам Гия. Накаидзе взял тайм-аут.

В начале октября они встретились вновь. Во время разговора Правдин уступил настоятельным просьбам шпиона и согласился лично поговорить с Гией. В телефонном разговоре тот настойчиво склонял его к поездке на Украину и убеждал в полной ее безопасности, а в заключение заверил: «Можешь не переживать! Тут у нас все схвачено». Павел принял предложение.

С того дня операция российских контрразведчиков по внедрению в грузинскую спецслужбу перешла в активную фазу. И здесь у подчиненных генерала Золотцева возникла серьезная головная боль. Расчет на то, что Гия будет прово-

дить вербовку Павла на территории России, где они были хозяевами положения, не оправдался. Предположение о том, что эту акцию грузинские спецслужбы попытаются осуществить на территории третьей страны, и в частности Украины, выдвигалось, но глубоко не прорабатывалось. В этой связи Поэтину, Волкову и их руководителям пришлось в спешном порядке дорабатывать вопросы оперативного и физического прикрытия Правдина при его следовании на встречу с Гией. После того как Павел прошел последний инструктаж, а группа прикрытия в деталях проработала предстоящий маршрут следования и свои действия по его защите от возможных провокационных действий грузинских спецслужб, руководство Управления безопасности СКВО дало свое «добро».

Двенадцатого октября Правдин на машине Накаидзе выехал в Донецк. На границе и затем по пути следования ничего такого, чтобы могло его насторожить, не произошло. В тот же день они встретились с Гией в ресторане «Крузо», расположенном в центре города. Грузинский разведчик, не дав Павлу насладиться щирой украинской кухней, взял его в крутой оборот: подробно опросил о характере службы и содержании документов, с которыми ему приходилось работать. Правдин, придерживаясь линии поведения, отработанной на встречах с Поэтиным и Волковым, без запинки отвечал на самые каверзные вопросы. Попытки Гии прощупать Павла на предмет подставы органом безопасности провалились. Тот сам перешел в наступление и стал напирать на шпионов: «Я за копейки рисковать не собираюсь».

Гия тут же сбавил обороты, заявил, что за ценой не постоит, и продолжил опрос. На этот раз он пытался выяснить, сумеет ли Павел добыть схемы военных баз, складов и планы их расположения, план штаба СКВО, а также сведения, касающиеся мест жительства офицеров штаба округа, списки сотрудников ФСБ, их друзей и знакомых.

Правдин, помявшись, ответил: «Попытаться можно, но это очень опасно». Гия согласился и, чтобы разжечь денежный аппетит, заверил: «Такая работа будет хорошо оплачена», а чтобы окончательно расположить к себе Павла, поманил его обещанием, что в Грузии он станет желанным гостем. Правдин не высказал горячего желания загорать на золотых пляжах Батуми или утолять жажду знаменитыми водами «Боржоми» и ограничился тем, что заявил: «С хорошими деньгами везде можно неплохо устроиться». Гия согласился и, оставив в стороне лирику, принялся наставлять Павла и Накаидзе шпионскому ремеслу. В заключение затянувшегося товарищеского ужина он распределил между ними роли: Правдин добывает секретные материалы и передает Накаидзе, а тот на своей машине переправляет их на территорию Украины, где его будет ждать связник. Закончив инструктаж и отработав задание Павлу по получению секретных материалов, Гия выдал первый шпионский аванс, строго согласно армейской иерархии — старшему лейтенанту досталось пятьсот долларов, а старшине всего двести.

Возвратившись в Ростов, Правдин при встрече с Поэтиным и Волковым подробно пересказал беседу с Гией, передал ее аудиозапись, которую ухитрился сделать незаметно от шпионов, и без сожаления расстался с пятьюстами долларами. Руководители операции были довольны первыми результатами. В грузинской спецслужбе не заподозрили, что их банально водили за нос. Подтверждением тому, что Правдин вошел в ее доверие, служил шпионский аванс. Но не успели контрразведчики перевести дыхание, как Накаидзе снова принялся донимать Павла просьбами достать что-нибудь для Гии.

В руководстве операций решили подыграть шпионам и создать у них впечатление, что Правдин именно тот источник информации, который способен быстро добывать самые секретные материалы. Двадцать четвертого октября

Павел позвонил Накаидзе и пригласил зайти к нему, чтобы взять то, что он просил. Шпион тут же примчался в кабинет, где его ждали три секретных документа, над которыми основательно потрудились военные контрразведчики и офицеры штаба СКВО. Он пробежался взглядом по грифам «ДСП», «секретно» и названиям: «Предложения по созданию резерва вооружения и военной техники, предназначенных для усиления группировок войск (сил), создаваемых на Юго-Западном стратегическом направлении»; «Организация XX и XX отдельных мотострелковых бригад (горных)»; «Анализ действий обучаемых органов управления на первом этапе тренировки (приведение войск (сил) округа в боевую готовность «полная»)», и у него от радости затряслись руки. Тысячи долларов, что крутились в голове Накаидзе и не давали покоя ни днем, ни ночью, наконец, как ему представлялось, начали материализовываться. Отметив, что это именно то, что просил Гия, он похвастался: «За это я сдери с него не меньше полутора тысяч баксов».

Покинув кабинет Правдина, шпион и не подозревал, что в его руках находилась добротная сработанная деза, которая должна была надолго отбить охоту у грузинских стервятников проверять крепость российской армии, а видеозапись разговора, санкционированная судом, станет еще одним доказательством его преступной деятельности. Возвратившись к себе, Накаидзе спрятал полученные документы в тайнике, оборудованном в машине под приборной панелью, и, воспользовавшись свободным окном на службе, выехал в Украину, где его с нетерпением ждал Гия.

Но и эта встреча не принесла Накаидзе долгожданного материального благополучия. Назад он возвратился, проклиная себя в душе за то, что связался с грузинской разведкой. Ее жадность потрясла даже его, хорошо знавшего нравы своих соплеменников. Вместо десятка тысяч

долларов, на которые он рассчитывал, Гия вручил всего тысячу двести, из них тысяча предназначалась Правдину. Раздосадованный шпион решил отыграться на Павле, при встрече с ним передал лишь пятьсот долларов, а остальные семьсот банально прикарманил, объяснив, что потратился на ремонт своей машины.

Правдин, для вида поиграв в обиженного, попросил Накаидзе для отчета перед Гией написать расписку. Тому ничего другого не оставалось, как сделать это и тем самым пополнить список вещдоков, подтверждающих шпионскую деятельность. После этого Накаидзе по памяти написал очередное задание для Правдина, полученное от Гии. Оно сводилось к тому, что Павел должен был добыть сведения о местах проживания и номерах машин командования воинских частей и штаба округа, о возможно создаваемых в Южной Осетии и Абхазии бригадах Вооруженных сил России, количестве их личного и командного состава, техники, паролях и системах кодирования связи, а также любые данные о передвижении войск округа.

Над этим заказом грузинских спецслужб Павлу, Поэтину, Волкову и офицерам штаба пришлось основательно потрудиться, чтобы не допустить утечки реальных секретных сведений. К 15 ноября 2008 года работа была завершена, и в тот день Правдин в своем рабочем кабинете передал Накаидзе дезинформационные материалы — всего две директивы командующего войсками СКВО. Но зато каких: «Доклад начальника штаба. Разбор учения «Кавказ-2008» по управлению войсками (силами) антитеррористической деятельности на юго-западном стратегическом направлении». Просмотрев их, Накаидзе довольно потер руки и заявил: «Они потянут не меньше чем на пять штук баксов».

Расставшись с Правдиным, он действовал по уже отработанной схеме: спрятал их в салоне своей машины и на следующий день выехал в Украину. Там, в Донецке, в

гостинице «Нива» встретился с Гией и вручил ему документы. И опять его ждало жестокое разочарование — вместо ожидаемых тысяч долларов Накаидзе получил всего пятьсот, и те предназначались Правдину. Семнадцатого ноября 2008 года он возвратился в Ростов без копейки в кармане, потратив весь шпионский гонорар на себя. При встрече с Правдиным Накаидзе стал юлить, сослался на то, что Гия обещал произвести оплату после выполнения ими очередного задания, и быстро перевел разговор на производственную тему — по памяти письменно набросал новое задание. Оно мало чем отличалось от предыдущих и сводилось к получению Правдиным документов, раскрывающих учебно-боевую деятельность войск СКВО, ряд из которых имел гриф «совершенно секретно».

В руководстве операцией растущие аппетиты грузинской спецслужбы посчитали чрезмерными и после всестороннего анализа ее хода пришли к выводу о целесообразности завершения. К тому времени преступная деятельность Накаидзе не вызывала сомнений и была подтверждена вескими вещественными доказательствами. Что же касается самого Гии, то он дальше Украины своего носа не высовывал и пока оставался недосягаем для российских контрразведчиков. В этих условиях дальнейшее продолжение оперативной игры со спецслужбами Грузии не имело смысла, и руководители операции приняли решение завершить ее путем захвата шпиона с поличным.

Двадцать девятого ноября 2008 года стал последним днем пребывания Накаидзе на свободе. Получив у Правдина очередной пакет документов (несколько «директив» командующего войсками Северо-Кавказского военного округа; «Схемы организации X и XX военных баз»; «Схемы практических действий войск обозначения в ходе учения по управлению войсками (силами) антитеррористической деятельности на юго-западном стратегическом направлении

«КАВКАЗ-2008», а также ряд других), он покинул кабинет и прошел на стоянку к своей «семерке».

Нога Накаидзе привычно давила на педаль газа, когда впереди неожиданно возникла машина дорожно-патрульной службы. Он сбросил скорость, но было поздно. Старший лейтенант повелительно махнул жезлом и показал на обочину. Накаидзе чертыхнулся в душе, нажал на тормоза и в поисках дежурного «стольника» пошарил рукой в кармане куртки. Гибэдэдэшник подошел к машине и, похлопывая жезлом по ладони, попросил выйти. Накаидзе хотел было откупиться, но строгий и внушительный вид старлея не располагал к этому, и он подчинился. Тот оценивающим взглядом прошелся по выдавшей виды «семерке» и спросил:

— Ваша машина?

У Накаидзе готово было сорваться с языка крепкое словцо, но в последний момент он решил свести все к шутке и ответил:

— Командир, ты что, не веришь, что могут быть бедные грузины?

Тот остался безучастен и потребовал:

— Документы!

Накаидзе запустил руку в карман куртки, и в это мгновение парализующий волю крик «Стоять!» заставил его похолодеть. Из микроавтобуса словно горох посыпались бойцы в масках. В следующую секунду пальцы старшего лейтенанта железными клещами сжали его запястья. Операция «Захват», подготовленная военными контрразведчиками, заняла не больше минуты.

В тот ненастный день шпионская карьера Накаидзе, продолжавшаяся менее года, завершилась с оглушительным треском. Впереди его ждали долгие месяцы следствия и суд Северо-Кавказского военного округа. Шестнадцатого октября 2009 года он вынес ему строгий, но справедливый приговор, признав виновным в совершении преступления,

предусмотренного ст. 275 УК РФ, и с применением ст. 64 УК РФ назначил наказание в виде лишения свободы на 9 (девять) лет с содержанием в исправительной колонии строгого режима.

В соответствии со ст. 48 УК РФ суд лишил его воинского звания «старшина».

Надежде Накаидзе на то, что власти Грузии вступятся за него и вызволят из неволи, не суждено было сбыться. Заверения Гии: «Мы (грузинские спецслужбы) прикроем тебя и у себя, и в России», оказались пустым звуком. Они поспешили откеститься от провалившегося агента. Руководитель Информационно-аналитического департамента МВД Грузии, куда входят спецслужбы, Шота Утиашвили в интервью изданию «Ъ» по факту осуждения Накаидзе заявил: «Я не комментирую процессы по делам о шпионаже, идущие в других государствах».

Накаидзе оказался не нужен не только грузинской спецслужбе, но и близким ему людям. В офисе омудсмена Грузии все тому же изданию «Ъ» сообщили, что никто из родственников осужденного в России старшины к ним не обращался. И Накаидзе пришлось отправиться в девятилетний «отпуск». Там, в суровой сибирской тайге, в теплой компании земляков-шпионов М. Хачидзе, Х. Имерлишвили, М. Богданова и З. Херкеладзе под звуки бензопилы «Дружба» у него будет достаточно времени поразмыслить на тему: «Что такое хорошо и что такое плохо».

Именем Российской Федерации

Гор. Ростов-на-Дону

25 марта 2010 года

Северо-Кавказский окружной военный суд в составе: XXXXX, рассмотрев в закрытом судебном заседании материалы в отношении бывшего военнослужащего войсковой части XXXXX, ныне слушателя Военного учебного центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных сил Российской Федерации»,

подполковника Богданова Марлена Лаврентьевича, родившегося 22 июня 1968 г. в гор. Поти, Республика Грузия, гражданина Российской Федерации, ранее не судимого, с высшим профессиональным образованием, женатого, имеющего двоих детей 1995 и 2003 гг. рождения, на военной службе с июня 1986 г., в том числе на офицерских должностях с июня 1990 г.,

и военнослужащего войсковой части XXXXX подполковника Имерлишвили Хвичи Юлоновича, родившегося 10 марта 1968 г. в селе Шиндиси Го-

рийского района Республики Грузия, гражданина Российской Федерации, ранее не судимого, с высшим профессиональным образованием, разведенного, имеющего двоих детей 1994 и 2003 гг. рождения, на военной службе с августа 1986 г., в том числе на офицерских должностях с июня 1990 г.,

обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ, а также

Херкеладзе Зазы Нодаровича, родившегося 21 ноября 1975 г. в селе Живали Душетского района Республики Грузия, гражданина Грузии, ранее не судимого, с высшим профессиональным образованием, женатого, имеющего двоих детей 2007 г. рождения, заместителя начальника Оперативного управления Специальной службы внешней разведки Республики Грузия,

обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 276 УК РФ,

УСТАНОВИЛ:

13 января 2007 г. помощник командира войсковой части ХХХХХ подполковник Имерлишвили, имеющий допуск к сведениям, составляющим государственную тайну со степенью секретности «секретно» (форма 3), выехал на территорию Грузии, где был привлечен к негласному сотрудничеству заместителем начальника Оперативного управления Специальной службы внешней разведки Республики Грузия О., получил от него задание на собирание и передачу за денежное вознаграждение сведений, в том числе составляющих государственную тайну, о военнослужащих Министерства обороны Российской Федерации, органов ФСБ России, представителях органов власти и управления, воинских подразделениях и частях Вооруженных сил Рос-

сийской Федерации и их передвижениях в направлениях Республики Южная Осетия и дал согласие.

24 февраля 2007 г. Имерлишвили, находясь на территории Грузии, получил от сотрудника Специальной службы внешней разведки Республики Грузия X задание организовать выезд в Грузию ранее знакомого Имерлишвили старшего офицера разведывательного отдела войсковой части ХХХХХ Богданова с целью его последующей вербовки.

30 апреля 2007 г. Имерлишвили по заданию сотрудника ССВР Грузии X организовал выезд Богданова, имеющего допуск к сведениям, составляющим государственную тайну со степенью секретности «совершенно секретно» (форма 2), на территорию Грузии.

1 мая 2007 г. Богданову в ресторане «Махараджа» в гор. Тбилиси сотрудником ССВР Грузии Y предложено осуществлять конфиденциальное сотрудничество и за денежное вознаграждение собирать и передавать сведения, в том числе составляющие государственную тайну, в отношении Вооруженных сил Российской Федерации, дислоцированных как на территории Российской Федерации, так и на территории Республики Южная Осетия, ее поддержки Российской Федерацией в случае военного конфликта, мобилизационной готовности Вооруженных сил Российской Федерации и Южной Осетии к ведению боевых действий, дислокации на территории Республики Северная Осетия — Алания подразделений ракетных войск, наличия у силовых ведомств Российской Федерации агентуры, находящейся на территории Грузии.

В феврале 2007 г. гражданин Грузии, заместитель начальника Оперативного управления ССВР Грузии Херкеладзе прибыл на территорию Российской Федерации с целью шпионажа.

При этом, согласно полученному от руководства ССВР заданию, Херкеладзе, являясь резидентом названной

спецслужбы в гор. Владикавказе, должен был получить гражданство Российской Федерации, осуществлять соби- рание, хранение и передачу указанной специальной службе сведений, в том числе составляющих государственную тайну, о военнослужащих Министерства обороны Российской Федерации, органов ФСБ и МВД России, представителях органов власти и управления, подразделениях и частях Во- оруженных сил Российской Федерации и их передвижениях в направлении Республики Южная Осетия, местах возмож- ного пребывания президента Республики Южная Осетия в гор. Владикавказе. Кроме того, Херкеладзе предписывалось координировать действия агентурного аппарата грузинской спецслужбы на территории указанного региона и изучать возможных кандидатов на вербовку из числа российских граждан, изучать обстановку в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации...

В ходе судебных слушаний была установлена и полностью доказана вина все троих обвиняемых. Учитывая их раскаяние и активное содействие расследованию преступления, а также то, что ранее они к уголовной ответственности не привле- кались, суд, руководствуясь ст.ст. 307, 308 и 309 УПК РФ

ПРИГОВОРИЛ:

Признать Богданова Марлена Лаврентьевича и Имер- лишвили Хвичу Юлоновича виновными в совершении пре- ступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ, и назначить наказание:

Богданову — в виде лишения свободы на 15 (пятнад- цать) лет с содержанием в исправительной колонии строгого режима без штрафа;

Имерлишвили — в виде лишения свободы на 13 (три- надцать) лет с содержанием в исправительной колонии строгого режима без штрафа.

В соответствии со ст. 48 УК РФ лишить Богданова М. Л. и Имерлишвили Х. Ю. воинского звания «подполковник».

Признать Херкеладзе Зазу Нодаровича виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 276 УК РФ и назначить ему наказание в виде лишения свободы на 11 (одиннадцать) лет с содержанием в исправительной колонии строгого режима.

Эти лаконичные строчки из приговора Северо-Кавказского окружного военного суда лишь отчасти отражают ту кропотливую и напряженную работу сотрудников органов безопасности Российской Федерации, в частности военной контрразведки, по выявлению и пресечению шпионской деятельности резидентуры Специальной службы внешней разведки Республики Грузия, которая была нацелена на создание на территории Южного Федерального округа Российской Федерации разветвленной агентурной сети из числа военнослужащих силовых структур в интересах получения упреждающей информации об оперативно-боевых возможностях армейских и частей специального назначения, их способности к отражению готовящейся грузинским политическим руководством агрессии против республик Южная Осетия и Абхазия.

Кроме того, впервые в истории современных российских спецслужб контрразведчикам удалось вскрыть и пресечь деятельность резидентуры, которой руководил высокопоставленный кадровый сотрудник иностранной (грузинской) спецслужбы, использовавший для своей шпионской деятельности так называемое глубокое прикрытие. И не просто сотрудник, а человек, для которого когда-то главной столицей была Москва, а русский язык являлся родным.

В наши дни Грузия, эта некогда южная жемчужина на территории бывшего СССР, на Черноморском побережье и высокогорных курортах которой отдыхали миллионы

счастливых обладателей путевок и «дикарей», превратилась в непримиримого противника современной России. На ее территории под контролем местных и некоторых иностранных спецслужб готовятся и засылаются в республики Северного Кавказа банды террористов и диверсантов. Представить подобное каких-то пятнадцать — двадцать лет назад было немыслимо. Однако для многих российских граждан Грузия все еще остается экзотической страной, которой, как им кажется, очень не повезло с руководителями. В их представлении она продолжает ассоциироваться с той Грузией, что памятна старшему и среднему поколениям по известным кинофильмам «Кавказская пленница» и «Мимино». Эти замечательные картины, проникнутые искрометным южным юмором и согретые теплом сердец его обаятельных героев, в которых всегда найдется место для наивных русских, давно уже позабыты в самой Грузии.

К великому сожалению, все это осталось в прошлом. Сегодня Грузия, как бы это жестоко ни звучало, для России — утраченная иллюзия. За двадцать лет, прошедших с момента распада Советского Союза, в сознании многих грузин произошло радикальное изменение отношения к России и к ее гражданам. Мощно работающая и не знающая остановок идеологическая машина, умело отлаженная нынешними правителями в Тбилиси и стоящей за ними армией западных советников, основательно промыла мозги не только простому обывателю, но и тем, кто когда-то составлял так называемый цвет советской национальной интеллигенции.

Как это уже бывало в прошлом, правители Грузии, отравленные ядом национализма, ищут виновников своих бед и несчастий не внутри себя, а среди соседей. В конце восьмидесятых — начале девяностых годов прошлого века уголовный сброд из военизированной организации

«Мхедриони» («Всадники») под началом известного вора в законе Д. Иоселиани и боевики из национальной гвардии под командованием малоизвестного скульптора и художника с криминальным душком Т. Китовани пытались мечом и огнем подчинить абхазов и юго-осетин, рвавшихся на свободу из националистической удавки «малой империи» — Грузии. Эти попытки, унесшие тысячи жизней ни в чем не повинных людей, позорно провалились. Виновиком поражения, естественно, снова оказалась Россия, остановившая кровавую вакханалию и ставшая заслоном между враждующими сторонами по границам Южной Осетии и Абхазии.

С большой войной на время было покончено. И тогда подло, по-змеиному грузинские спецслужбы принялись жалить из-за угла. За четырнадцать лет, с 1994 по 2008 год, в засадах боевиков погибло 103 российских миротворца, несколько сотен получили ранения и увечья, на фугасах подорвались десятки единиц боевой техники. Но Россия не ушла с южных рубежей, обеспечивая в этом регионе хоть и зыбкий, но мир. Мир, который был не по нраву тбилиским правителям и их заокеанским хозяевам, расчищавшим площадку для «большой трубы» — транспортировки углеводородов из Каспийского бассейна.

Очередная их попытка в октябре 2001 года с помощью головорезов чеченского полевого командира Р. Гилаева одним броском из грузинской Сванетии покончить с непокорной Абхазией позорно провалилась. Окончательно разложившееся и погрязшее в криминальных разборках воинство Д. Иоселиани и Т. Китовани было уже ни на что не способно. В сложившейся ситуации «демократическим» вождям Грузии и их западным кукловодам ничего другого не оставалось, как создавать заново мощный военный кулак, с помощью которого они рассчитывали размозжить головы непокорным абхазам и юго-осетинам.

Усилиями США и других стран НАТО в кратчайшие сроки была проведена полная модернизация всех силовых ведомств Грузии. К концу 2007 года общие расходы на оборону стали запредельными и достигли 11,5% от годового бюджета страны. Столь своеобразное и стремительное укрепление «демократии» в Грузии было связано, видимо, с растущей политической, экономической и военной мощью России. Она все увереннее заявляла о своих национальных интересах на Южном Кавказе.

В Вашингтоне и Тбилиси всячески старались не допустить этого, и потому военная мускулатура грузинской армии росла не по дням, а по часам. «Накачивали» ее, как говорится, всем западным «демократическим» миром. В дополнение к десяти вертолетам «Ирокез», безвозмездно переданным американцами, ее военный арсенал пополнился тринадцатью вертолетами Ми-8, семью штурмовиками Су-25, четырьмя истребителями МиГ-23 и шестью легкими реактивными самолетами Л-159, предоставленными Чехией, Украиной и Болгарией. Существенно возросла и боевая мощь бронетанковых войск за счет поставок чешской стороной нескольких десятков танков, а украинской — сорока БМП-2. Специалисты из Израиля нарастили на них броню, оснастили системами «свой — чужой» и тепловизорами.

В 2007 году техническое и количественное превосходство грузинской армии над военными формированиями Абхазии и Южной Осетии стало подавляющим. К тому времени усилиями западных СМИ в отношении этих республик в сознании европейцев и американцев сформировался устойчивый образ рассадника терроризма и бандитизма. И тогда в Тбилиси и Вашингтоне посчитали, что настал час расчистить площадку для «большой трубы». В глубочайшей тайне, опираясь на помощь многочисленных советников из стран НАТО, грузинская армия стала готовиться к

проведению военной операции, позже получившей кодовое название «Чистое поле».

Первыми вступить в схватку предстояло специальным службам Грузии. Особое место в проведении разведывательно-подрывной деятельности отводилось нелегальным резидентурам. Им предстояло создать мощную агентурную сеть в окружении, а также непосредственно в частях МО и МВД России.

О том, какое значение, и в частности в Специальной службе внешней разведки, придавалось данной работе, лишний раз свидетельствует то, с какой тщательностью на должности нелегальных резидентов подбирались кандидаты. Даже во времена всемогущего НКВД, для которого, казалось, не существовало невыполнимых задач, на них не назначались сотрудники по должности выше, чем начальник отдела. Цена блицкрига, замышлявшегося «ястребами» в Тбилиси и Вашингтоне, по захвату республик Южной Осетии, Абхазии, а в конечном итоге вытеснению России из этого стратегически важного региона, была настолько велика, что кандидатуры ниже начальника отдела или заместителя начальника управления руководством ССВР не рассматривались.

Для выполнения такой ответственной задачи требовались люди с крепкими нервами, обладающие хорошими организаторскими способностями и умеющие быстро вживаться в новую обстановку. Главным же критерием для кандидата в резиденты являлось неприятие современной России. Всем этим критериям соответствовал заместитель начальника Оперативного управления Специальной службы внешней разведки Республики Грузия Херкеладзе Заза. Профессионал, прошедший все служебные ступеньки, имевший за спиной участие в операциях, связанных с риском для жизни, он готов был отказаться от теплого кабинета, высокого должностного положения, чтобы раствориться в

стране, где ему в случае провала грозило суровое уголовное наказание.

На заключительной встрече с высшими руководителями ССВР Херкеладзе подтвердил свое согласие возглавить нелегальную резидентуру на территории России. На его решение повлияли не столько заверения в том, что они «сделают все возможное и невозможное, чтобы его ответственная миссия завершилась успешно», сколько глубокое неприятие России. Не последнюю роль сыграло и слово «герой», которое частенько звучало в речах тех, кто посылал его на задание. Оно приятно тешило честолюбие будущего резидента, да и кому из смертных не хотелось бы войти в историю в качестве ее творца. Определившись с резидентом, руководство ССВР допустило один существенный просчет. В последующем, возможно, именно он сыграл роковую роль в судьбе Херкеладзе. Оно не учло того, что с такой фамилией в России долго не продержаться, рано или поздно, а что-нибудь да вылезет.

Но приказы, как говорится, не обсуждаются, а выполняются. Херкеладзе вплотную занялся подготовкой к переходу на нелегальное положение. Его опустевший кабинет вскоре занял другой. Для коллег он просто ушел со службы. В условиях реорганизации ССВР, когда многим ее сотрудникам не находилось в ней места, это осталось незамеченным. Для родных и близких переход на нелегальную работу легендировался длительной командировкой. Об истинной ее цели в разведке знал лишь узкий круг руководителей. Самому Херкеладзе пришлось сменить стильный костюм чиновника на одежду коммерсанта средней руки и начать вживаться в новый образ. И когда он с ним освоился, пришло время покинуть Грузию, чтобы отправиться в опасный и непредсказуемый путь — в Россию.

Район его предстоящей разведывательной деятельности простирался от суровых кавказских гор до бескрайних донских степей. Местом оседания был выбран Владикавказ.

Этот выбор руководителей ССВР определялся стратегическим значением города. Там находился штаб 58-й армии Северо-Кавказского военного округа. В его окрестностях располагалось значительное количество частей Министерства обороны и внутренних войск МВД РФ. От столицы Северной Осетии — Алании было рукой подать до Республики Южная Осетия, на которую нацеливали свой первый удар разработчики плана военной операции «Чистое поле». На этой обширной территории резиденту Херкеладзе и предстояло сплести свою агентурную сеть, а затем наладить получение информации о мобилизационных возможностях армейских и частей МВД России, военных формирований Республик Абхазия и Южная Осетия, а также их ответных действиях на грузинскую агрессию.

К началу 2007 года подготовка Херкеладзе по переходу на нелегальное положение была полностью завершена. Простившись с родными, он в феврале по легальному каналу въехал на территорию России. Его документы, исполненные мастерами своего дела, не вызвали подозрений ни у российских пограничников, ни у сотрудников милиции. Благополучно пройдя все проверки, Херкеладзе растворился в людском потоке и без помех добрался до Владикавказа. Там ему предстояло легализоваться, и в этом резидент грузинской разведки рассчитывал на помощь ее агента — подполковника российской армии Имерлишвили Хвичи.

Гражданин России, прослуживший сначала в советской, а затем в российской армии свыше двадцати лет, он стал одной из многих жертв грузинской разведки. В ее поле зрения Имерлишвили попал задолго до вербовки по наводке другого агента. Помощник командира части (военного госпиталя) по материально-техническому обеспечению, начальник отдела, имеющий доступ к документам, составляющим государственную тайну, в том числе мобилизационного характера, поддерживающий широкие связи среди командного состава

58-й армии, он на свою беду имел ряд уязвимых, с позиций вербовщика, мест — мать, страдающую хроническим заболеванием и нуждающуюся в постоянном уходе, которая проживала в Грузии, а также мелкие грешки, связанные с корыстным использованием своего должностного положения.

Все это было хорошо известно ССВР. А ничего не подозревавший Имерлишвили, в очередной раз отправляясь к матери, не подозревал, что обратно вернется агентом грузинской разведки. День 13 января 2007 года стал для него роковым. Встреча и последующий разговор с обходительным земляком не внушали ему каких-либо опасений. Богатый стол, прекрасное вино, и все это за чужой счет, а также легкая беседа настроили Имерлишвили на лирический лад. И тут собеседник проявил поразительную осведомленность о его служебных и личных делах. Российский подполковник почувствовал себя не в своей тарелке, а дальше ему и вовсе стало тоскливо, когда речь зашла о том, что каждый грузин, где бы ни находился, должен помнить о своей исторической родине и в трудную для нее минуту прийти на помощь. Имерлишвили вяло поддакивал, поняв, к чему клонится разговор, и в своем предположении не ошибся. Сбросив маску благодушия, щедрый за казенные деньги земляк представился заместителем начальника Оперативного управления ССВР «О» и заговорил прямым текстом. Обратившись к национальным чувствам Имерлишвили, он предложил «оказать помощь родине, страдающей от сепаратистских режимов и имперских сил», под которыми, естественно, подразумевались северные соседи Грузии.

Имерлишвили, давший воинскую присягу служить России и грузин по национальности, вероятно, в те минуты испытывал сложные и противоречивые чувства. Воспитанный службой и наученный многочисленными ревизорскими проверками, он отдавал себе отчет в том, чем для него могла обернуться подобная помощь. Шпионаж, а именно о нем

вел речь «О», — это не недостача имущества на складе, которую можно закрыть дорогим подарком или щедрым угощением вездливого ревизора в ресторане «Кавказ». Здесь пахивало суровой Сибирью и не менее суровым приговором. От такой мрачной перспективы у Имерлишвили внутри все похолодело.

Его ответ без слов читался на ставшей сразу постной физиономии. И тогда «О» резко поменял тон и тактику разговора. Он напомнил о больной матери, недвусмысленно намекнул, что с ее посещением у Имерлишвили возникнут большие проблемы. Продолжая дальше развивать эту болезненную для любящего сына тему, «О» дал понять, что в случае согласия на сотрудничество благодарность родины и разведки не будет иметь границ. А чтобы окончательно развеять опасения будущего агента, он заверил: «Наша служба сделает все, чтобы ты не пострадал, и обеспечит на родине достойную жизнь».

Эти аргументы и обещание «О» в ближайшее время оформить гражданство и грузинский паспорт, пересилили страхи Имерлишвили. Имея привычку пускать налево излишки с продовольственного и медицинского складов, он без больших угрызений совести пустил налево Отечество, которому присягал на верность, и дал согласие на сотрудничество с ССВР. Спеша закрепить вербовку, «О» тут же дал ему задание по сбору информации о частях СКВО, дислоцирующихся в Северной Осетии, а также по получению установочных и характеризующих данных на офицеров штаба 58-й армии, сотрудников управлений ФСБ и МВД. В заключение явки он проинструктировал вновь завербованного агента по мерам конспирации и обговорил способы связи. В случае необходимости срочной явки предусматривалось использование канала сотовой связи.

По возвращении в Россию Имерлишвили ждала встреча с резидентом Херкеладзе. Тот не стал тратить время на

пустые разговоры, опросил в качестве проверки по уже известным ему по службе сведениям, подтвердил задание, поставленное «О», и потребовал выполнить его в кратчайшие сроки. Такая спешка грузинской разведки имела под собой основания. До начала агрессии Грузии против Южной Осетии оставалось всего семнадцать месяцев, а в ССВР имели самое смутное представление о боевых возможностях частей СКВО и планах их отобюрокраживания. Еще большего тумана напустила начавшаяся в Вооруженных силах России реформа. Она порождала массу вопросов у разработчиков плана военной операции «Чистое поле».

В сложившейся ситуации Херкеладзе не мог рассчитывать только на одного, пусть даже высокопоставленного, агента, ему как воздух требовалась полнокровная, имеющая доступ к секретным материалам сеть агентов. В этой связи он и руководство ССВР сделали ставку на выходцев из Грузии. На них имелись мощные рычаги давления, начиная от циничной игры на национальных чувствах и заканчивая прямыми угрозами и шантажом. Отлаженная с помощью западных советников система учета оперативно значимых связей граждан Грузии, проживавших в России, позволила ССВР создать банк данных на тех лиц, кто мог послужить ее интересам. Поэтому на очередную явку с агентом Имерлишвили резидент Херкеладзе пришел не с пустыми руками.

Первым в списке потенциальных шпионов стоял старший офицер разведотдела армии подполковник Марлен Богданов (Балашвили), имевший доступ к совершенно секретным документам, регулярно посещающий родственников в Грузии и не чуждый человеческих слабостей. Готовя его вербовку, в ССВР, взвесив все «за» и «против», решили не рисковать резидентом, а подключить к операции агента Имерлишвили. В ходе его опроса по офицерам штаба 58-й армии осторожный Херкеладзе не стал сразу заострять внимание на Богданове и ограничился получением дополни-

тельной информации, характеризующей личность кандидата в шпионы. В заключение явки он поручил Имерлишвили через коррупционные связи в местной эмиграционной службе обеспечить ему легализацию во Владикавказе — оформление российского паспорта, а также потребовал выехать в Грузию для встречи с сотрудником ССРВ.

После явки с резидентом Имерлишвили, зарядив своих знакомых в Управлении ФМС на оформление российского паспорта для Херкеладзе, под предлогом оказания помощи матери покинул часть и выехал на историческую родину. Двадцать четвертого февраля 2007 года у него состоялась явка со старым знакомым — заместителем начальника Оперативного управления ССВР «О». Началась она с дружеского ужина, сопровождавшегося опросом по результатам выполнения предыдущего задания, и в заключение последовала убедительная просьба организовать приезд Богданова в Грузию.

Выполнение этого задания грузинской разведки не потребовало от Имерлишвили больших усилий. На короткой ноге с Богдановым он не находился, но сложившиеся отношения позволяли ему надеяться убедить земляка съездить на родину. Такой разговор между ними состоялся. Не раскрывая истинной цели встречи с «человеком, у которого имелись интересные предложения», Имерлишвили добился от Богданова согласия отправиться в Грузию.

С того дня миновала не одна неделя. Яркое южное солнце растопило снега, вскоре яркая зелень покрыла предгорья, сады оделись в нежно-розовый убор, а Богданов так и не смог покинуть Владикавказ. Закрученный в колесо армейских проверок и учений, он не принадлежал самому себе, и только накануне Первомайских праздников наконец образовалось свободное окно. Тридцатого апреля, не подозревая, что его ждет впереди, Богданов вместе с Имерлишвили отправился в Грузию и там с первых шагов попал под крыло ССРВ. Встре-

тил их кадровый сотрудник разведки «Г», предпочитавший до поры до времени скрывать свою принадлежность к спецслужбе. Его уверенный тон и шикарное авто произвели на Богданова впечатление. Пока еще российский военный разведчик, он не почувствовал грозящей опасности и без колебаний принял приглашение закрепить дружбу в более располагающей обстановке.

На следующий день далеко не святая троица собралась в тбилисском ресторане «Махараджа». Импозантный метрдотель, ряженный под раджу, склонившийся в заискивающем поклоне перед «Г», официант, рассыпающийся мелким бисером, и легкость, с которой новый знакомый сорил деньгами, лишний раз убедили Богданова в том, что перед ним находится «хозяин жизни». Это обстоятельство, а также чарующая грузинская мелодия и приторный слей, лившийся из медовых уст «Г» в тоскующую душу земляка, «мыкающегося на чужбине за грошовую зарплату», казалось бы, сделали свое дело. Богданов, как говорится, поплыл. «Г», посчитав, что лед тронулся, предложил ему сотрудничество с грузинской спецслужбой, и здесь у него произошел сбой. Богданов не горел желанием помочь в трудную минуту родине, «страдающей от сепаратистов и имперских сил». В нем, видимо, еще было живо такое понятие, как офицерская честь, а может, и банальный страх не позволил переступить ту роковую черту, которая называется предательством. Опытный вербовщик, «Г» тонко уловил происходящую в Богданове борьбу мотивов и решил не перегибать палку. Банальный шантаж и прямые угрозы могли загнать вербовочную ситуацию в тупик, и тогда прощай будущий ценнейший источник информации. Поэтому та поездка в Грузию для Богданова закончилась дружеским ужином и пожеланием «Г» как следует подумать над его предложением.

С той встречи прошло шесть месяцев, а Богданов все думал. Пауза в вербовке затягивалась. До начала агрессии Гру-

зии против Республики Южная Осетия оставалось меньше года. В руководстве ССВР не могли больше ждать, когда он созреет для вербовки, и надавили на Херкеладзе. Тот вызвал на явку Имерлишвили и потребовал дожать неговорчивого подполковника. На этот раз Богданов быстро поддался на его уговоры, и они снова отправились в Грузию. Знал ли старший офицер разведотдела российской армии, чем для него закончится та поездка? Вероятно, да. Последующий ход развития событий и его поведение подтверждают это.

Четырнадцатого ноября 2007 года в одном из номеров отеля «Старый Тбилиси» состоялась вторая встреча Богданова с сотрудником ССВР «Г». На этот раз тот изменил тактику вербовочной беседы. Лирика о любви к исторической родине отошла на второй план, и вместо нее на столе заманчиво зашуршали денежные купюры. Три тысячи долларов перевесили присягу, которую когда-то давал российский подполковник Богданов и подавили сидевший в нем страх. Возможно, не последнюю роль в его решении сыграла и недавняя обида. Провал при поступлении в Военный учебный центр Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации» он, вероятно, связывал с предвзятым к нему отношением. Но чем бы ни руководствовался Богданов, приняв деньги, он тем самым подтвердил свое согласие на сотрудничество с грузинской разведкой. А «Г» посчитал, что одного этого будет недостаточно, и, стремясь отрезать ему пути к отступлению, закрепил агентурные отношения распиской в получении денег.

Во Владикавказ вновь завербованный агент возвратился с заданием собирать сведения о боевой и мобилизационной готовности частей СКВО, военных формирований Республики Южная Осетия и их возможному использованию в боевых действиях против армии Грузии, а также добывать информацию о дислокации на территории Республики

Северная Осетия — Алания ракетных войск и наличии агентуры российских спецслужб на территории Грузии.

Пятнадцатого ноября Богданов приступил к выполнению задания. Пользуясь своим положением старшего офицера разведотдела и доверием сослуживцев, он, работая с секретным документом, в котором были указаны обобщенные данные за военный округ, сделал его электронную копию и вынес за пределы части. Позже, в начале декабря, получив доступ к электронному справочнику, содержащему списочный состав руководящего состава силовых структур с указанием их адресов, служебных и сотовых телефонов, тайно скопировал его. В том перечне секретов особый интерес для ССВР представляли номера сотовых телефонов командиров воинских частей и руководителей специальных служб. Накануне агрессии и в период боевых действий разработчики военной операции «Чистое поле» рассчитывали не только осуществлять радиоперехват их переговоров, но и пеленговать места нахождения, чтобы затем уничтожить путем нанесения точечных ударов.

Не отставал от Богданова и Имерлишвили. Он сумел обобщить и передать Херкеладзе сведения, ставшие известными во время участия в различных служебных совещаниях, на которых рассматривались вопросы от мобилизации частей гарнизона. Ранее, в середине июля 2007 года, во время проведения учений на одном из полигонов в Дарьяльском ущелье он, используя свои должностные полномочия, схитрил провести его на служебной машине в этот район. Госпитальная санитарка с врачами не вызвала подозрений у контролеров на КПП, и Херкеладзе беспрепятственно проник на территорию полигона. И пока военные отработывали учебно-боевые задачи, Имерлишвили быстро накрыл походный стол для коллег — двух врачей, которые и не подозревали, что играли роль массовки для особо бдительных патрулей. Вскоре жарко припекавшее солнце и сытная пища

разморили их, и они отползли в тень. Воспользовавшись этим, Херкеладзе подобрался к району учений и произвел цифровую видеосъемку.

В конце июля он вновь встретился с Имерлишвили в ресторане «Золотая форель», находившемся на 23-м километре шоссе Владикавказ — Ардон. В перерывах между тостами Имерлишвили похвалился резиденту очередным шпионским уловом и передал информацию, касающуюся одного особо важного военного объекта. После обработки этого и других материалов, ряд из которых составлял государственную тайну, Херкеладзе, зашифровав их, сбросил на флеш-карту и на очередной явке с Имерлишвили поручил вывезти материал в Грузию.

Двадцать восьмого июля 2007 года тот отправился навестить больную мать. Вместо нее его встретил заместитель начальника Оперативного управления ССВР «О». Душу шпиона приятно тешило не столько предупредительное отношение такого высокопоставленного чина, сколько щедрость. Стоимость десятка копий листов из секретных и служебных документов с лихвой перекрывала навар, который он имел на усушке и утруске продуктов с продовольственного склада военного госпиталя.

Эта кажущаяся легкость и доходность шпионского бизнеса окрылила Имерлишвили. Возвратившись в часть, он в августе, пользуясь доверием сослуживцев, сумел получить доступ к документу ограниченного пользования, в котором излагался план крупного командно-штабного учения, и скопировал его. Полученный материал жег карман, и агент срочно вызвал на явку резидента. Херкеладзе с ходу оценил важность полученной информации и, не мешкая, лично 10 августа вывез ее в Тбилиси, а там передал все тому же заместителю начальника Оперативного управления ССВР «О».

Теперь, когда оба агента-подполковника, негласно соревнуясь друг с другом, таскали и копировали служебные

документы, а у самого Херкеладзе на руках появился подлинный российский паспорт, да еще с пропиской, руководители ССВР посчитали, что настало время переходить ко второму этапу операции по полной легализации резидента и обзаведении надежной «крышей». Но о такой, как российская спецслужба или РСХА, им приходилось только мечтать, подобное удавалось лишь легендарному Исаеву-Штирлицу. Поэтому потомки зловеще известного земляка наркома НКВД Лаврентия Берии не стали изобретать велосипед, и из стандартного набора «крыш» — владелец художественного салона, кафе, небольшого ресторанчика или, на худой конец, парикмахерской — остановили выбор на ресторане. При этом патроны Херкеладзе руководствовались вполне прагматичными соображениями. Та щедрая финансовая помощь, что проливалась на грузинские спецслужбы из секретных фондов ЦРУ, позволяла не только шпионить, но и при умении грамотно списывать налево оперативные расходы, жить на широкую ногу.

Получив новое задание, а к нему кругленькую сумму, Херкеладзе с помощью Имерлишвили, знавшего все значные точки Владикавказа не хуже чем госпитальный продсклад, прошерстил их и положил глаз на ресторан с претенциозным названием «Леди Фокс». Леди в нем если и бывали, то весьма сомнительного поведения, а сэрами и пэрами там вовсе не пахло. Взяв ресторан в аренду, резидент как профессионал оценил и другие его достоинства. В нем часто проводили досуг офицеры 58-й армии и внутренних войск МВД. Суровый армейский жаргон, звучавший под крышей ресторана, для него был самой сладкой музыкой. Будущих агентов с их слабостями и недостатками Херкеладзе надеялся вербовать прямо на месте.

Теперь, когда появилась такая «крыша» и он полностью вник в оперативную обстановку, вопрос укрепления резидентуры новыми кадрами — выходцами из России,

готовыми торговать государственными секретами оптом и в розницу, встал перед ним в полный рост. В первую очередь Херкеладзе интересовали те офицеры, которые имели прямой доступ к документам ограниченного пользования или занимались их разработкой. В решении этой задачи он рассчитывал на Богданова и Имерлишвили. Первому он отводил роль наводчика на объект вербовки, а второму предстояло вести их обработку, чтобы затем склонить измене.

После нескольких месяцев изучения потенциальных кандидатов Херкеладзе остановил свой выбор на нескольких старших офицерах 58-й армии. Их привлечение к сотрудничеству с грузинской спецслужбой открыло бы перед ней неограниченные возможности по получению самой секретной информации. Свои предложения по ним он доложил руководству ССВР, их поддержали, но после всесторонней оценки, и на этот раз решили не рисковать резидентом. Ему поручили координацию действий Богданова и Имерлишвили по обработке и склонению кандидатов на вербовку к выезду в Грузию. Принимая такое решение, патроны Херкеладзе руководствовались тем, что на своей территории в отношении российских офицеров можно будет смело использовать весь арсенал средств, начиная с «медовой ловушки» и заканчивая фото с сотрудником грузинской спецслужбы «на память». Для самых несговорчивых имелись и более жесткие варианты, например, пьяный дебош с нанесением увечий безвинной жертве распоясавшимся российским офицером с последующим международным скандалом.

После того как в ССВР определились с двумя потенциальными жертвами, Богданов, выполняя задания, с октября 2007 года принялся их активно обхаживать. Суля им массу впечатлений и хороший отдых, он предлагал прокатиться в Грузию к своим родственникам и знакомым. Прошел месяц, за ним другой, а офицеры на уговоры не поддались.

Наступивший новый 2008 год не принес удовлетворения Херкеладзе. Несмотря на все его усилия, агентурная сеть никак не сплеталась. В Тбилиси начали нервничать. До начала агрессии Грузии против Южной Осетии оставалось меньше семи месяцев, а резидентура так и не встала на ноги. В адрес резидента посыпались упреки. Он, стараясь не ударить в грязь лицом, надел на агентов и пытался как мог выжать из них хоть что-то. К тому времени Имерлишвили исчерпал свои возможности; добытые им данные о мероприятиях командования, касающиеся очередного учения, служили слабым утешением. К тому же это была информационная утка, ловко запущенная российскими контрразведчиками на стол грузинской разведки.

Последнюю надежду резидент связывал с агентом Богдановым. Тот, казалось, взлетел высоко, со второй попытки поступил на учебу в Военный учебный центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации» в Москве. Желая разжечь в нем шпионский аппетит, Херкеладзе направил к нему Имерлишвили с тремя тысячами долларов, чтобы рассчитаться за выполнение предыдущего задания и стимулировать на будущее.

Встреча двух шпионов произошла 12 апреля 2008 года в аэропорту «Внуково». Богданов, не моргнув глазом, взял деньги, но в ответ ничего нового сообщить не смог. Военное искусство, которое он изучал в академии, было далеко от нынешней ситуации на Южном Кавказе, оно застряло где-то во времена «Очакова и покоренья Крыма». Обратно во Владикавказ агент Имерлишвили возвратился лишь с одними обещаниями агента Богданова добыть важную информацию.

Наступило жаркое лето 2008 года. До начала вероломной агрессии Грузии оставалось чуть больше месяца. Ее армия, грозно лязгая гусеницами, сосредотачивалась у границ с Республикой Южная Осетия и Республикой Абхазия. В ССВР не знали ни минуты покоя и терзали своих

резидентов и агентов, требуя от них информации и еще раз информации о всех перемещениях российских войск и военных формирований южных республик. Но Херкеладзе и его агенты порадовать своих хозяев уже ничем не могли. К тому времени российские контрразведчики незримо для них воздвигли стену отчуждения.

Двадцать девятого июня 2008 года стал черным днем для ССВР. На ее вызовы перестали отвечать ведущий резидент Херкеладзе и ценный агент Имерлишвили. Спустя пять дней, 4 июля, оборвалась связь с другим особо ценным агентом Богдановым. В те дни российские контрразведчики осуществили молниеносные операции по их захвату. Во время обысков нашли полное подтверждение ранее полученных оперативных данных о проведении ими шпионской деятельности, направленной против обороноспособности Российской Федерации. Обнаруженные по местам их жительства вещественные доказательства не оставляли шпионам шансов уйти от ответственности за совершенные преступления. Под давлением неопровержимых улик Богданов и Имерлишвили не стали заператься и начали давать подробные показания о том, кем, когда и при каких обстоятельствах были завербованы, какие задания ССВР выполняли и какую информацию передавали ее сотрудникам.

Лишь резидент продолжал упорствовать. Несмотря на очевидные факты и свидетельские показания подельников Богданова и Имерлишвили, он упрямо отрицал свою вину. Возможно, Херкеладзе верил в заверения своих руководителей из ССВР, обещавших в случае провала сделать все возможное и невозможное и вырвать его «из лап ФСБ». А может, рассчитывал на то, что влиятельные на Западе политические силы надавят на Москву и он, покинув тюремную камеру, предстанет героем на своей родине. Но обещания так и остались обещаниями; надавить на Москву уже не получалось, прошли те времена. Отчаявшись, Хер-

келадзе наглухо закрылся. Попытки следователя и старшего оперуполномоченного по особо важным делам капитана второго ранга Андрея Охотникова разговорить резидента наталкивались на упорное сопротивление.

Очередная попытка Охотникова установить контакт с Херкеладзе, казалось бы, потерпела неудачу. Резидент продолжал игру в молчанку. Их разделяла невидимая стена. Оба почти ровесники, родившиеся в одной стране — СССР, говорящие на одном языке, когда-то ходившие в детский сад, а потом в школу под звуки одних и тех же мелодий, спустя годы стали непримиримыми противниками. И тогда Андрей решил изменить тактику беседы. Он присел на стул, открыл папку с материалами, затем бросил быстрый взгляд на Херкеладзе, прочел в его глазах холодное презрение и произнес ставшую уже дежурной фразу:

— Гражданин Херкеладзе, чистосердечное признание и сотрудничество со следствием облегчает вину.

Тот ничего не ответил и отсутствующим взглядом смотрел куда-то за спину Андрея. Охотников сохранял выдержку, он не терял надежды добиться от резидента признаний в шпионской деятельности и решил пойти по нетрадиционному пути. Перед ним находился профессионал, который знал, на что шел, когда взвалил на себя тяжкое бремя нелегального резидента. Обращение к его памяти об их некогда общей родине, апеллирование к вековой дружбе русского и грузинского народов, обвинения в адрес нынешних правителей в Тбилиси не имели смысла. Суровая действительность слишком далеко развела их по разные стороны баррикад. Единственный путь из возникшего тупика Охотников видел в том, чтобы достучаться до холодного разума Херкеладзе. И первый его вопрос: «Сколько вам лет?» — попал в цель.

— Чего, чего?! — удивился Херкеладзе.

— Так сколько?

— В протоколе все записано.

— А сколько вам будет эдак лет через двадцать — двадцать пять?

В камере воцарилась тишина.

— Молчите? Тогда я отвечу, под шестьдесят, — нарушил тишину Андрей.

— А вам-то что с того? — сквозь зубы процедил Херкеладзе и ожег его ненавидящим взглядом.

Охотников не отвел глаз и, не меняя тона, продолжил:

— Мне ничего. А вот вы выйдете на свободу дряхлым стариком, с кучей болезней и...

— Это мы еще посмотрим! — здесь выдержка изменила резиденту. Его пальцы сжались в кулаки, и кожа побелела на костяшках.

— И смотреть нечего. При такой вашей позиции и тех вещаках, что имеются у обвинения, можете не сомневаться, загремите на полную катушку.

— Катушку?

— Да! Думаю, что за это время не знаю как дети, а те, кто вас посылал шпионить, вряд ли вспомнят про сгинувшего в Сибири резидента, и то если им самим найдется место в Грузии.

— А вот этого не надо! Ты... ты Грузию не... — задохнулся от ярости Херкеладзе и угрожающе подался вперед.

— Не кипятитесь! Возьмите себя в руки и трезво оцените свое положение, — осадил его Охотников и снова обратился к разуму резидента: — Это уже сам грузинский народ определит, какая ему нужна Грузия. Вы только вдумайтесь, в России живет полтора миллиона грузин, почти треть населения Грузии. И заметьте, они не жалуются. Так какую же Грузию вы защищаете? Грузию Саакашвили, который сделал нас врагами?

— Ту, которая сбросила русское ярмо. За нами цивилизованная Америка и Европа, — с вызовом ответил Херкеладзе.

— Если вы надеетесь, что проспект Буша в Тбилиси приведет к храму, то ошибаетесь, он приведет в тупик.

— Но и ваш проспект Ленина к коммунизму не привел.

— Ну, уж если быть до конца точным, то имени не Ленина, а вашего земляка Иосифа Сталина.

— Сталина?! Его-то как раз и не хватает, чтобы покончить с этим бардаком!

— ГУЛАГ ни вам, ни нам не нужен. Будем реалистами, надо смотреть в будущее.

— Вы мне его обрисовали.

— Оно в ваших руках. В 2013 году к власти в Тбилиси придут новые политики. Я не исключаю, что отношения между нашими странами нормализуются, и тогда ваша деятельность потеряет всякий смысл. В таком случае зачем вам загонять самого себя в угол? Вы же профессионал и должны следовать логике.

Эта фраза Охотникова надолго повисла в воздухе. Резидент ушел в себя. На его замкнутом лице трудно было прочитать мысли. Андрей терпеливо ждал, надеясь, что на этот раз у Херкеладзе возобладает здравый смысл, и в своих ожиданиях не обманулся. Резидент заговорил...

Седьмого августа 2008 года в 22.45 системы залпового огня «Град» грузинской армии обрушили шквал огня на мирно спящий многострадальный Цхинвал. Под развалинами домов гибли дети, старики и российские миротворцы. Этих жертв могло быть гораздо больше, если бы в те дни на свободе оставались Херкеладзе, Имерлишвили, Богданов и другие арестованные агенты грузинской разведки, которые бы наводили отряды головорезов на позиции и командные пункты осетинского ополчения и российской армии. Обезвреженные контрразведчиками, они стали уже не опасны и давали показания.

Следствие по делу на резидентуру Специальной службы внешней разведки Грузии длилось свыше полутора лет,

скрупулезно исследовались все обстоятельства совершенного преступления. Окончательную точку в нем поставил суд. Двадцать пятого марта 2010 года он вынес приговор, и конвой вывел из зала осужденных. Именем Российской Федерации были осуждены не только Херкеладзе, Имерлишвили, Богданов, Накаидзе, Хачидзе и другие агенты грузинских спецслужб. Именем Российской Федерации и самим временем рано или поздно будут осуждены те, кто сделал их и других граждан Грузии заложниками своей циничной и недальновидной политической игры. Пройдут годы, и та чудовищная пропасть между русским и грузинским народом, которая образовалась по вине отравленных ядом национализма тбилисских правителей, останется в прошлом. Рано или поздно новые поколения россиян и грузин вопреки воле их ненавистников сумеют найти пути друг к другу, потому как из их исторической памяти невозможно вычеркнуть наше трагическое и героическое прошлое, нельзя забыть великие подвиги славных предков.

Мамашина любовь

21 августа 2008 года на экранах своих телевизоров вместо навязшей в зубах жвачки из бесконечных сериалов россияне увидели потрясающие по своей глубине и проникновенности сцены. На фоне изуродованных огнем грузинской артиллерии и еще не остывших после пожарниц развалин многострадального Цхинвала выдающийся маэстро Гергиев и его оркестр исполняли величественную оду любви и сострадания.

Тысячи тех, кто собрался на центральной площади Цхинвала, и миллионы людей, в те минуты душой и сердцем находящиеся рядом с жителями Южной Осетии, затаив дыхание внимали бессмертной музыке, рожденной человеческим гением. Одним она смягчала боль утрат, а другим, не опаленным огнем вероломной войны, очищала души от скверны.

Наблюдали за этим и в Тбилиси. Скорбящий Цхинвал не вызвал покаяния у тбилисских правителей. Избранная ими дорога провокаций и угроз в адрес соседей никогда не приведет к храму. Они, возвращенные в питомниках ЦРУ и Госдепа США «саакашисты», эти новые фашисты, понимают только один язык — язык силы.

Еще не осела земля на могилах защитников Цхинвала, еще не зарубцевались раны тех, кто выжил в кровавой августовской бойне 2008 года, а Саакашвили и его хозяева снова принялись за подготовку провокаций. Не успев отмыться от позорного поражения, армия Грузии начала готовиться к реваншу.

С 24 октября по 1 ноября 2009 года на территории древней Колхиды, у границ независимой Абхазии, защиту которой взяли на себя пограничные войска ФСБ России, прошли совместные американо-грузинские военные учения под кодовым названием «Немедленный ответ». Недвусмысленность названия говорила сама за себя. Они были призваны вдохнуть дух реванша в подлые душонки тех, кто вероломно в ночь на 8 августа 2008 года обрушил на спящий город море огня, а на третьи сутки, не выдержав натиска российской армии и осетинских ополченцев, бросил натовское оружие и трусливо бежал с поля боя.

Не так шумно, как грузинская армия, возобновили свою разведывательно-подрывную деятельность спецслужбы. Оправившись от тяжелейших потерь, нанесенных российскими контрразведчиками, они взялись за старое. Основные свои усилия спецслужбы Грузии, как и прежде, направили на восстановление утраченных агентурных позиций в российской армии. На место осужденных шпионов нелегала-резидента З. Херкеладзе, агентов А. Имерлишвили, М. Богданова (Балашвили), М. Хачидзе, В. Алханашвили, Р. Туркошвили, Д. Накаидзе и других принялись срочно рекрутировать новых.

Специальная служба внешней разведки (ССВР), Департамент военной разведки Минобороны (ДВР МО), Департамент контрразведки (ДКР) МВД, Департамент конституционной безопасности (ДКБ) МВД, а также департаменты военной полиции Минобороны и пограничной полиции МВД с чисто американским размахом (благо ЦРУ

на этот шпионский выводок денег не жалеет) и изощренным коварством они развернули настоящую охоту на будущих агентов.

Под прицел грузинской разведки в первую очередь попадали родственники и друзья тех, кто проходил службу в российской армии, органах безопасности и МВД. В отношении них применялась отработанная до мелочей схема: сначала родственнику будущей жертвы напоминали о ее патриотическом долге перед «родиной, отчаянно борющейся с северной империей зла», если этот прием не срабатывал, то в ход шли шантаж и угрозы. Здесь уже грузинские спецслужбы не церемонились: отцы и матери будущих потенциальных агентов грузинской разведки лишались работы, квартир, домов, земельных участков, а дети оказывались участниками преступлений, которых не совершали. Одной из таких жертв стала семья Алиевых.

Большая часть жизни членов этой семьи была связана с советской, а затем российской армией. Отец, Руслан Алиев, честно и добросовестно служил в 70-й ремонтной мастерской средств связи Группы российских войск в Грузии (ГРВЗ). Командование ценило Руслана и шло на встречу в решении бытовых вопросов его семьи: помогло с трудоустройством жены на должность домоуправа военного городка в городе Мцхета, а позже пристроило на службу в часть младшего сына, Давида.

Он пошел по стопам отца и, по военным меркам, попал в теплое место — в 66-й узел связи на должность механика засекречивающей аппаратуры связи (ЗАС). Служба у Д. Алиева, как говорится, оказалась непыльная, но ответственная — она была связана с аппаратурой и документами, содержащими государственную тайну. В те годы Давид не подозревал, что в будущем это станет его проклятием, и старательно осваивал ответственную воинскую специальность. Его настойчивость была вознаграждена — пусть

медленно, но уверенно он поднимался по ступенькам служебной лестницы.

В 2003 году Д. Алиев поступил в межрегиональный учебный центр в Подмосковье. После его окончания новопеченный прапорщик возвратился в Грузию и продолжил службу в 188-м гарнизонном узле связи 12-й российской военной базы в городе Батуми. Не успел он освоиться на новом месте, как в числе знакомых появились те, кого больше интересовали не его увлечения, а особенности учебного процесса в межрегиональном центре и характер деятельности 12-й базы. Свой интерес они мотивировали желанием устроиться на службу в российскую армию. Неопытный Д. Алиев вряд ли подозревал, что таким способом грузинская спецслужба исподволь подбирала к нему ключи. В тот раз это ей не удалось.

В августе 2004 года он отправился в Россию в город Кемерово завоевывать новые военные высоты. По завершении учебы на краткосрочных курсах младшего офицерского состава ему было присвоено первичное офицерское звание «младший лейтенант». В конце 2005 года Д. Алиев по распределению получил назначение на должность начальника телефонного отделения ЗАС ГРВЗ в батумском гарнизоне. Долго послужить на родине ему не пришлось, и потому грузинская разведка не успела подготовиться к вербовке будущего агента. Двенадцатая российская военная база в Батуми прекратила свое существование, и новым местом службы для Д. Алиева стал город Ростов-на-Дону.

На российской земле военная карьера складывалась для него более удачно, чем на исторической родине. Сокращения в армии не коснулись Алиева. С 1 января 2007 года он приступил к исполнению обязанностей командира телеграфного взвода ЗАС. Вскоре ему на погон скатилась очередная звезда, а вслед за ней последовало повышение в должности. В личной жизни Алиева также произошли

значительные изменения — он женился. Свадебным подарком для молодоженов стала квартира, выделенная командованием части. В те счастливые мгновения молодая семья не подозревала, что вскоре их дом постигнет большая беда, и придет она вместе с той, от кого они меньше всего ее ждали, — матерью Давида.

В Грузии, которая для старшего лейтенанта Алиева и тысяч других военнослужащих оставалась родиной счастливого детства, вокруг его матери и семьи стали происходить загадочные события. После ухода российских войск со своих баз прекратило свою деятельность домоуправление, в котором работала Ирина Алиева. С тех пор она так и не смогла устроиться на работу. С такой же проблемой столкнулся ее старший сын, Александр, а потом и невестка Мака. Вокруг семьи Алиевых образовался вакуум, и они начали задыхаться в тисках нужды.

От безысходности Ирине Алиевой не хотелось жить. К мукам духовным добавились физические — сложная операция лишила семью последних средств к существованию. И тут, как ей показалось, в конце беспросветного тоннеля блеснул лучик надежды.

Наступил сентябрь 2008 года. Грузия и ее граждане все еще находились в шоке от войны. В шоке пребывала и Алиева — связь с младшим сыном прервалась. И здесь у нее состоялся разговор, который породил надежду на то, что с Давидом все в порядке. Неизвестный, не называя себя, но ссылаясь на принадлежность к одной важной организации, принялся расспрашивать ее о младшем сыне Давиде: где он служит, в качестве кого и т. п., а в заключение намекнул: «Давид может продолжить службу в интересах родины и об этом не пожалеет. Его зарплата будет выше, чем в российской армии». Алиева задумалась.

Прошло немного время, и на беседу с Алиевой вышел другой представитель той же важной организации. На этот

раз, взывая к ее патриотическим чувствам, он прямо заявил: «Вы и Давид должны помочь своей родине в трудную минуту». О какого рода помощи шла речь, Алиева, будучи неглупым человеком, догадалась и отказалась. Но грузинская спецслужба не оставила ее в покое. Давид, допущенный к сведениям, составляющим государственную тайну, держащий руку на нерве армии — связи, являлся для нее лакомым кусочком. И потому Алиева была обречена стать еще одной жертвой грузинской спецслужбы.

Назойливые визитеры не давали ей прохода и вскоре сбросили с себя маски. «Звиади» и «Коба» уже не скрывали своей принадлежности к разведке Грузии и, отбросив в сторону высокие слова о любви к родине, повели жесткий и циничный разговор. Напомнив Алиевой о тяжелом материальном положении семьи, они стали угрожать тем, что оно может стать еще более невыносимым, и в качестве выхода предложили ей выехать в Россию и склонить к сотрудничеству со спецслужбами Грузии сына Давида.

В январе 2009 года во время очередной беседы с «Звиади», проходившей на квартире Алиевой, она согласилась на сотрудничество с грузинскими спецслужбами и пообещала склонить к нему Давида. Что двигало в тот момент мать? Вряд ли любовь к Грузии, а тем более к ее властям, загнавшим семью в нищету и разделившим ее с младшим сыном, ставшим гражданином другого государства — России. Безысходность? Страх перед всемогущей спецслужбой? Возможно. Или банальная корысть? Скорее последнее. Пятьсот долларов, которые ей посулил «Звиади», и были той ценой материнской любви.

Спустя месяц «Звиади» снова появился на квартире Алиевых, вручил ей под расписку пятьсот долларов, авиабилеты до Донецка и обратно и потребовал отправиться в Россию, там встретиться с сыном и склонить его к выезду в Украину или Грузию.

В выборе места встречи с будущим агентом «Звиади» не столько руководствовался заботой о его безопасности, сколько о собственной шкуре. Провалы на территории России нелегала-резидента, опытного кадрового сотрудника, заместителя начальника Оперативного управления Специальной службы внешней разведки Республики Грузия З. Херкеладзе и его агента М. Богданова, имевшего за спиной не один год разведывательной работы, а также других заставлял грузинскую спецслужбу искать более безопасные пути. Украина, в которой в последние годы они чувствовали себя как дома, стала тем самым местом, где они безбоязненно проводили вербовки, а затем явки с агентами из числа российских граждан.

В день вылета Алиевой в Донецк «Звиади» заехал к ней домой и отвез в аэропорт. Перед посадкой вручил пятьсот долларов на дорожные расходы, сотовый телефон «Нокия» и провел краткий инструктаж: телефон использовать для связи с ним только с территории Украины, в России звонить только с таксофонов, в качестве места будущей встречи с Давидом определил Одессу. Там жили бывшие сослуживцы Алиевых — Сердобольных, и потому, по мнению «Звиади», появление Ирины и Давида не должно было вызвать каких-либо подозрений ни у них, ни у соседей, ни тем более у украинской и российской контрразведки.

Прилетев в Донецк, Алиева, следуя указаниям «Звиади», чтобы не привлекать к себе внимания и меньше оставлять следов, отправилась на автовокзал и автобусом выехала в Ростов. Там ее встретил счастливый сын — после двухлетней разлуки он был рад встрече с матерью. Первые дни пролетели в разговорах о семейных делах и жизни в Грузии. И когда улеглись эмоции, мать посчитала, что настало время для предметного разговора с сыном. Но, опасаясь вездесущего ФСБ, которым ее страшал «Звиади», она затеяла его на прогулке.

На центральной площади города Аксай, по которой гнал поземку ветер- «дончак», было безлюдно. Лишь Ильич, одиноко застывший на гранитном постаменте, сурово взирал на мать-шпионку. Но ее это не пугало, чужих ушей поблизости не было, и она, снова посетовав на тяжелое положение в семье, многозначительно заметила, что приехала в Ростов не случайно, а по очень важному делу. Дальше Алиева заговорила с голоса своих хозяев об агрессии российской армии и варварских бомбардировках мирных городов, поддержке сепаратистских режимов в Абхазии и Южной Осетии. В ответ она слышала вялые возражения и, потеряв терпение, прямо заявила: «Ты сын Грузии и должен помочь своей родине в трудную минуту». Сын прежде всего своей матери, Давид не мог понять, о какого рода помощи идет речь. И тогда Алиева призналась, что приехала по заданию грузинской спецслужбы, какой, не стала уточнять, чтобы вместе добывать интересующую ее информацию.

Офицер российской армии и гражданин России Давид Алиев в первое мгновение растерялся. Чего-чего, но такого, да еще от родной матери, он не ожидал услышать. Позже, на следствии, Д. Алиев признается: «Для меня было неожиданностью услышать такое от своей матери, и я сначала сказал, что не собираюсь с ними сотрудничать».

В те минуты им, видимо, двигало чувство воинского долга, и не только оно, но и страх наказания. В части бурно обсуждался арест шпионов грузинских спецслужб подполковника Имерлишили и подполковника Хачидзе. А тут такое! Шпион находился рядом, и им оказался не кто-нибудь, а родная мать?! Сын принялся убеждать мать в опасности подобного занятия.

Но Алиеву это не становило. Пятьсот долларов ежемесячной подачки и покровительство всемогущей спецслужбы оказались для нее сильнее материнской любви и инстинкта самосохранения. Она попыталась разжалобить сына и стала

рассказывать о бедственном положении, в котором до недавнего времени находилась семья. А когда и этот аргумент не сработал, ударилась в слезы, и Алиев дрогнул.

«Я сначала сказал ей, что не собираюсь с ними сотрудничать. После чего она стала плакать, убеждая меня в том, чтобы я принял их предложение, поскольку в противном случае они сделают невыносимыми условия жизни и ей, и всем нашим родственникам» — так Алиев описал на допросе тот решающий разговор, после которого его жизнь круто изменилась.

Вырвав у сына согласие на сотрудничество со спецслужбой Грузии, Алиева тут же поспешила доложить «Звиади» о выполнении задания. Поблизости от площади находился переговорный пункт, и она, используя условности, сообщила ему о готовности к обусловленной еще в Тбилиси встрече в Одессе.

Теперь, когда главный вопрос о сотрудничестве с грузинской разведкой был решен, Алиевы принялись ломать голову над тем, как, не привлекая к себе внимания, совершить поездку в Украину. Ранее согласованный со «Звиади» вариант поездки в гости к знакомым в Одессу натолкнулся на непредвиденное препятствие. Алиев, будучи важным секретноносителем, при выезде за границу обязан был поставить об этом в известность командование части. Но тут помог случай — он находился в отпуске и решил совершить поездку в Украину инкогнито.

Через три дня после доклада «Звиади» мать-шпионка вместе сыном сели на поезд, отправлявшийся в Одессу. На следующие сутки они были на месте. Старые приятели по прежней службе Сердобольские, не подозревая об истинных намерениях Алиевых, встретили их как родных. Вечер прошел в воспоминания. Женщины даже всплакнули, когда разговор зашел о прошлых благословенных временах. На следующий день мамаша, не дав перевести дыхания сыну

и уже не опасаясь российской контрразведки, связалась по сотовому телефону с «Звиади» и сообщила о готовности к встрече. Тот вскоре перезвонил и назначил встречу в одном из кафе.

На четвертые сутки после телефонного разговора Алиевой со «Звиади» в Одессе появились два скромных грузина. В отличие от многих своих земляков, любящих с шиком оттянуться в «Золотом дне» и «Бриллиантовой палубе», они предпочли места не столь многолюдные и шумные. Встречу земляков в неприметном кафе нельзя было назвать дружеской. На этот раз обошлось без жарких объятий и торжественных тостов. Громила ростом под метр девяносто и с пудовыми кулаками, представившийся «Кобой», встретил Алиевых перед кафе и проводил в зал. Там их ждал «Звиади». Он занимал место за столиком, с которого хорошо просматривался вход и немногочисленные посетители.

После знакомства беседу в свои руки взял «Коба». «Звиади» больше слушал и наблюдал за реакцией Д. Алиева. Разговор начался с нейтральной темы: о жизни и службе в России, а потом перешел на положение в Грузии, которая, как сказал «Коба»: «При поддержке друзей в Европе и Америке противостоит российской экспансии на Южном Кавказе». В дальнейшем, обращаясь к патриотическим чувствам Алиева, он напомнил: «Долг сыновей Грузии оказывать ей помощь, где бы они ни находились».

Обращение не нашло отклика в душе Алиева, и тогда «Коба» заговорил языком ультиматума. К нему присоединился «Звиади». Вдвоем они дожали Алиева, вырвав у него согласие на сотрудничество, но закреплять оформлением подписки и избранием псевдонима не стали. В руках грузинской спецслужбы находилась его мать, а теперь и видеозапись вербовки, которой можно было припереть к стенке строптивного агента.

Далее «Коба» перевел беседу в практическое русло. Он опросил вновь завербованного агента о задачах, решаемых воинской частью, уточнил круг его функциональных обязанностей. Особый интерес для грузинских разведчиков представляли возможности Алиева по доступу к аппаратуре, обеспечивающей закрытые переговоры командования Северо-Кавказского военного округа, и съему информации, а также наличие допуска к работе с совершенно секретными документами: указаниями, директивами и приказами. Алиев подтвердил, что обладает такими возможностями и имеет высшую форму допуска — Ф1. Это привело в восторг грузинских разведчиков. «Коба» так прямо и заявил: «Ты именно тот, кто нам нужен!»

Алиева это не обрадовало, и он отрезал: «Взламывать кабинеты и компьютеры я не собираюсь, а буду собирать лишь те сведения, которые смогу достать в ходе повседневной службы».

Опытные вербовщики не стали дожимать до конца начинающего агента, так как хорошо знали: после выполнения одного-другого задания тот завязнет по уши в шпионском болоте, и тогда они смогут вить из него веревки. Коварный «Коба» перевел разговор на другую тему: поманил Алиева «пряником». Он поинтересовался размером его зарплаты. Тот назвал: пятнадцать тысяч рублей в месяц. «Коба» предложил ему пятьсот долларов ежемесячно и подчеркнул: «Это хорошие деньги для Грузии, и на них вполне можно содержать семью». Алиев не стал набивать себе цену, но поставил условие: «Деньги передавать матери и все остальные вопросы решать через нее». Что в тот момент двигало им? Сыновья любовь или инстинкт самосохранения? Скорее последнее — Алиев, видимо, не слишком полагался на мамашу, втянувшую его в опасные шпионские игры, и поэтому старался максимально обезопасить себя от провала. Деньги и прямая связь со спецслужбой «похоронили» большинство агентов.

Позже на допросе у следователя Алиев вспоминал, что его поразила реакция матери: «В течение всего разговора (вербовки. — *Прим авт.*) моя мама вела себя спокойно. У меня сложилось впечатление, что ей заранее было известно о том, что мне будут говорить».

В заключение встречи «Коба» описал Алиеву дополнительное задание — оно было связано с выявлением среди сослуживцев лиц, имеющих родственные и дружеские связи в Грузии. Таким образом, спецслужба рассчитывала пополнить свой банк данных на будущих кандидатов в агентурную сеть.

После завершения вербовки Алиевы провели несколько дней в Одессе и возвратились в Ростов. В оставшееся до отъезда в Грузию время неутомная мамаша-шпионка пыталась получить хоть какую-то информацию о части, где проходил службу сын. Но каждый раз их разговоры заканчивались скандалом. Так ничего и не добившись, она возвратилась в Тбилиси с пустыми руками.

В аэропорту ее встретил «Звиади». Алиева приготовилась к упрекам, но тот промолчал и напомнил о себе лишь спустя две недели. Встреча проходила в машине и началась с оправданий Алиевой. Отсутствие информации она объяснила боязнью Давида. Тогда «Звиади» использовал аргумент, хорошо зарекомендовавший себя в отношениях с Алиевой: «Уговорите сына и будете ежемесячно получать пятьсот долларов», и порекомендовал ей открыть банковский счет.

Алиева так и сделала. Вскоре на ее счет поступило первое перечисление, за ним последовало второе, третье. Это заставило активизироваться шпионку, и она засобиралась в Россию, чтобы в очередной раз повоздействовать на несговорчивого сына. «Звиади» поддержал ее решение и рекомендовал совместить поездку в Ростов с днем рождения Давида, чтобы не привлекать к ней внимания российской контрразведки. Алиева согласилась.

В конце октября 2009 года «Звиади» назначил ей встречу. На нее он приехал с авиабилетами до Донецка и обратно, затем передал список вопросов, по которым Давид должен был собрать и с нею передать сведения о воинских частях военного округа. В частности, они касались их штатного состава, находящейся на вооружении боевой техники, используемых средствах связи, а также шифров, обеспечивающих закрытие секретной информации. Особый акцент «Звиади» сделал на тех воинских частях, которые дислоцировались вблизи границ с Грузией. Под занавес беседы он, чтобы разжечь денежный аппетит Алиевой и добавить напористости при выполнении задания, вручил ей на карманные расходы пятьсот долларов.

Запомнить все вопросы задания шпионке было не по силам — она начинала путаться в первых же предложениях, и потому рискнула взять в дорогу список Звиади. Благополучно миновав все пограничные и таможенные посты, она по проверенному маршруту добралась до Ростова. Ее приезд стал своего рода подарком для именинника. Но радость от встречи была недолгой. Прошло несколько дней, и мать напомнила сыну о его долге — нет, не перед родиной, а перед «Звиади». Рассказав о той помощи, которую тот оказывал семье, она передала Давиду список вопросов и от себя добавила: «Он возобновит выплату денег лишь после предоставления тобой требуемой информации», а потом стала требовать от него секретные данные.

Ее напор и настойчивость обескуражили Алиева. С того времени, когда он встречался с «Звиади» и «Кобой» в Одессе, прошло восемь месяцев. За это время спецслужба Грузии ни разу не напомнила о себе. Страх, который он испытывал в первые недели при встречах с сотрудником военной контрразведки, постепенно ослабел и затаился где-то в глубине подсознания. Напряженная служба не оставляла времени на глубокие раздумья, и прошлый разговор с со-

трудниками грузинской спецслужбы ему уже казался дурным сном. Но ее посланец — мать снова возвращала его в кошмарную реальность. Он взбунтовался и заявил: «Я такой информацией не располагаю и ничего передать не смогу».

После этого разговора они больше двух месяцев жили под одной крышей. О чем после всего произошедшего могли говорить мать и сын, какие чувства испытывали друг к другу? Мать, продавшая сына спецслужбе, и сын-офицер, изменивший присяге, стали заложниками своей алчности и страха.

Так ни с чем Алиева и отправилась в Тбилиси. В грузинской разведке ей не стали устраивать разнос и сохраняли терпение. Те крохи, что перепали семье Алиевых со шпионского стола, ее хозяева рассчитывали компенсировать информацией, к которой имел доступ Давид. Поэтому «Звиади» без эмоций воспринял доклад Алиевой об отсутствии результата в выполнении задания, более того, выдал ей под расписку еще пятьсот долларов. Приободрившись, она выразила готовность предпринять еще одну попытку и добиться от сына необходимой информации.

И вскоре такая возможность ей была предоставлена. Наступил апрель 2010 года. «Звиади» вызвал агента на явку. На ней он вручил Алиевой билет до Донецка, семьсот долларов и напечатанный на листе бумаги перечень вопросов. Часть из них переключалась с прежними, но имелись и новые, они касались технических характеристик беспилотных аппаратов. В заключение встречи «Звиади» передал Алиевой флеш-карту и проинструктировал, каким образом сохранить и закодировать собранные материалы.

Семьсот долларов в кармане и обещание «Звиади» выплатить отдельную премию за выполнение задания добавили Алиевой настроения. Полная решимости убедить сына в сотрудничестве с грузинской спецслужбой, она отправилась в Ростов. При встрече у них состоялся бурный разговор. Давид отказался собирать информацию, указанную в перечне

«Звиади». Позже на допросе у следователя он с горечью вспоминал: «Меня очень расстраивали попытки моей матери получить от меня сведения, и каждый раз я надеялся, что она приезжает только потому, что хочет увидеть меня, а не выполняя задание грузинских спецслужб».

После отказа Давида не только выполнять задания, но и продолжать сотрудничество со спецслужбой Грузии, Алиева испугалась и уже не решалась возвращаться в Тбилиси. Тем более в телефонных переговорах с «Звиади» тот каждый раз все более требовательно напоминал о решении вопроса. Тон его разговора стал нетерпимым, когда в частях округа начались масштабные военные учения. В них участвовал и сын Алиевой, и тогда она предприняла очередную попытку получить информацию — принялась расспрашивать его о том, какие силы и средства привлекались к учениям и какие в ходе них решались учебно-боевые задачи. Он отделивался общими фразами. Ее это не удовлетворило и, ссылаясь на то, что ей ежемесячно платят деньги, а она ничего не привозит, попросила скинуть на флеш-карту хоть какую-нибудь служебную информацию.

И Давид поддался на ее уговоры. В начале июня 2010 года, находясь на службе, он скопировал с ПВЭМ группы боевого управления на личную флеш-карту ряд не-секретных документов, в которых содержались отдельные сведения, предназначенные для служебного пользования. В дальнейшем в домашней обстановке перенес эти материалы на флеш-карту, привезенную матерью, и произвел их кодирование.

Добившись своего, Алиева тут же отправилась в Украину. Оттуда по сотовому телефону, полученному от «Звиади» перед поездкой в Россию, она доложила об успешном завершении миссии. Тот лично приехал встречать отличившегося агента в тбилисский аэропорт. Передав ему флеш-карту с материалами, Алиева с нетерпением ожидала щедрого воз-

награждения. Прошла неделя, за ней другая, а грузинская спецслужба хранила молчание. Наконец Звиади позвонил и назначил встречу в кафе «Сванетии» города Рустави. Такая загадочность только разожгла любопытство шпионки. Она, предвкушая роскошный ужин за счет грузинской спецслужбы и щедрый подарок, помчалась на явку.

Там ее ожидал сюрприз. На явку «Звиади» приехал не один, а с начальником. Его мрачная физиономия ничего хорошего не сулила. Опросив Алиеву о содержании информации, которую Давид должен был записать на флеш-карту, он огорошил ее: флешка оказалась пустой. В подтверждение своих слов он продемонстрировал это на своем ноутбуке. Алиева растерялась и, ссылаясь на то, что не разбирается в технических тонкостях, твердила одно: «Все операции с информацией осуществлял Давид». Ее жалкий лепет надоел грузинским разведчикам, и они показали зубы — «Звиади» категорически отрезал: «Платить больше не будем, пока не привезешь нужную нам информацию».

Угроза снова остаться без средств к существованию и войти в конфликт с могущественной спецслужбой вынудили Алиеву лезть из шкуры вон. Она позвонила сыну и, соврав, что потеряла флеш-карту, попросила подготовить дубликат с прошлой информацией.

Вряд ли это сообщение обрадовало Давида. Он как мог оттягивал предстоящую встречу с настырной мамашей-шпионкой. Но в грузинской спецслужбе не хотели ждать, так как понимали: недожатый до конца Давид Алиев — потерянный агент.

В середине ноября 2010 года «Звиади» вызвал на явку Алиеву, вручил авиабилеты до Донецка и обратно, сто долларов, перечень вопросов к заданию, флеш-карту, сотовый телефон и потребовал выехать в Ростов.

Встреча матери и сына на этот раз обошлась без взаимных упреков. Алиев дрогнул и приступил к выполнению

задания. В частях округа опять начались крупномасштабные военные учения, и он, воспользовавшись ситуацией, скопировал и перенес на флеш-карту списки лиц из подразделений разведки округа с их позывными. Позже шпион записал на нее полные данные о боевом и численном составе части, а в аппаратной ЗАС похитил список сотрудников военной разведки округа с номерами их телефонов и адресами.

Эта, как казалось Алиеву, безнаказанность действий переросла в самоуверенность. Накануне отъезда матери, когда она стала паковать в тайник шпионские материалы, он предложил изменить порядок взаиморасчетов с грузинской спецслужбой — отказаться от получения фиксированной зарплаты, а перейти к вознаграждению за каждую переданную информацию, размер которой должен определяться ее важностью. Мамаша-шпионка быстро оценила дальновидный, экономически выгодный ход взрослого на глазах сына-агента и согласилась оставить до следующего раза список сотрудников военной разведки округа.

Пятого января 2011 года Д. Алиев вместе с женой отправился проводить мать на автовокзал. Агент грузинских спецслужб и по совместительству мать, завербовавшая сына, возвращалась к своим хозяевам по уже протоптанной, и не только ею, шпионской тропе — автобусом до Донецка, а дальше самолетом до Тбилиси. Там ее ждал «Звиади» и очередная денежная подачка. Флеш-карта с секретными данными, запрятанная среди предметов дамского туалета, грела ей душу.

Она нетерпеливо поглядывала на часы, вот наконец дежурный по автовокзалу по громкой связи объявил о начале посадки на автобус, следующий по маршруту: Ростов — Донецк. Пассажиры оживились и выстроились в очередь у двери. Последние холодные поцелуи, и Алиева направилась к автобусу. Она успела сделать всего несколько шагов, когда

группа задержания из сотрудников Управления ФСБ России по Северо-Кавказскому (Южному) военному округу взяла ее и сына в плотное кольцо...

Девятнадцатого декабря 2011 года Северо-Кавказский окружной военный суд признал Алиевых виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ «Государственная измена» и приговорил: Алиева Д. Р. к девяти годам лишения свободы с отбытием наказания в колонии строгого режима, лишив его воинского звания «старший лейтенант»; Алиеву И. Я. к восьми годам лишения свободы с отбытием наказания в колонии общего режима.

8.08.2008 — совсем не «Олимпийские игры»

8 августа 2008 года жителей Южной Осетии разбудили не величественные звуки олимпийских фанфар — огненный шквал артиллерийских систем залпового огня безжалостно вырвал их из сна. В тот роковой и трагический для югоосетинского народа день на его многострадальной земле разверзся настоящий ад. Крохотный Цхинвал, сотрясаемый взрывами и охваченный пожарищами, корчился в нечеловеческих муках, а в это время Пекин сиял феерическим шоу, посвященным открытию Олимпийских игр, и купался в море счастливых улыбок. В ложе для VIP-персон барственно расположились президенты США, Польши и Украины, на их самодовольных физиономиях змеились кривые ухмылки. Они, видимо, предвкушали итоги другого отвратительного «шоу», затеянного в горах Кавказа. Оно пока шло по строго расписанному сценарию.

Двенадцатитысячная грузинская армия, подобно стае бешеных псов, спущенных с цепи «большим хозяином», набросилась на батальон российских миротворцев и двухтысячное югоосетинское ополчение. Эфир взорвался тор-

жествующими воплями вандалов двадцать первого века. Вооруженные до зубов штурмовые группы командос танковыми клиньями разрывали на части зыбкую оборону защитников города. Казалось, еще одно усилие — и он перейдет под их контроль. Проходил час, другой, а перелом в бою так и не наступил. Российские миротворцы, занявшие круговую оборону в южном лагере, сидели как кость в горле у грузинских генералов. Именно стойкость русского солдата, стоявшего насмерть, сорвала замысел тех, кто замыслил блицкриг — военную операцию «Чистое поле». Ценой своих жизней смоленские, вятские, тульские ребята задержали агрессора и обеспечили возможность частям 58-й армии Северо-Кавказского военного округа вовремя прийти на помощь югоосетинскому народу. Шестьдесят семь молодых, полных сил и светлых надежд парней уже никогда не вернутся домой, чтобы дать жизнь новому поколению защитников Отечества.

На пятый день война в Южной Осетии и Абхазии для грузинской армии обернулась сокрушительным поражением. Не помогла горе-вожакм и самая боеспособная пехотная бригада, спешно переброшенная американскими ВВС из Ирака. К тому времени «Чистое поле» превратилось в гуляйполе. Хваленые рейнджеры, натасканные натовскими инструкторами, разбежались по окрестным лесам, и воинство М. Саакашвили исчезло будто чудовищный сюрреалистический мираж. На поле боя остались горы искореженной бронетехники и груды штабной документации. Военная машина агрессора, созданная и вскормленная «большим хозяином», разбилась вдребезги о политическую волю руководителей России, мужество российских солдат, офицеров и югоосетинских ополченцев. Теперь руководству Грузии и его спонсорам понадобятся годы на то, чтобы восстановить армию. И совсем другое дело спецслужбы — они не попали под «русский каток», но сыграли далеко не последнюю

роль в подготовке агрессии Грузии против Южной Осетии и Абхазии. Во многом их липовая информация подогрела агрессивные устремления Саакашвили и «большого хозяина». Представляя наверх оптимистичные доклады, руководители грузинской разведки, видимо, полагали, что русские не посмеют сунуться, а если что пойдет не так, то запад им поможет.

Без совести и чести

К 2008 году спецслужбы Грузии представляли собой далеко не то «потешное» тайное воинство, уши которого в начале девяностых торчали за каждой провокацией в Абхазии и Южной Осетии. За пятнадцать с лишним лет многочисленные советники из ЦРУ и РУМО (военная разведка США), МИТ (спецслужба Турции), МИ5 и МИ6 (британская контрразведка и разведка) создали целостную и жестко организованную систему национальных контрразведывательных и разведывательных органов. В ее состав входили: Специальная служба внешней разведки (ССВР), Департамент военной разведки Минобороны, Департамент контрразведки (ДКР) МВД, Департамент конституционной безопасности (ДКБ) МВД, а также департаменты военной полиции Минобороны и пограничной полиции МВД.

Все они были оснащены самыми современными техническими средствами ведения подрывной деятельности. Но основной разведывательный и контрразведывательный потенциал грузинских спецслужб определяют не нанотехнологии, а морально-политическое состояние кадрового состава. К настоящему времени среди сотрудников не осталось тех, кто хоть как-то был связан с советской разведкой и контрразведкой. Их вымели антироссийской метлой еще при правлении Э. Шеварднадзе. Теперь при зачислении на службу в разведку и контрразведку основными критериями

в оценке кадров являются их прозападный настрой и наличие пройденного курса подготовки в спецслужбах НАТО.

Так, ССВР возглавил Г. Джапаридзе. Первым его заместителем стал К. Чиковани. Оба прошли интенсивное обучение в ЦРУ и РУМО. При ССВР действует многочисленный штат советников — сотрудников американских и натовских спецслужб. Наиболее важные разведывательные операции разрабатываются и проводятся под их непосредственным контролем. Работу с ценными агентами, добывающими информацию по актуальной проблематике, и в первую очередь по России, они переключают на себя. Сбор информации осуществляют как с легальных, так и нелегальных позиций, для чего используются родственные, деловые и иные связи граждан Грузии с диаспорами в России, Абхазии и Южной Осетии. В этих же целях на пограничных пунктах действует отлаженная система тотального опроса граждан, который больше напоминает допрос с пристрастием. Многие выходцы из Грузии на собственном горьком опыте убедились, чего стоят поездки на так называемую малую родину.

В частности, в марте 2008 года подполковник И. Курашидзе, российский гражданин и военнослужащий бывшей 42-й мотострелковой дивизии Северо-Кавказского военного округа, возвращался из Батуми, где проживали его родные, к месту службы и был задержан на границе сотрудниками спецслужб Грузии. Особо не утруждая себя дипломатическим протоколом, они устроили ему форменный допрос: пытались получить данные о штатной численности 42-й мотострелковой дивизии, о состоянии ее боеготовности, а также данные, характеризующие командный состав. Не получив ответов, стали напирать на национальные чувства Курашидзе, а когда не сработал и этот прием, перешли на откровенный шантаж, угрожая ему самому и пугая будущими проблемами у родственников, пытались

склонить к негласному сотрудничеству, как говорится, во имя интересов родины.

Родина у подполковника российской армии и сотрудников грузинских спецслужб оказалась разная. Грузин Курашидзе оказался верен раз и навсегда данной присяге и наотрез отказался сотрудничать. Мелко мстя, они порвали его общегражданский и заграничный паспорта, и он вынужден был возвратиться в Батуми, чтобы восстановить документы. Но и там грузинские спецслужбы не оставили его в покое. На домашний телефон Курашидзе постоянно поступали звонки с угрозами расправы над ним и его родными. И только после вмешательства МИД России ему позволили выехать к месту службы. И таких как Курашидзе, прошедших через мясорубку грузинских спецслужб оказались сотни. В этом отношении наиболее усердствуют сотрудники департаментов контрразведки (ДКР) и пограничной полиции МВД.

Более изощренно и более глубоко строят свою работу в Специальной службе внешней разведки. Главное ее острие направлено против России. Информация по закрытой, особенно по политической и военной, тематике сотрудниками ССВР в основном добывается агентурным путем. В интересах этого с 2005 года начато развертывание нелегальных резидентур в Южной Осетии и Абхазии, в Краснодарском и Ставропольском краях. Возглавляют их, как правило, кадровые сотрудники ССВР, осевшие на этих территориях под глубоким прикрытием в качестве частного предпринимателя или беженца. Основными объектами разведывательных устремлений ССВР являются воинские части, органы ФСБ, МВД, структуры государственной власти и управления. Летом 2008 года Федеральной службой безопасности была вскрыта и пресечена деятельность нелегальной резидентуры, действовавшей на территории Южного федерального округа, которую возглавлял высокопоставленный кадровый сотрудник, заместитель начальника Оперативного управле-

ния ССВР З. Херкеладзе, использовавший для шпионской деятельности так называемое глубокое прикрытие — владельца ресторана во Владикавказе.

В последние годы грузинскими спецслужбами усилена вербовочная и разведывательная работа не только в прилегающих к ее территории регионах, но и в глубине России. Органами ФСБ, в частности военной контрразведкой, была выявлена агентура грузинских спецслужб за тысячи километров от Тбилиси. На Дальнем Востоке и Крайнем Севере, в местах расположения военно-морских баз и полигонов, она добывала секреты явно не для ССВР, а скорее всего для разведок стран НАТО и Америки.

Важную роль в организации подрывной деятельности против России, Абхазии и Южной Осетии играл и продолжает играть Департамент контрразведки. Его возглавляет Ш. Жгенти. Ранее он проходил службу в информационно-аналитическом отделе Специальной службы внешней разведки под началом М. Бердзенешвили и особыми способностями на этом поприще не блистал. Но не это стало главным для шефа МВД В. Мерабишвили, весьма близкого к Саакашвили, при назначении Жгенти на столь высокую должность. Выбор преопределила личная преданность, то, что больше всего ценится в нынешней грузинской власти. Перескочив несколько ступеней служебной лестницы, Жгенти занял кресло руководителя ДКР. Теперь бывший начальник Бердзенешвили, возглавляющий Управление внешнего наблюдения, оказался у него в подчинении. Но, как говорится, ворон ворону глаз не выклюет.

Основную контрразведывательную работу в ДКР МВД ведет Главное управление контрразведки. Руководит им Л. Табидзе. Его заместителями являются Г. Лордкипанидзе и Г. Джапаридзе. Подчиненными Табидзе осуществляется оперативная разработка нелояльных нынешнему режиму лиц, в том числе и деятелей оппозиции. Под особым при-

целом находятся те граждане, у кого есть связи в России, Абхазии и Южной Осетии. Против них применяются все средства, которые имеются в арсенале современных спецслужб: агентура, наружное наблюдение, психотропные средства и т. п., грузинские спецслужбы не брезгают ничем и широко пускают в ход провокации и шантаж.

В этом отношении весьма показательна судьба бывшего ближайшего соратника Саакашвили, в прошлом министра обороны Грузии И. Окруашвили. Позволив себе критику шефа, он тут же оказался в числе врагов. Не прошло и трех суток со дня ареста, как «железный Иракий», так называли его подчиненные, покрылся «ржавчиной». Перед зрителями на экранах предстала его бледная тень. Мятый спортивный костюм, заторможенная речь и вымученные извинения перед Саакашвили красноречиво свидетельствовали о том, что в грузинских спецслужбах нашлись достойные преемники недоброй памяти наркома НКВД Л. Берии.

Окруашвили — человек действительно неробкого десятка, оказавшись перед угрозой расправы над семьей и, в частности, малолетней дочерью, видимо, поневоле принял правила игры, навязанные «главным режиссером». Потом, на свободе, в далекой Франции он пытался разоблачить Саакашвили. Но кто поверит тому, кто единожды солгал?

И если сломали его, имевшего могущественных покровителей и далеко не пустой кошелек, то что же тогда говорить о простых смертных? С сержантом-контрактником российской армии Георгием Мукутадзе грузинские спецслужбы тоже не стали церемониться. В отпуск на родину Георгий отправился с легким сердцем. Служба на новом месте ладилась, а в кармане появилась лишняя копейка, можно было помочь родственникам в хлопотном хозяйстве. Но первыми в аэропорту города Батуми его встретили не они, а сотрудники спецслужбы. Не успел он снять чемоданы с ленты транспортера, как его тут же взяли в крутой оборот.

Сначала сотрудники спецслужбы давили на патриотизм Георгия, но не нашли отклика, и тогда, угрожая проблемами у родственников, пытались получить от него информацию о части. Он отделался общими фразами и, с облегчением вздохнув, отправился домой.

На этом «теплый» прием на исторической родине для Георгия не закончился. На дворе был апрель 2008 года. До начала агрессии оставалось чуть больше трех месяцев, и грузинские спецслужбы в пожарном порядке создавали разветвленную шпионскую сеть как в районе дислокации войск Северо-Кавказского военного округа, так и непосредственно в частях. Вербовочный процесс, можно сказать, приобрел залповый характер. Грядущая война подгоняла сотрудников грузинских спецслужб, и они спешно вербовали агентов в аэропортах, на вокзалах, в автомашинах. По данным российской контрразведки, за короткий период, чуть больше года, подобное сотрудничество навязывалось нескольким десяткам выходцев из Грузии, в том числе и военнослужащим.

Георгий оказался в их числе. Сообщив общие сведения о своей службе и части, он думал, что легко отделался, но глубоко заблуждался. Прошло несколько дней, и его вызвали по сотовому телефону, а затем назначили встречу в машине. На этот раз сотрудники спецслужбы не стали особо церемониться с кандидатом в шпионы и взяли его в жесткий оборот. Где угрожая, а где посулами они выудили у Георгия некоторые установочные и характеризующие данные на командиров и сослуживцев. Особый интерес проявляли к военнослужащим 12-й военной базы российской армии, выведенной из Батуми. В заключение «дружеского» разговора сотрудники спецслужбы в качестве испытательного теста задали Георгию вопрос: «Если война с Россией, за кого воевать будешь?» Тот замялся. И тогда они, чтобы развеять все сомнения и не оставлять выбора, навязали ему шпион-

ское задание. Под угрозой расправы над родственниками Георгий вынужден был пойти на сотрудничество.

После такого отпуска на родине к месту службы сержант Мукутадзе возвратился, как говорится, с камнем на сердце и с заданием сообщать о движении российских войск в случае войны. Но его докладов в грузинской спецслужбе так и не дождалось. Он не стал медлить и обратился в отдел военной контрразведки. В беседе с ее сотрудниками Георгий, ничего не скрывая, рассказал о том «теплом» приеме, который ему организовали земляки-шпионы на родине. В отделе с пониманием отнеслись к его положению, и после проверки, подтвердившей, что Мукутадзе не предпринял практических действий для выполнения задания грузинской спецслужбы, он продолжил службу на прежнем месте.

Подобным образом грузинские спецслужбы вербовали и другого российского военнослужащего, старшего прапорщика Малхаза Шарамидзе, проходившего службу в 12-й военной базе МО РФ в Батуми. Четырнадцатого ноября 2007 года, накануне ее вывода в Россию, у Малхаза был день рождения. Грузинская спецслужба по-своему решила поздравить его. Некий Георгий позвонил ему и, представившись сотрудником разведки, назначил встречу. На нее Георгий приехал не один, а с напарником. Вдвоем они принялись обрабатывать Малхаза, и когда обращения к его национальным чувствам не нашли поддержки, принялись шантажировать и запугивать проблемами у родственников. Под их давлением он был вынужден согласиться, но так ничего и не сделал для выполнения задания. Возвратившись в часть, Малхаз обратился в отдел военной контрразведки и так же, как Мукутадзе, нашел там понимание и поддержку.

Другим его землякам «режиссеры» операции «Чистое поле» отводили еще более неблагоприятную роль. В отношении них грузинские спецслужбы поступали самым подлым образом. Они прибегали к приему фальсификации и подло-

га, который в свое время использовали подручные Гиммлера, а его плодами пользовалась фашистская верхушка, чтобы оправдать свои гнусные преступления.

Офицер российской армии и грузин по национальности «Д» приехал на родину навестить родителей, но радость встречи была недолгой. В тот же вечер на квартире появились сотрудники грузинской спецслужбы и в грубой форме потребовали проехать с ними. Он, чтобы не подвергать близких опасности, вынужден был подчиниться. Доставили его в местное отделение Департамента контрразведки и там принялись бесцеремонно расспрашивать о характере службы, задачах, решаемых частью, и тактико-технических характеристиках боевой техники. Не получив ответов на свои вопросы, сотрудники прибегли к уже отработанным методам — шантажу и запугиванию. Угрожая расправой над родителями, а самому «Д» арестом за «незаконное хранение оружия», его вынудили заучить роль, а потом озвучить ее на видеокамеру. Он «признавался» в том, что по заданию российских спецслужб занимался вербовкой противников нынешней власти, оборудовал схроны с оружием и взрывчаткой с целью убийства президента Грузии М. Саакашвили и организации антиправительственных выступлений.

Для большей убедительности этой омерзительной лжи грузинскими спецслужбами было подготовлено еще несколько дублеров на роль ниспровергателей существующей в Грузии власти, так же, как и «Д», оборудовавших схроны с оружием и готовивших покушение на Саакашвили. Их использование «режиссеры» фарса-драмы под названием «Восстановление конституционного порядка в Южной Осетии и Абхазии», видимо, намечали на финал. Подобные фальшивки должны были убедить последних скептиков на Западе, что «маленькая, но гордая Грузия» 8 августа 2008 года вынуждена была защищать себя и своего неустрашимого президента от «свирепого русского медведя».

И таких, как Шарамидзе, Мукутадзе и «Д», прошедших через конвейер грузинских спецслужб, было немало. Они, ставшие агентами поневоле, вынуждены были пойти на сотрудничество не из патриотических побуждений, на которые каждый раз напирала вербовщики из ССВР и ДКР, а из-за опасения подвергнуть своих родных и себя преследованиям.

В последующем подавляющее большинство из них ничего не сделали для выполнения заданий. Более того, возвратившись в часть, многие тут же обратились в органы безопасности и честно обо всем рассказали. Те же, кто считал, что все произошедшее с ними на родине — дурной сон и продолжали носить этот тяжкий груз в себе, в день агрессии не стали обрывать докладами телефоны вербовщиков из грузинских спецслужб. Своими глазами они смогли убедиться, какого рода демократию несли нынешние руководители Грузии народам Южной Осетии и Абхазии, и потому вместе с сослуживцами выступили на их защиту.

Та минутная и вынужденная слабость, когда они под давлением грузинских спецслужб вынуждены были дать подписку о сотрудничестве, долго еще будет бередить им души. Но их совесть чиста, так как на руках нет крови безвинных жертв осетинского народа и российских миротворцев. Перед законом они тоже остались чисты. Государственная измена, к чему их подталкивали вербовщики, — тяжкое преступление, но в органах безопасности России скрупулезно, не поднимая шума и не бросая на них тень предательства, в рамках закона разобрались с каждым конкретным случаем. В отношении девяти человек, об аресте которых 11 августа 2008 года директор ФСБ России А. Бортников доложил президенту Д. Медведеву, было начато уголовное преследование.

Всего девять! Счет явно не в пользу спецслужб Саакашвили! Сотни грузин-военнослужащих своими мужественны-

ми поступками показали, что есть другая Грузия, и это не Грузия Саакашвили. Шпионские сети ССВР, Департамента военной разведки Минобороны, Департамента контрразведки МВД оказались насквозь дырявыми. Возвращенные в натовских разведпитомниках, их сотрудники, меряющие любовь к родине цифрой банковского счета и холуйской преданностью к калифам на час, живут в другом мире и на другой земле. Представления о ней честных людей, таких как Шарамидзе, Мукатадзе и большинства грузин, разительно отличались и будут отличаться от представлений господ Саакашвили, Мерабишвили, Табидзе, Лордкипанидзе и Джапаридзе. Для этих господ с этикеткой «Made in USA» американский штат Джорджия, видимо, оказался ближе, чем земля предков.

Об этом раздвоении Грузии и земляков с горечью писал в своем заявлении военным контрразведчикам гражданин России старший прапорщик Шарамидзе:

«Саакашвили под дудочку америкосов пляшет. Но где америкосы и где Грузия? Народу что надо — снял урожай мандаринов, продал в Россию и, считай, уже перезимовал. Виноград то же самое — вино сделал, привез в Россию, продал. А сейчас куда везти? Гниют мандарины, под деревьями валяются. А на рынках России — марокканские. Цвет есть, а вкуса нет. И что мне сейчас делать? У жены гражданства нет российского, загранпаспорт ей не дают — в Россию ее не вывезти. Одна надежда на то, что власть в Тбилиси поменяется, а нас перестанут считать изменниками родины».

Шарамидзе был не одинок в своих выводах и оценках. Большая группа военнослужащих-грузин, проходивших службу в 42-й мотострелковой дивизии Северо-Кавказского военного округа, не побоявшись неизбежных преследований со стороны спецслужб Саакашвили по отношению к родным и близким, проживающим на родине, выступила с коллективным обращением к соотечественникам:

«Мы, ниже подписавшиеся, грузинская диаспора военнослужащих 42-й МСД, крайне недовольны нынешней властью и проводимой политикой в Грузии в лице ее президента Саакашвили М. Н., поскольку последние события в Южной Осетии показали, что президент Грузии — не самостоятельное лицо, а лишь марионетка в руках руководства США.

Грузинская нация на грани полного морального и духовного разложения. Такую же участь Саакашвили хотел навязать и другим коренным нациям и народностям Кавказа, а именно гражданам Абхазии и Южной Осетии...»

И далее:

«Это делается не случайно и не по глупости правителей, а осмысленно и точно. Все исполняется по задуманному плану руководства США и блока НАТО. Каждый удар чужими руками по России нацелен без промаха.

Проводимая на данный момент в Грузии политика — это хорошо продуманная их покровителями, четко спланированная и жестко исполняемая программа уничтожения и истребления народов Абхазии и Южной Осетии, попытка втягивания России в конфликт и дестабилизации обстановки на Северном Кавказе, чтобы очернить ее в глазах мирового сообщества.

Обращаемся ко всем Вам, нашим соотечественникам, и призываем Вас не оставаться равнодушными и безучастными к происходящему в Грузии. Остановите Саакашвили! Не дайте ему осрамить и опозорить нашу нацию».

Под этим обращением стоят подписи старшего прапорщика Мамуладзе, младших сержантов Сурманидзе, Тобидзе и еще двадцати семи грузин-военнослужащих. Они — истинные сыны своего народа, руки которых истосковались по виноградной лозе, а душа изболелась по задушевной беседе за чаркой доброго вина, когда не надо оглядываться по сторонам и опасаться, что любое неосторожно оброненное

слово в адрес нынешней власти в Грузии может принести в семью горе, нисколько не ошибались в оценках нынешних «отморозенных временщиков от власти». Власти, для которой собственный народ всего лишь пыль под ногами.

Лишним подтверждением тому служит то, что в день начала агрессии против Южной Осетии ССВР и Департамент военной разведки Минобороны позволили себе то, чего до этого не делала ни одна спецслужба. Они безжалостно палили своих сотрудников. На агентов «Шот», «Ках» и «Гоч» обрушился шквал телефонных звонков. Господам из грузинской разведки было наплевать на то, что эфир находился под электронным колпаком и через час-другой содержание переговоров становилось достоянием российской контрразведки. Они настаивали, угрожали и требовали от агентов информацию о направлениях движения частей Северо-Кавказского военного округа, их боевом составе и состоянии техники. В ответ под разрывы артиллерийских снарядов и ликующие вопли грузинских командос, поливавших свинцом Цхинвал, в их адрес неслись проклятия.

Но были и другие грузины, к счастью, их оказалось меньшинство, которые подло шпионили и своими действиями множили число жертв. Одни, движимые ненавистью к России, а другие — алчностью, шпионили, вербовали агентов и подыскивали тех, кто готов был взрывать и стрелять из-за угла. И не важно где: в Чечне, Ингушетии или Осетии, лишь бы навредить России.

В январе 2008 года офицер А. Имерлишвили, проходивший службу в частях Северо-Кавказского военного округа, выехал в очередной отпуск в Грузию. Там его ждали не только родственники, но и сотрудники спецслужбы. Судя по всему, они получили на него оперативную наводку и знали о нем почти все. Дальше, как и в случаях с Шарамидзе и Мукутадзе, в ходе вербовочной беседы с Имерлишвили

был пущен в ход весь арсенал средств. Движимый страхом, а в большей степени корыстью, он пошел на сотрудничество. По возвращении в часть теперь уже агент грузинской спецслужбы Имерлишвили, используя служебное положение и связи среди офицеров штаба 58-й армии, принялся собирать секретную служебную информацию и подыскивать новых кандидатов в агенты. Эта его активность не осталась без внимания контрразведчиков, вскоре он был арестован.

Другой грузинский агент, В. Алханашвили, попался на сборе материалов о своих земляках, проживавших на территории Чечни и Ингушетии. В последующем спецслужбы Грузии намеревались привлечь их к сотрудничеству и использовать в проведении подрывной деятельности на территории этих и соседних северокавказских республик.

На агента Р. Туркошвили возлагались задачи по поддержанию контактов между грузинскими спецслужбами и бандподпольем в Чечне и Ингушетии, а также поиску экстремистски настроенных лиц и формированию из их числа «пятой колонны». Теперь, после суда, ему предстоит формировать рабочую команду из земляков-шпионов на дальнем сибирском лесоповале.

В июне 2008 года с поличным был задержан подполковник М. Хачидзе, офицер штаба 58-й армии. В течение двух лет он за денежное вознаграждение передавал представителям грузинских спецслужб сведения о боеспособности ряда частей Северо-Кавказского военного округа, установочные и характеризующие данные на должностных лиц штаба, а также сотрудников военной контрразведки и Пограничной службы ФСБ России.

Жертвой его наводки стал другой старший офицер, грузин «Б», слушатель военной академии. Во время выезда в Грузию в 2007 году он также был завербован. Но если бы ему была известна цена его души на шпионских весах, то, возможно, все пошло бы по-другому. М. Хачидзе продал

ее грузинской спецслужбе всего за... триста долларов! В мае 2009 года окружной военный суд Северо-Кавказского военного округа осудил грузинского шпиона, приговорив его к шести годам лишения свободы с содержанием в колонии строго режима, и лишил воинского звания подполковник. Степень вины других агентов, в отношении которых ФСБ РФ и следственными органами проводятся оперативно-следственные мероприятия, также определит суд.

Не менее активную разведывательно-подрывную деятельность грузинские спецслужбы развили на территории Республики Абхазия. Накануне агрессии наряду с диверсиями и террористическими акциями основные свои усилия они направили на получение шпионской информации о состоянии боеготовности миротворческих сил России, находящихся в этом регионе, частей Министерства обороны, Службы государственной безопасности (СГБ) и внутренних дел республики. Ведущая роль в ее проведении принадлежала Департаменту конституционной безопасности и Департаменту контрразведки МВД Грузии. Их представители, в частности, начальник отдела Департамента конституционной безопасности МВД Грузии Л. Кекуа, его подчиненный К. Берешвили, а также сотрудник Департамента контрразведки МВД Грузии К. Кварацхелия и другие, развернули настоящую охоту на будущих агентов. Принуждая к сотрудничеству граждан Республики Абхазия, они не брезговали ничем. В ход шли шантаж, угрозы, циничное использование родственных отношений или «любовная ловушка».

Гражданку «Ш» К. Кварацхелия привлек к сотрудничеству, используя родственные чувства, агента «Тото» заставил работать на себя, пригрозив прикрыть ему бизнес в Грузии. Аналогичным образом завербовали другого агента — «Рамаза». В ряде случаев будущих агентов в свои сети сотрудники грузинских спецслужб заманивали посулами.

Одним они обещали гражданство Грузии, вторым — содействие в продвижении бизнеса, третьим — свободное перемещение товара через границу.

На эту удочку попались «Л», «Н», «Г», «Т» и ряд других жителей Абхазии. В большинстве своем они выполняли близкие по характеру задания. В основном они сводились к сбору разведывательной информации о частях Министерства обороны и СГБ Республики Абхазия, а также о миротворческих силах России. Отдельные агенты, хорошо зарекомендовавшие себя на шпионском поприще, использовались Кварацхелия, Декануидзе, Берешвили и Кекуа для подготовки вербовочных ситуаций в отношении других граждан Абхазии, имевших доступ к секретам, а также российских военнослужащих. Под особым их прицелом находились сотрудники российских и абхазских спецслужб. Так, разоблаченный в июне 2009 года СГБ РА агент грузинских спецслужб «Толстый» наряду с выполнением задания по поиску кандидатов на вербовку занимался сбором характеризующей информации на сотрудников силовых структур.

Летом 2008 года ряд взрывов прогремел в Сухуме, Гаграх и Гальском районе, которые унесли жизни ни в чем не повинных людей. Кто стоял за ними, сотрудникам СГБ РА и российской контрразведки не пришлось долго искать. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий им удалось выйти на след убийц. В сентябре 2008 года была арестована жительница города Сухум Д. Шедания, оказавшаяся агентом Департамента контрразведки МВД Грузии. На следствии она призналась в том, что во время частных поездок в Грузию с ней инициативно познакомился К. Кварацхелия, а затем привлек к негласному сотрудничеству.

В дальнейшем, выполняя задания грузинских спецслужб, Шедания посещала места дислокации частей МО России и Абхазии, а также пограничных войск и скрытно осуществля-

ла фото- и видеосъемку объектов и боевой техники, систем охраны на границе. Грошовые подачки по двести — триста долларов окончательно разложили ее душу. Она не могла не знать, какую цель преследовал Кварацхелия и те, кто стоял за ним, когда поручал собирать информацию о местах массового скопления людей. В первую очередь его интересовали те из них, где отдыхали граждане России. В частности, он требовал от Шедания предоставления исчерпывающих данных о числе посетителей кафе, ресторанов, наличии физической охраны, систем видеонаблюдения, а также о местах, удобных для закладки взрывных устройств.

Арест Шедания прервал цепочку террористических актов и спас не одну человеческую жизнь. Двадцатого августа 2009 года Верховный суд Республики Абхазия приговорил ее к девятнадцати годам лишения свободы. Она раскаялась в содеянном. Каются в совершенных преступлениях и многие другие агенты грузинских спецслужб. Их запоздалые признания срывают маску с организаторов агрессии, и хотя те всячески отрешиваются от провалившихся агентов, это вряд ли спасет их от суда истории и людского суда.

Сегодня многое из того недавнего тайного прошлого становится явным. Несмотря на то что организаторы августовской авантюры 2008 года предпочитают закрывать глаза на то, что происходило тогда и что происходит сегодня в Грузии, делать это становится все труднее. На этот раз их разоблачила Хайди Тальявини — председатель комиссии ЕС, созданной для расследования событий августа 2008 года в Южной Осетии.

Почти год Тальявини и другие члены комиссии скрупулезно исследовали все обстоятельства, предшествовавшие военному конфликту в Южной Осетии. По завершении работы в июне 2009 года ею был подготовлен доклад для заслушивания в Совете министров ЕС. Его рассмотрение начало затягиваться, видимо, вмешались очень влиятельные

силы, заинтересованные в том, чтобы спустить слушания на тормозах. Но «мадам Кураж», как окрестили Тальявини в швейцарской газете «Нойе цюрихер цайтунг», не стала молчать и решилась пробить стену постыдного замалчивания преступлений, совершенных режимом Саакашвили. Эта хрупкая, с тихим голосом женщина в интервью одному из самых авторитетных европейских еженедельников «Шпигель» сказала то, что так хотели скрыть организаторы августовской авантюры в Южной Осетии.

В частности, Тальявини заявила: «...собранные комиссией факты опровергают утверждения господина Саакашвили о том, что его страна 8 августа стала жертвой российской агрессии».

Все оказалось с точностью до наоборот. В распоряжении комиссии оказались материалы, уличающие руководство Грузии и его хозяев в заранее спланированном нападении на Южную Осетию. Так, комиссия установила, что еще накануне, «утром 7 августа, у границ республики было сосредоточено 12 тысяч военнослужащих грузинской армии и 75 танков».

Эти выводы вытекают не только из результатов работы комиссии Тальявини, они следуют и из заявлений некоторых воинственных грузинских генералов, сделанных в первый день агрессии. Уверенные в успехе и своей безнаказанности (победителей не судят!), они, видимо, забыли об осторожности. Восьмого августа 2008 года, когда, казалось, еще несколько часов — и Цхинвал падет, генерал Мамука Курашвили, находясь в боевых порядках грузинской армии и выступая перед представителями ряда западных телекомпаний, самоуверенно заявил: «Страна восстановит конституционный порядок во всем регионе».

Исходя из этого заявления, члены комиссии Тальявини предположили: «Генерал просто процитировал приказ о начале боевых действий». В последующем, несмотря на их

настойчивые просьбы предоставить копию этого «ключевого документа», они его так и не получили. Министерство обороны Грузии в этом вопросе заняло круговую оборону, а официальный Тбилиси хранил гробовое молчание.

Помимо генерала комиссия поймала за руку и одного из главных «кукловодов» Саакашвили. В ходе расследования ее членам стало известно, что посол США в Тбилиси Джон Тэффт был заблаговременно осведомлен о приказе господина Саакашвили на совершение марша на Цхинвал.

Зная взрывной характер своего «любимца», в свое время Тэффт немало сделал для его прихода к власти, он, видимо, так испугался, что даже не спросил Саакашвили о цели марша. Этот испуг не прошел у Тэффта и до сих пор. Несмотря на все попытки Тальявини и других членов комиссии, им за время расследования так и не удалось добиться от него ни единого слова.

Такое же стойкое молчание хранили представители госдепа США 8 августа 2008 года, когда заместитель министра иностранных дел России Григорий Карасин обрывал телефоны, чтобы остановить массовое убийство мирных граждан в Южной Осетии. Ему, по странному стечению обстоятельств, никто не ответил.

По этому поводу один из членов комиссии, которого трудно заподозрить в симпатиях к России, полковник британской армии в отставке Кристофер Лэнгтон, констатируя военное поражение Грузии, отмечал: «...Мечты Грузии разбиты вдребезги, но винить она может только саму себя. И запад должен взять здесь часть вины на себя. Ведь именно поддержка Саакашвили, особенно военная поддержка, способствовала авантюризму Тбилиси».

Но брать вину на себя и тем более ее признавать не захотели ни руководители Грузии, ни их покровители. И все-таки, несмотря на бешеное сопротивление сил, поддерживавших режим Саакашвили в его агрессии против Южной

Осетии, правда и настойчивость Тальявини пробили себе дорогу. В начале мая 2010 года на слушаниях в Хельсинкской комиссии конгресса США она заявила: «Именно Грузия положила начало военным действиям в Южной Осетии, когда она атаковала Цхинвал с применением тяжелой артиллерии в ночь с 7 на 8 августа 2008 года...». И далее: «Не было никакого массированного вторжения российских военных (в Южную Осетию) до начала конфликта».

После того как эти слова прозвучали в Вашингтоне, где и без Тальявини не только прекрасно знали, но и активно разрабатывали план агрессии «Чистое поле», Западной Европе ничего другого не оставалось, как констатировать данный факт. Спустя неделю на пленарной сессии высшего законодательного органа ЕС в Страсбурге его члены вынуждены были согласиться с этим выводом, но всячески постарались прикрыть преступления режима Саакашвили.

В частности, в принятом им решении констатировалось, что: «...факты, которые нашли всестороннее отражение в докладе госпожи Х. Тальявини, могут быть использованы частными лицами при подаче исков в Международный суд в Гааге в отношении нарушения Европейской конвенции по правам человека».

В который уже раз покровители режима Саакашвили отказались признать с его стороны акт государственного терроризма и увели от ответственности в дебри юридической казуистики. В Вашингтоне, Брюсселе и Тбилиси постарались поскорее забыть про урок августа 2008 и уже не столь шумно, чтобы не дразнить набирающего силы нового старого «хозяина на Кавказе» — Россию, принялись за восстановление грузинской армии и продолжают науськивать спецслужбы на соседей, чтобы попытаться разыграть на Южном и Северном Кавказе более долгоиграющую и более опасную, прежде всего для народа Грузии, карту — карту пещерного национализма.

Старая песня на новый лад

Спустя год, еще не успев оправиться от позорного поражения, военная машина Грузии начала поигрывать своими дистрофичными мускулами. Двадцать четвертого октября 2009 года на территории древней Колхиды, у границ независимой Абхазии, защиту которой взяли на себя пограничные войска ФСБ России, были проведены совместные американо-грузинские военные учения под кодовым названием «Немедленный ответ». Недвусмысленность названия говорит сама за себя. Но его организаторы с ответом явно поторопились. По оценке самих западных военных специалистов, учения обнаружили «ряд серьезных недостатков в боевой подготовке подразделений и системе управления ими».

Однако в руководстве НАТО с упорством, достойным сожаления, продолжают натаскивать грузинскую армию, а саму страну тянуть за уши в эту организацию. Двенадцатого марта 2010 года без большой помпы в Брюсселе в штаб-квартире Североатлантического альянса состоялось заседание Комиссии «НАТО — Грузия», в ходе которого обсуждалась стратегия грузинского правительства «Об отношении к оккупированным территориям» — независимым государствам Абхазии и Южной Осетии.

На этот раз Саакашвили и члены грузинского правительства не лезли с голливудскими улыбками под объективы телекамер и не делали широковещательных заявлений, а вели себя как провинившиеся ученики и внимательно слушали новые, еще более ценные указания «большого хозяина». В них Саакашвили и его окружению предлагалось сменить воинственную риторику и пустить в ход средства и приемы, в свое время апробированные США на бывшем СССР. Взамен «Чистого поля» его сценаристы спустя полтора года после провала военной агрессии развернули

более изощренную и не менее опасную атаку против России, народов Абхазии и Южной Осетии — атаку на умы и сознание людей. В ход пошли испытанные средства: клевета, дезинформация и передегеривание фактов.

Так, 31 января 2010 года проправительственные СМИ распространили ложную информацию о якобы незаконном задержании пяти жителей Грузии сотрудниками Пограничного управления ФСБ РФ в Республике Абхазия в районе селения Саберио при попытке перейти на контролируемую грузинской стороной территорию.

Ранее, 4 февраля 2009 года СМИ Грузии опубликовали сведения о разбойном нападении в селении Меоре Отобая Гальского района. Налетчики якобы ограбили две грузинские семьи и, по утверждению тбилисских источников, ими, естественно, оказались российские военнослужащие. Основанием для таких голословных обвинений послужило то, что нападавшие якобы говорили на русском языке без акцента.

Шестого февраля 2010 года грузинские СМИ выдали новую информационную утку: об очередном ограблении в том же селении нескольких грузинских семей. Они живописали, не жалея черной краски, как российские пограничники в ночное время задержали три семьи при попытке пересечения государственной границы. После задержания их будто бы жестоко избили, забрали деньги и драгоценности.

И таких информационных уток с каждым месяцем в грузинских СМИ становится все больше. Наряду с этим они прибегают и к более изощренным способам воздействия на сознание жителей Абхазии с целью дискредитации в их глазах российской помощи. Здесь наряду с тенденциозными и откровенно клеветническими материалами широко используются слухи. Один из них связан с якобы существующей договоренностью между президентами России и Грузии о переходе в скором будущем Гальского района в состав Грузии. Другой слух касается абхазских пограничных

подразделений, утверждается, что они будут упразднены, а военнослужащие вместе с семьями выброшены на улицу.

Проводя политику по компрометации российского воинского контингента, грузинское руководство стремится показать мировой общественности, что Россия неспособна стабилизировать обстановку в приграничных с Грузией районах. Так, в начале июня ими была поднята шумиха вокруг разбойного нападения, произошедшего 1 июня 2010 года вблизи села Дихазурга, тогда была обстреляна машина с сотрудниками Государственного таможенного комитета (ГТК) Республики Абхазия. В ходе боя с абхазской стороны погиб один человек и двое получили тяжелые ранения.

Не успела она затихнуть, как тут же представители миссии ООН в Грузии подняли вопрос о поджоге 6 июня 2010 года пяти домов менгрелов в том же селении, расположенном в непосредственной близости от места засады, из которой было совершено нападение на автомобиль с абхазскими таможенниками. Незамедлительно последовало заявление: «Это было актом возмездия за убийство сотрудника ГТК и явилось следствием попустительства со стороны российского командования».

Под эту подрывную деятельность руководством Грузии и его западными покровителями закладывается серьезная организационная основа. Так, с 5 декабря 2009 года в Тбилиси начала функционировать специальная школа по подготовке сотрудников средств массовой информации страны. Учредителями школы являются неправительственная организация Институт освещения войны и мира (Великобритания) и Министерство обороны Грузии. Финансирование данного проекта осуществляет Министерство иностранных дел Великобритании. Этот более чем странный союз «грузинских стервятников» и «британских голубей» с 6 по 13 декабря 2009 года провел занятия с шестью группами представителей местных телевизионных компаний «Са-

картвело», «Имеди», «Рустави-2», «Компании общественного вещания», «Аджарии» и «Алании». Там же были замечены сотрудники Специальной службы внешней разведки, Департамента конституционной безопасности МВД. Обучение проходило на базе 23-го горно-стрелкового батальона 5-й пехотной бригады МО Грузии в Сачхере. Судя по месту проведения сборов, сотрудников СМИ учили не только искусно лгать, но, видимо, и навыкам шпионско-диверсионной деятельности.

С марта 2010 года в Тбилиси на базе специальной школы по подготовке сотрудников СМИ начал функционировать специальный центр обучения журналистов из бывших республик СССР, в котором они смогут получить теоретические и практические знания о методах освещения вооруженных конфликтов, а также массовых акций протеста.

Одновременно грузинское руководство, используя подконтрольные СМИ, проводит осторожную политику по поддержке ряда заявлений, сделанных оппозицией в Абхазии. В частности, высказывалось одобрение их действий по обвинению президента С. Багапша в игнорировании интересов абхазского населения якобы в угоду России, в вопросах размещения на территории республики 7-й военной базы Министерства обороны РФ, Управления пограничных войск ФСБ РФ, планов разработки инертных материалов для строительства олимпийских объектов в г. Сочи, а также добычи нефти в водах, прилегающих к Абхазии.

Параллельно с поддержкой оппозиции как в печатных, так и электронных СМИ Грузии в последнее время активно муссируется информация о значительном ухудшении отношений между абхазами и русскими, усилении антироссийских настроений в Республике Абхазия.

«Хотя в Сухуми пока еще не начинались выступления против русских, но недовольство ими там явно ощущается. Масштабных антироссийских выступлений в Абхазии не

наблюдалось, хотя столкновения между абхазской милицией и российскими военными приняли массовый характер», — вещают телеканалы «Сакартвело» и «Рустави-2». Особому смакованию они подвергли акцию протеста группы сотрудников военного санатория «Сухум», арендуемого МО России. Одиннадцатого июля 2011 года ими на некоторое время была перекрыта одна из центральных улиц столицы Абхазии. Обычный трудовой конфликт дикторами «Сакартвело» и «Рустави-2» был раздут до вселенского масштаба. Они взхлеб вещали о массовых выступлениях жителей Сухуми против российской оккупации.

После принятия Международным олимпийским комитетом (МОК) решения о проведении зимней Олимпиады 2014 года в городе Сочи, политическое руководство Грузии и стоящие за ним враждебные России силы развернули шумную организационно-пропагандистскую кампанию. В ее основу положен «пещерный национализм», и имеет она своей конечной целью — поджечь Северный Кавказ.

Так, 19 ноября 2010 года в парламенте страны прошло закрытое заседание комитетов по связям с соотечественниками, внешних связей и комиссии по восстановлению территориальной целостности, на котором был рассмотрен проект «Плана действий по выражению протеста против проведения зимней Олимпиады-2014 в Сочи». В мероприятии приняли участие представители Совбеза Грузии, ряда министерств и ведомств, а также прибывшие в Тбилиси представители черкесской диаспоры из Кабардино-Балкарской республики, Турции, США, Германии и Израиля.

План протестных действий, который вынашивается грузинским руководством, предполагает организацию активной пропагандистской кампании в международных средствах массовой информации против проведения зимней Олимпиады в России. С этой целью ее организаторами готовятся различного рода протестные обращения беженцев и

популярных спортсменов в МОК, а также планируется проведение демонстраций представителей диаспор кавказских народов в столицах европейских государств.

Уже сегодня в интересах информационного противодействия проведению зимней Олимпиады-2014 в Тбилиси зарегистрирован сайт (<http://www.antisochi.org>), предназначенный для публикации материалов психологического воздействия, затрагивающих экологические проблемы, недостатки в строительстве олимпийских объектов в городе Сочи, показывающих якобы несостоятельность российских специальных служб в обеспечении безопасности в подготовке и проведении Олимпиады, а также муссирование темы о будто бы имевшем место геноциде черкесов и «оккупации Россией грузинских территорий».

В ходе обсуждения так называемого «Плана действий по выражению протеста против проведения зимней Олимпиады-2014 в Сочи» ряд участников заседания выступили с клеветническими измышлениями в адрес руководства России о якобы его неспособности обеспечить безопасность проведения спортивных мероприятий в связи с нестабильностью ситуации на Северном Кавказе. Те, кто это заявлял, вероятно, хорошо знали, о чем идет речь. Кому, как не им, знать, что замышляют собственные «джеймс бонды» из Специальной службы внешней разведки, Департамента военной разведки Минобороны, Департамента контрразведки, департаментов военной полиции Минобороны и пограничной полиции МВД, в специальных центрах которых готовятся террористы, диверсанты и шпионы.

В качестве одного из вариантов дискредитации системы обеспечения безопасности подготовки и проведения зимней Олимпиады-2014 в городе Сочи устроители заседания видят распространение пропагандистских материалов о деятельности бандформирований на Северном Кавказе РФ, называемых грузинской стороной «борцами за свои

свободу и независимость». Кроме того, они намерены и уже используют как имеющие место факты противоправной деятельности бандподполья в этом регионе, так и заведомо ложные. Нет никаких сомнений в том, что грузинское руководство и спецслужбы в настоящем и будущем ограничатся только пропагандистскими выстрелами, не для того на базах специальной подготовки в Телави, Сачхере, Коджори и других натаскиваются отряды головорезов.

Более чем вероятно, что за последними бандитскими вылазками в Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках, которые произошли в феврале 2011 года, могут стоять грузинские спецслужбы. К подобному выводу приводят официальные заявления руководства Грузии, пообещавшего сделать все, чтобы не допустить «...международного спортивного мероприятия страной — виновником имевшего место геноцида черкесов в XIX веке и продолжающей этнические чистки в отношении грузин в современной истории». Поэтому нельзя исключать того, что, как это уже было однажды в истории олимпийского движения (мюнхенской 1976 года летней Олимпиады), они предпримут попытки провести диверсии и террористические акты, в том числе на территории Абхазии, прилегающей к Красной Поляне. В этом случае их организаторы будут метить не только в сочинскую Олимпиаду, они попытаются дискредитировать решение руководства России, признавшего в 2008 году независимость Абхазии и Южной Осетии. Взорванный пассажирский поезд или сбитый над небом Абхазии гражданский авиалайнер сыграет на руку тем, кто поднимет крик о «недееспособности и криминально-террористическом характере режима в этой республике»

Наряду с этим разработчики «Плана действий по выражению протеста против проведения зимней Олимпиады-2014 в Сочи» наперекор реалиям, сложившимся после

августа 2008 года, когда Абхазия стала независимым государством, намерены муссировать вопрос о будто бы имеющих место грубых нарушениях норм экологии при строительстве олимпийских объектов, затрагивающих территорию Грузии. Одновременно ими будут предприняты попытки инициировать проведение международными специалистами оценки экологической ситуации на «временно оккупированной территории» (Абхазии), с тем чтобы потом выдвинуть против России надуманные обвинения в нанесении непоправимого ущерба природной среде, связанного с вывозом инертных материалов из дельт горных рек, а также неконтролируемой вырубкой реликтовых лесов.

Но наиболее важный и долгоиграющий фактор, который разработчики плана собираются использовать, чтобы противодействовать проведению зимней Олимпиады-2014, лежит в исторической плоскости и связан с вынужденным переселением черкесского, адыгского, убыхского, абхазского и других народов из мест своего постоянного проживания в период Кавказской войны XIX века.

Все на том же закрытом заседании парламента Грузии 19 ноября 2010 года при обсуждении этого вопроса один из участников заседания, представитель Черкесского международного совета И. Югар (г. Паттерсон, штат Нью-Джерси, США), заявил о неприемлемости проведения зимних Олимпийских игр «на территории, где в XIX столетии произошел геноцид и были выселены адыгские народы». Далее он высказал заведомо ложное суждение, согласно которому проведение Олимпийских игр в местах геноцида противоречит Олимпийской хартии, что является серьезным препятствием для проведения Олимпиады 2014 г. в г. Сочи. В связи с этим при поддержке грузинского руководства и парламента страны инициирован процесс рассмотрения и признания виновности России в «геноциде черкесов в ходе Кавказской войны».

Помимо вышеперечисленных необоснованных и просто надуманных претензий к организаторам зимней Олимпиады 2014 года глава временной комиссии по восстановлению «территориальной целостности Грузии» Ш. Малашхия и глава парламентского комитета по вопросам диаспоры Грузии Н. Циклаури предложили использовать проблемы беженцев, в т. ч. «жертв» последней грузино-абхазской войны 1992–1993 годов и вынужденно перемещенных лиц, в качестве информационного повода для выдвижения требования к МОК о смене места ее проведения.

Ш. Малашхия выразил уверенность в поддержке парламентских инициатив Грузии со стороны стран Евросоюза, которые постоянно высказываются за территориальную целостность Грузии и критикуют политику России на Северном Кавказе. В ходе дебатов Н. Циклаури заявил, что «значимым фактором в оказании международного давления на МОК и правительство РФ должна стать объединенная сила кавказских народов, проживающих в Европе и США».

Несколькими днями позже после закрытия совместного заседания комитетов по связям с соотечественниками, внешних связей и комиссии по восстановлению территориальной целостности парламента Грузии, а также представителей ряда зарубежных диаспор, по инициативе и на средства грузинской стороны в период с 19 по 21 ноября 2010 года в Тбилиси прошла вторая международная конференция: «Сокрытые нации, продолжающиеся преступления: Северный Кавказ между прошлым и будущим». И опять основной темой выступлений, которая была инициирована представителями парламента Грузии, стали вопросы «о признании геноцида черкесов со стороны Российской империи в ходе Кавказской войны XIX века», а также «организация протестного движения против проведения зимних Олимпийских игр в Сочи».

Ее устроители, видимо, рассчитывали на солидное представительство, но просчитались. Одна из самых крупных зарубежных диаспор — абхазская — не только отказалась от участия в ней, но и осудила ее устроителей. В частности, ее лидер — руководитель Федерации абхазских дернеков в Турции Фэридун Акусба отмежевался от позиции устроителей конференции и заявил: «...суждения подобного рода о геноциде народов Кавказа со стороны России, о восстановлении исторической справедливости путем создания на Северном Кавказе Республики Черкесия и аморальности проведения Олимпиады на крови абхазов и убыхов ни к чему хорошему не приведут. Новый передел на Кавказе — это война, у которой не будет конца...»

И далее он отметил: «...позиция подавляющего числа руководителей и членов Федерации абхазских дернеков в Турции состоит в том, что в будущее нельзя смотреть только глазами прошлого. Надо исходить из реалий, сложившихся к настоящему времени. XVIII–XIX века — это время борьбы великих империй. Малые народы, в т. ч. Кавказа, были обречены оказаться между жерновами Османской и Российской империй. Абхазский народ, пожалуй, как никакой другой, имел бы право говорить о своих бедах. Он единственный в Российской империи, который был признан «виновным народом». Но мы не собираемся спекулировать на прошлом. Это путь в тупик».

Подыгрывая «большому хозяину», руководство Грузии, осознавая это или нет, ведет свое государство и народ в исторический тупик. Пытаясь поджечь дом соседа, оно не должно забывать, что пламя пожара может перекинуться на его собственный. У народов Северного Кавказа, и особенно Абхазии и Южной Осетии, крепкая память. Они хорошо помнят, с какой жестокостью в XIX веке грузинские ополченцы вместе с царскими войсками подавляли восстания абхазов, убыхов и садзов. Они не забыли, что 21 мая

1864 года в абхазском урочище Губаадвы (ныне Красная Поляна. — *Прим. авт.*) именно грузинские ополченцы принимали участие в параде царских войск, ознаменовавшем окончание Большой Кавказской войны. Они помнят, как 9 июня того же года в Тифлисе предводитель местного дворянства Дмитрий Кипиани обратился с приветствием к наместнику на Кавказе, великому князю Михаилу Романову:

«Ваше императорское величество! Мы довершили покорение Кавказа и тем внесли в историю неразлучное с вашим именем событие огромной важности. Избранные грузинским дворянством, приносим вашему императорскому высочеству поздравление от всего нашего сословия».

Из памяти абхазского и осетинского народов не изгладилась карательные походы войск Демократической республики Грузия (ДРГ) 1918–1921 годов. А их нынешние потомки до сих пор не могут оправиться от ран, нанесенных недавними войнами 1992–1993 и 2008 годов, развязанных на их территории опять-таки псевдодемократической Грузией. Людьми военными, да и не только ими, три буквы ДРГ легко расшифровываются как диверсионно-разведывательная группа. В связи с этим невольно возникает вопрос: как долго Грузия и ее правители будут выступать в роли диверсантов на Кавказе? Как далеко они зайдут в своей человеконенавистнической политике по отношению к тем народам, которым еще несколько десятилетий назад пели дифирамбы?

В прокаленном солнцем августе 2008 года российская армия остудила горячий пыл безумцев из Тбилиси и сорвала блицкриг грузинских войск. И пусть сегодня ежедневные информационные сводки из независимых республик Абхазии и Южной Осетии не пестрят цифрами убитых и раненых, война продолжается. Война более изощренная и более разрушительная по своим последствиям. Война за души и умы русских, абхазов, осетин и грузин.

Шпионская тропка

Декабрь навалился на Россию ранними и небывало крепкими морозами. Особенно они свирепствовали на севере. Здесь, в Архангельской области, студеное дыхание близкой Арктики, казалось, навечно сковало ледяным панцирем все живое. Суровое белое безмолвие безраздельно властвовало над утопавшей в непроходимых сугробах тайгой, и ни один звук, ни одно движение не нарушали стылой предрассветной тишины.

Наконец долгая зимняя ночь подошла к концу и нехотя уступила место дню. Хмурый рассвет едва заметной розовой полоской окрасил восток. Робкий луч солнца скользнул над горизонтом, и в морозной дымке фантастическим миражом проступили циклопические сооружения российского космодрома «Плесецк». Угасающее полярное сияние разноцветными бликами поигрывало на заиндеветших гигантских металлических конструкциях ракетного старта, где в паутине труб и кабелей застыла новейшая межконтинентальная баллистическая ракета «Тополь М».

Над ее разработкой бились лучшие научные и инженерные умы России. Ей предстояло стать важным козырем в новой ракетно-ядерной игре, что затеяли «ястребы»

из Пентагона. Поэтому цена предстоящих испытаний в укреплении обороноспособности страны была как никогда высока. Неудача могла на несколько лет назад отбросить Россию в ее титанических усилиях вернуть былую мощь своим стратегическим силам сдерживания.

Чем лично им грозил провал пуска, ни командующий Ракетными войсками стратегического назначения генерал-полковник Соловцов, ни главный конструктор Соломонов старались не думать. Они гнали прочь самую мысль об аварии, так как еще были свежи в памяти недавние неудачные испытания ракеты «Булава» на Северном флоте, больно ударившие по его командованию и конструкторам.

В эти последние мгновения перед стартом на командном пункте царила звенящая тишина. Стрелка хронометра мучительно медленно ползла по циферблату и наконец застыла на цифре «ноль». Соловцов и Соломонов впились взглядами в экран, на котором гигантской сигарой серебрилась покрытая инеем ракета, и мысленно молили только об одном: чтобы пуск состоялся, и она вышла на заданную траекторию. И когда через толщу бетонных стен донесся рев маршевых двигателей первой ступени, командующий, главный конструктор и расчет пуска перевели дыхание.

Ракета нехотя качнулась над пусковым «столом» и, полыхнув струей клокочущих газов, вонзилась в небо. Стартовая площадка потонула в клубах дыма и пара. Не успела рассеяться серая пелена, как загрохотали задвижки на многотонной бронированной двери потерны, и топот множества ног нарушил тишину подземелья. Генералы, офицеры и конструкторы, забыв про возраст, звания и должности, бросились наперегонки к выходу. В следующее мгновение оглушительное «Ура!» пошло гулять раскатистым эхом по тайге. На унылом северном небе появился характерный святящийся крест — отделилась первая ступень ракеты.

Через двадцать семь минут с далекой Камчатки на командный пункт космодрома «Плесецк» поступил долгожданный доклад: учебная головная часть точно поразила заданную цель. Это был успех! Это была долгожданная и выстраданная победа! И захмелевшие не столько от спирта, сколько от радости, победители не стеснялись своих эмоций и радовались как дети.

В тот день центральные российские телеканалы и газеты коротко сообщили об успешном запуске межконтинентальной баллистической ракеты с космодрома «Плесецк». Но мало кто (разве что специалисты да разведчики) обратил внимание на прозвучавшую вскользь информацию об успешных испытаниях новой противоракетной системы «Тополь М». То, чего так опасались на Западе, российским конструкторам и инженерам удалось сделать — их детище, ракета стала неуязвимой для средств поражения противника.

Эта новость не прибавила настроения в Пентагоне и, конечно, в ЦРУ. Американская разведка уже не первый год вела безуспешную охоту за новейшими российскими ракетно-ядерными разработками. Пришедшая в себя после развала «советской империи» и быстро набирающая экономическую и военную мощь Россия явно была не по нутру американским «ястребам».

Сложные противоречивые чувства это событие вызвало у старшего инженера-испытателя космодрома «Плесецк» подполковника Владимира Нестерца. Сорокалетний офицер, больше двадцати двух лет отдавший службе в армии, из которых шестнадцать были связаны с наиболее передовой и секретной областью военного строительства — космосом, на закате карьеры пришел к неутешительным для себя выводам. Квартира на «большой земле», тем более в благодатном месте, в ближайшие годы ему не светила. Очередь на отселение из режимного жилого города космодрома «Плесецк» терялась где-то за полярным кругом. Для многих отставников

желанная квартира являлась скорее несбыточной мечтой, чем реальной действительностью. С будущей денежной работой на гражданке для инженера-испытателя, тем более в такой специфической области, как военный космос, дело обстояло и того хуже. Пробить себе дорогу к сияющим вершинам дикого капитализма среди так называемых «эффективных менеджеров», отличающихся волчьей хваткой, для престарелых подполковников и полковников было делом почти безнадежным.

Примеров на сей счет перед глазами Нестерца имелось более чем достаточно. Среди однополчан, уволившихся со службы, лишь редкие счастливицы смогли пристроиться на должности слесарей и сантехников в местную коммунально-эксплуатационную часть. Те же, кому повезло меньше, от безысходности топили свое горе в «бабьих слезах». Их несчастные жены в день выдачи пенсий ложились костью на ступеньках кафе, чтобы уберечь мужей от коварного зеленого змия и сохранить в доме последнюю копейку.

И все-таки, несмотря на все невзгоды, космодром «Плесецк» и его персонал продолжали нести трудную космическую вахту. В унылое северное небо не так часто, как прежде, но все-таки продолжали взлетать ракеты. А могучий рев маршевых двигателей первой ступени, разносившийся далеко по округе, порождал у испытателей и местных жителей надежду на то, что рано или поздно худшие времена останутся позади. Но это мало радовало Нестерца, в нем нарастали глухое ожесточение на жизнь и отвращение к службе — в будущем он не видел для себя просвета.

Стихия «дикого» рынка, в которую безоглядно погрузили страну, пока лишь слабыми всплесками перехлестывала через покосившийся забор режимного жилого городка. Сидевший в печенках ГУТ, «Ванькинторг», наконец скончался, а народившиеся вместо него «комки» с набором колониальных товаров не очень-то тешили душу работни-

ков космодрома. Цены в них при зарплате подполковника, едва дотягивавшей до заработка помощника машиниста московского метро, больно кусались. Некоторое оживление в жизнь города вносили заезжие политики. В погоне за депутатскими мандатами они засыпали наивный электорат щедрыми обещаниями, суля грядущее процветание космодрому. Выборы заканчивались, и они, получив вожаемые мандаты, затем терялись в бесконечных думских коридорах.

В безрадостной череде серых будней для большинства офицеров, пожалуй, единственным светлым пятном оставался отпуск. Раз в год они и члены их семей могли позволить себе роскошь — за счет государства проехать бесплатно в любую точку страны. Поэтому, когда наступал сезон отпусков, космодром «Плесецк», где, как шутят местные остроловы, одиннадцать месяцев зима, а все остальное лето, пустел.

Выезжал в отпуска и Нестерец и окунался в совершенно иной мир. Мир, которому не было никакого дела до сбоев в системе навигации ракетной пусковой установки и неполадок в бортовой аппаратуре самой ракеты. Этот мир был равнодушен к бессонным ночам, проведенным Нестерцом и его коллегами за поиском и устранением неисправностей. Он жил другой жизнью, и в ней подполковник Нестерец не находил себе места. На улицах когда-то родных Харькова и Киева он чувствовал себя чужим. Глаза слепил блеск крикливой рекламы, а душу травил вид молодых, уверенных в себе и в жизни «эффективных менеджеров», цена одного костюма которых тянула на годовую зарплату подполковника.

Отпуск уже не приносил былой радости, и Нестерец с тяжелым сердцем возвращался на космодром, где, как ему казалось, ничего не менялось ни в службе, ни в его жизни, ни в материальном положении семьи. Он не хотел замечать того, что пусть медленно, но положение становилось лучше. На космодроме стали забывать о хронических задержках

зарплаты, может быть, не так быстро, как хотелось бы, но она начала расти. Сдвинулась с мертвого якоря очередь очередников на жилье. Сотни счастливых обладателей ордера на квартиру потянулись в Центральную Россию.

Нестерца это нисколько не радовало. Перед его глазами стояли машины, яхты и виллы «новых русских» и «новых украинцев», большинство из которых годились ему в сыновья. В нем росла зависть к ним — этим новым лощеным хозяевам жизни — и одновременно чувство досады на себя за бесцельно потраченные годы. Ситуацию усугубляло все ухудшающееся состояние здоровья матери. Он терзался мыслью, как вырваться из замкнутого круга, и не находил выхода. Приходя поздно вечером со службы в неудобную, холодную квартиру, через которую прошли десятки его предшественников, Нестерец, вяло прожевав ужин, садился перед телевизором. На его экране довольные собой и жизнью молодцы раскручивали барабан рулетки, легко достигая успеха, и призывали доверчивых граждан в одночасье стать миллионером. Но все это было далеко от реальной жизни инженера-испытателя и вызывало в душе Нестерца лишь злость и ожесточение.

На следствии Нестерец затруднился вспомнить, когда именно ему в голову пришло решение, как одним махом решить все проблемы. Деньги, ставшие для него идеей фикс, валялись под ногами. Горы технической документации, большинство которой имело гриф «секретно» и «совершенно секретно», материалы последних летно-конструкторских испытаний ракеты «Тополь М» он мог обратиться в вожделенный миллион. Для этого ему не требовалось тайком пробираться в места испытаний боевого ракетного комплекса (БРК) «Тополь М», скрытно от сослуживцев переснимать чертежи или подслушивать их разговоры. В головах однополчан Нестерца не возникало и тени мысли, что он, с кем они прослужили не один год, испытали радость от успеха

и испили горькую чашу неудач, мог оказаться негодяем, использующим дружеские отношения в своих низменных, преступных целях. Без всякой задней мысли сослуживцы делились с Нестерцом результатами испытаний различных систем ракетной техники, интересовались его мнением опытного специалиста по возникающим проблемам.

В Нестерце шла борьба мотивов, и только страх наказания за совершение преступления — государственной измены — удерживал его от последнего шага. Приближался 2006 год, в семье и в здоровье матери улучшений не произошло, и он, отбросив последние сомнения и страхи, решился взяться за осуществление своего преступного плана. И если вопрос сбора секретных сведений по БРК «Тополь М» не вызывал больших затруднений, то вторая часть плана — поиск покупателя и выход на него стал настоящей головной болью. Тот, что им должен быть представитель иностранной спецслужбы ЦРУ, у Нестерца не вызывало сомнений, а вот как незаметно ускользнуть от российской контрразведки и выйти на него, он долго не мог определиться.

Казалось бы, чего проще установить контакт с американцами во время проведения ими инспекции космодрома. За полтора десятка лет эта процедура стала рутинной и была хорошо знакома Нестерцу. Он неоднократно участвовал в обеспечении инспекций, но, взвесив все «за» и все «против», решил отказаться от такого варианта. И тому имелись причины. Во-первых, самому напроситься в группу сопровождения американских инспекторов — значит засветиться перед контрразведкой. За двадцать лет службы Нестерец познал ее жесткую хватку и не собирался проверять на себе. Во-вторых, у него возникали серьезные сомнения в том, что если и удастся на короткое время уединиться с американцами, то они могут воспринять его действия как провокацию. И наконец, в-третьих, он вряд ли мог рассчитывать на получение вождеденного миллиона. В своих рюкзаках

инспектора, если что и носили, то никак не доллары, а скорее шпионское снаряжение.

Другим адресом, где, как полагал Нестерец, можно было заработать на секретах, являлись Генеральное консульство США в Санкт-Петербурге и посольство в Москве. Уж там-то, в резидентурах ЦРУ, знали толк в том товаре, что имелся у него на руках, и наверняка располагали миллионом. Определившись с будущим местом торга и покупателем, Владимир Нестерец занялся сбором секретной информации по БРК «Тополь М».

Прошумели и остались позади новогодние праздники. Но они не принесли радости Нестерцу. В нем снова зародились серьезные сомнения. И вот здесь его озарила догадка: то же самое, что в Москве и Санкт-Петербурге, он с гораздо меньшим для себя риском мог проделать в Киеве! Там, как ему представлялось, российская контрразведка была бессильна помешать исполнению шпионских замыслов. Украина — окончательно определился в своем выборе Нестерец.

За после годы на его исторической родине произошли удивительные перемены. Благословенная земля Украины и чудо-град Киев, гордо вознесшийся на крутых берегах Днепра, воспетые гениальным Гоголем и прославленные великим историком Карамзиным, в начале третьего тысячелетия вряд ли бы подвигли Николая Васильевича и Николая Михайловича на ту величественную оду славянскому духу, который помог двум братским народам мужественно противостоять бесчисленным ордам захватчиков и пережить окаянные Смутные времена.

Спустя тысячелетие после образования Киевской Руси время словно повернуло вспять, и новые тяжкие испытания выпали на долю русского и украинского народов. В Киеве под сводами древних славянских святынь, где родилось великое Слово, объединившее их в Великую Державу, зазвучали совершенно иные речи. Одни — ненавистники всего русско-

го, когда со своего, а чаще с чужого голоса лили приторный елей в замутненные души паствы. Другие — оголтелые националисты, ревнители чистоты украинской мовы и расы, подняли из ада палачей украинского и русского народов — фашистов из дивизии СС «Галичина» — и возвели в ранг национальных героев. Не меньше их усердствовала клика «оранжистов» во главе с бывшим президентом Ющенко. Ослепленные национализмом, они пускались во все тяжкие, чтобы только прервать связь времени и духовное родство двух братских народов. В ход шли наглая ложь и клевета, беззастенчивая спекуляция на общем трагическом прошлом.

Их стараниями знаменитый своей историей город Киев в те годы скорее напоминал злую мачеху, которую нахальный заморский дядька бесцеремонно впихнул в отчий дом. Из центра Киева — сердца славянской цивилизации и культуры, где теперь холодно поблескивают стеклом и бетоном посольские особняки стран НАТО, повеяло духом, чуждым русскому и украинскому народам. За их стенами под мощными электронными щитами сегодня плетут свою невидимую паутину разведывательные резидентуры.

Алчный цвет золота, которым они, особо не стесняясь, манят на своих сайтах, влечет в их липкие сети тех, кто ради корыстных интересов готов торговать интересами Родины. Для большинства предателей: Дудника, Накаидзе, матери и сына Алиевых и других — вояжи в Украину по скользкой шпионской тропе закончились не роскошным бунгало на Канарских островах, а камерой в Лефортовской тюрьме. И только там они осознали, что тот денежный мираж, которым завлекали к себе иностранные спецслужбы, может быстро смениться на прозаический пейзаж мордовских лесов и сибирской тайги.

Нестерцу, наблюдавшему по телевизору за событиями в Украине, это грело мелкую душонку. В нем крепла уверенность, что его преступный план увенчается успехом.

Закончилась суровая зима 2006 года, наступила весна, а с ней приблизилось время очередного отпуска. На этот раз он паковал не только чемоданы, но и секреты ракетного комплекса «Тополь М» — тайком от сослуживцев копировал, сканировал и переносил на компакт-диск технические описания различных систем, результаты их испытаний, чертежи и схемы. В большинстве случаев содержащиеся в них материалы имели гриф «секретно» или «совершенно секретно» и составляли государственную тайну.

Подошел к концу март. Нестерец, сдав в секретную часть имевшиеся на руках документы и получив в строевой части отпускной, а в финансовой службе деньги, покинул все еще утопавший в снегах космодром и отправился в Украину. Поезд, бодро постукивая колесами, катил на юг. Вскоре зимний пейзаж сменился на весенний. Киев встретил Нестерца веселым звоном ручьев, радостным щебетом птиц и оживленными лицами киевлян. Их головы кружил сладковатый запах распустившейся вербы, в то время как совершенно другой отравлял Нестерца — запах вожденных денег.

Шестого апреля он набрался смелости и, соблюдая меры предосторожности, позвонил из телефона-автомата в посольство США в Киеве. Ему ответил голос с акцентом. Избегая лишней детализации, Нестерец скороговоркой сообщил, что располагает важными сведениями о ракетном комплексе «Тополь М» и готов передать их за соответствующее вознаграждение. Его собеседник задал несколько уточняющих вопросов, чтобы убедиться, что имеет дело не с очередным сумасшедшим, в последнее время в связи с весенним обострением активно атаковавшим посольство. Ответы Нестерца, видимо, рассеяли опасения американца, и он предложил ему описать себя, после чего назначил встречу в посольстве.

Начинающий шпион несколько опешил. Такого примитивного отношения к конспирации и пренебрежительного

отношения к себе он никак не ожидал. Вместо тайной встречи где-нибудь в неприметном ресторане или на явочной квартире разведчики ЦРУ, не утруждая себя, тащили его в официальный кабинет. Нестерца вновь охватили сомнения и страхи, но жажда денег оказалась сильнее. В назначенное время он подошел к подъезду посольства. Навстречу ему вышел сотрудник и, узнав по внешности, проводил в крыло посольства, занимаемое американской разведкой.

В скромно обставленном кабинете с огромным зеркалом во всю стену Нестерца встретил благообразный, средних лет сотрудник. Представившись Моррисом Стэнли и назвав свою должность — резидент ЦРУ, он предложил присесть. Нестерец занял кресло напротив и осмотрелся по сторонам. Из зеркала на него таращилась растерянная физиономия с бегающими глазками. За зеркальной стеной, шпион об этом не догадывался, скрывались опытные психологи и аналитики. Они внимательно следили за кандидатом на вербовку в разведывательную сеть ЦРУ, чтобы определить, с кем имеют дело и на что можно рассчитывать в работе с будущим агентом.

Похоже ни на них, ни на Стэнли Нестерец не произвел должного впечатления. Резидент не предложил ему ни виски, ни колы, ни даже чая и после затянувшейся паузы на ломаном русском языке потребовал изложить существо своего предложения. Нестерец, чтобы набить себе цену, заявил, что проходит службу на космодроме «Плесецк», подчеркнул, что является ведущим специалистом, располагает секретными и совершенно секретными сведениями о новейшем ракетном комплексе «Тополь М» и готов продать их за соответствующую цену. Последнюю часть предложения американец то ли не понял, то ли сделал вид, что не понял, и, с трудом подбирая слова, попросил повторить.

Нестерец начал терять терпение, где-где, а в ЦРУ он никак не ожидал встретить такого тупого резидента. Горячась и

перескакивая с одного на другое, он пересказал все снова, но в ответ так и не услышал желанного звона золота. Его беседа со Стэнли больше напоминала разговор глухого с немым. А резидент продолжал вести свою игру — трясущийся от страха будущий шпион, да еще вываливший все секреты, оказался легкой, а самое главное — дешевой добычей. Помучив Нестерца как следует, он пригласил переводчика и расщедрился на виски.

Беседа «на троих» пошла живее, и тогда «зеленый» шпион выложил на стол свой главный козырь — компакт-диск с электронными копиями секретных и совершенно секретных материалов по БРК «Тополь М». Диск тут же исчез в столе Стэнли, и Нестерец приготовился к ответному ходу. Но резидент даже ухом не повел. Предатель, набравшись нахальства, потребовал в качестве аванса двадцать пять тысяч долларов. И здесь американец проявил себя опытным торговцем, не отказав в выплате, он сослался на то, что это будет сделано после оценки специалистами-ракетчиками содержания информации, записанной на компакт-диск. Владимир Нестерец потерял дар речи, а когда пришел в себя, то попытался разжалобить Стэнли рассказом о больной матери и о том, какому подвергался риску, когда собирал информацию, чтоб хоть что-то выдать из него. Тот твердо стоял на своем: сначала перепроверка данных, а потом деньги.

Нестерец был в отчаянии и предпринял последнюю попытку привлечь к себе внимание американской разведки. Он бросил Стэнли затравку — упомянул, что по службе контактирует со специалистами из научно-исследовательских институтов, разрабатывающих еще более совершенные ракетные комплексы, чем «Тополь М». Однако и этот аргумент не развязал кошелек резидента ЦРУ. Стэнли быстро свернул разговор и, пообещав расплатиться позже, вежливо выпроводил Нестерца из кабинета.

Обескураженный шпион не помнил, как вышел из посольства, как оказался на улице. Несмотря на солнечный день, ему казалось, что свет в глазах померк. Такого откровенного, бесстыдного скряжничества и пренебрежения к своей жизни со стороны американской разведки он не ожидал. Нестерец брел по Крещатику и не замечал оживленных лиц киевлян, живших надеждой, что новая весна принесет собой и лучшую жизнь. Ему было не до того, он готов был порвать на клочки скрягу Стэнли и терзался мыслью, что позволил американцам так легко обвести себя вокруг пальца. Но сделанного было не вернуть, и ему ничего другого не оставалось, как запастись терпением и ждать подачи от ЦРУ.

В смятенных чувствах он возвратился на космодром, и, испытывая внутренний страх, вышел на службу. В первое время ему мерещилось, что некоторые из сослуживцев смотрят на него не так, как раньше. Еще больше страх усиливался, когда поблизости появлялся сотрудник контрразведки. Нестерцу чудилось, что они что-то знают или догадываются о его тайном визите в посольство США в Киеве.

Шли дни, недели, а вокруг предателя ничего внушающего опасения не происходило. Служба монотонно тянулась своим чередом. Нестерец успокоился и стал ждать сигнала от американской разведки.

И он последовал. На космодром с внезапной проверкой прибыла инспекционная группа США. В рамках Договора ОСВ-1 об ограничении стратегических наступательных вооружений, подписанного Россией и США, обе стороны регулярно на взаимной основе осуществляли контроль выполнения взятых на себя обязательств. В самой проверке для командования и руководства отдела военной контрразведки ФСБ, казалось бы, не было ничего необычного, если не считать того, что предыдущая прошла недавно и не выявила каких-либо нарушений договора.

После короткой протокольной процедуры инспекционная группа США приступила к работе на объектах космодрома. И тут ряд добровольных помощников военных контрразведчиков из состава групп сопровождения американских инспекторов обратил внимание на некоторые особенности в их поведении и действиях. В отделе ФСБ космодрома, изучив поступившую оперативную информацию, не могли не заметить, что нынешние участники инспекционной группы интересовались не столько тем, как российская сторона выполняет взятые на себя обязательства по договору, сколько пытались под различными предлогами получить закрытую информацию о ходе испытаний БРК «Тополь М».

Последующий скрупулезный анализ вопросов, зпредатели, когда совершали вояжи в Украину.Поездка Нестерца в Киев также не осталась незамеченной военными контрразведчиками. Кроме того, их привлекла еще одна немаловажная деталь, заставившая более пристально посмотреть на старшего инженера-испытателя. Было ли то случайным совпадением или за этим могла таиться шпионская связь, но факт оставался фактом. После возвращения Нестерца из отпуска в Украину на космодром одна за другой посыпались американские инспекции. Возникшие в отношении него подозрения усилил и другой факт — в последнее время, как отмечали сослуживцы, Нестерца будто подменили. А те, кто его хорошо знал, прямо говорили: «Леша сам на себя не похож — замкнулся и стал заводится по пустякам».

Все это вместе взятое заставило контрразведчиков взять Нестерца в активную оперативную разработку. С санкции суда в отношении него был задействован весь комплекс определенных законом сил и средств. И здесь вскрылся ряд фактов, которым ранее придавалась иная интерпретация. Теперь допускавшиеся Нестерцом нарушения в работе с секретными материалами и уединение с ними, проявление

повышенного интереса к ходу испытаний систем БРК «Тополь» на других участках расценивались как шпионаж. Последующий скрупулезный анализ его реальной осведомленности показал, что она значительно превосходит его функциональные обязанности и совпадает с разведывательными устремлениями ЦРУ.

Окончательную точку в шпионской версии поставил один телефонный звонок. Он сказал многое контрразведчикам. В ФСБ России этот абонент был хорошо известен — за ним стояла американская разведка.

Двенадцатого сентября 2010 года Нестерец был арестован. Во время проведения обыска в его квартире были обнаружены вещественные доказательства, в том числе компакт-диск с дубликатом тех самых секретных и совершенно секретных материалов по БРК «Тополь М», который он передал Моррису Стэнли 6 апреля 2006 года.

Опасная игра, затеянная Нестерцом на шпионском поле, чтобы стать миллионером, не стала «полем чудес». Судьба повернула барабан удачи так, что ему выпала роковая цифра тринадцать.

Десятого февраля 2012 года третий окружной военный суд, рассмотрев уголовное дело в отношении подполковника Нестерца В. В, признал его виновным в совершении государственной измены в форме выдачи государственной тайны и приговорил к лишению свободы сроком на тринадцать лет в исправительной колонии строгого режима. Одновременно суд лишил Нестерца воинского звания подполковник.

Содержание

Чужой на связь не выйдет.....	5
Иуды и апостолы.....	27
«Крот» в «Аквариуме».....	49
«Дядя Ваня», «Друг Борис». Кто следующий?	74
Прерванная гастроль	97
Пан или пропал.....	120
Охота на «осьминога»	141
На каждого Хитрюка найдется свой контрразведчик	165
Отпуск длиной в девять лет.....	188
Именем Российской Федерации	212
Мамашина любовь.....	239
8.08.2008 — совсем не «Олимпийские игры»	257
Шпионская тропа.....	289

Лузан Николай Николаевич

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА КОНТРРАЗВЕДКИ

Издано в авторской редакции

Художественное оформление *А. П. Зарубин*

Компьютерная верстка *И. В. Белоусенко*

Корректор *Е. Н. Петрова*

Издательство «Кучково поле»

123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.

Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.

E-mail: kuchkovopole@mail.ru

www.kpole.ru

Подписано в печать 06.12.13. Формат 84×108/32.

Усл. печ. л. 15,96. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тел.: (495) 988 63 87

E-mail: sales@chpk.ru

www.chpd.ru

ISBN 9785995003519

9 785995 003519